

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Янкович Павел Викторович

Деятельность исправительно-трудовых учреждений Смоленской,
Брянской и Орловской губерний в 1917-1929 годах.

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Евгений Владимирович Кодин

Смоленск 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Нормативно-правовая база и материальные условия	41
деятельности исправительно-трудовых учреждений	41
1.1. Нормативно-правовая база пенитенциарной системы в первое десятилетие советской власти	41
1.2. Материально-бытовые условия содержания заключенных	66
Глава 2. Учреждения исполнения наказаний как исправительно-трудовые заведения в пенитенциарной системе советского государства	107
2.1. Трудовая функция учреждений исполнения наказаний	107
2.2. Культурно-просветительская работа в местах лишения свободы	147
Заключение	180
Список источников и литературы.....	187
Приложения	209

Введение

Актуальность темы исследования. В 2018 году Правительством РФ была утверждена Федеральная целевая программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)». Органы государственной власти произвели оценку состояния отечественной пенитенциарной системы на тот момент и пришли к выводу, что в 23 субъектах исправительные учреждения не соответствовали законодательству Российской Федерации и международным стандартам, а сложившаяся система не позволяла в полном объеме реализовать законодательно закрепленный принцип отбывания осужденными наказания в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. Целью Программы является приведение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, а также условий отбывания наказания осужденными в соответствие с законодательством Российской Федерации и международными стандартами. Особое внимание уделяется задаче по улучшению условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы¹.

29 апреля 2021 года Правительством РФ была принята концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Среди главных задач в ней также акцентируется внимание на обеспечении прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, на реализации исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческое достоинство осужденных².

¹ Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 № 420 (ред. от 14.04.2021) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2026 годы)» // «Собрание законодательства РФ», 16.04.2018, № 16 (Часть II), ст. 2374.

² Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ», 17.05.2021, № 20, ст. 3397.

Реализации в полном объеме положений указанной федеральной целевой программы и концепции может способствовать тщательное изучение норм международного права, передового опыта других стран и, безусловно, опыта реформирования пенитенциарной системы в отечественной истории. В этом контексте большую актуальность приобретает исследование проблем организации и функционирования системы исполнения наказаний в период с 1917 по 1929 год, когда происходил коренной перелом в вопросах реализации наказания в виде лишения свободы. Если ранее государство ставило перед собой главную цель изолировать преступников от общества, то советская власть отказалась от такого подхода и начала формировать новую пенитенциарную политику, основанную на принципе исправительно-трудового функционирования учреждений исполнения наказаний. Этот процесс реформирования и радикальной смены парадигмы в деятельности учреждений исполнения наказаний является уникальным опытом в отечественной истории и может быть полезен в современных преобразованиях российской пенитенциарной системы.

Степень изученности проблемы. Изучение исторического опыта формирования и развития системы исполнения наказаний даже в ограниченных территориальных рамках Смоленской, Брянской и Орловской губерний требует тщательного рассмотрения существующих историографических работ, анализирующих различные аспекты деятельности исправительно-трудовых учреждений. Поскольку настоящее исследование затрагивает и вопросы формирования советской пенитенциарной политики в постреволюционный период, то одновременно изучены и приняты во внимание основные оценки правоведов.

Одновременно следует иметь в виду и то обстоятельство, что на протяжении длительного периода доступ к материалам о деятельности советской системы исполнения наказаний в связи с ее спецификой был закрыт даже для узких специалистов. Исследователи долгое время изучали

только те аспекты уголовно-исполнительной системы, которые власть допускала к обсуждению. Лишь начиная с конца XX века изучение вопросов функционирования пенитенциарной системы стало более доступным, что позволило расширить их тематику. В этом и заключается специфика исследований, проводимых в советский период. Основные работы были проделаны юристами, сотрудниками правоохранительных органов, имеющими доступ к определенным материалам.

Исходя из выше сказанного, историографию проблемы можно разделить на два основных периода: советский – до начала 1990-х годов, и постсоветский – с начала 1990-х по настоящее время. Указанные периоды не только определяются разными историческими этапами общественно-политического и социально-экономического развития страны, но и, что важно, существенной разницей в интенсивности проводившихся исследований, степенью научности и публицистичности тематической литературы, проблематикой исследуемых вопросов.

При этом даже с учетом того обстоятельства, что советская пенитенциарная политика формировалась вне соответствующих принципов императорской России, в реальности преемственность между двумя системами, как нам представляется, сохранилась. В этой связи определенный интерес представляют для нас и работы пореформенного периода, так как именно в это время закладываются основы, формируются принципы и традиции, которые в определенной степени станут актуальными и для советской системы исполнения наказаний.

Особый интерес для понимания сущности уголовно-исполнительной политики России в дореволюционный период представляют работы непосредственных служащих мест лишения свободы, включая руководителей Главного тюремного управления, образованного в 1879 году (далее – ГТУ). Следует отметить труды П.К. Грана, А.П. Саломона,

А.М. Стремоухова, С.С. Хрулева и других³, которые имеют не только описательное, но и в некоторой степени источниковое значение. С этой точки зрения наибольший интерес представляют записки начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского⁴ и коллективный труд работников ГТУ, подготовленный под руководством А.П. Саломона⁵.

По мере разработки проблемы в сферу интересов исследователей попадали новые аспекты пенитенциарной системы. Например, А.В. Филиппов⁶ много внимания уделял вопросам трудовой деятельности лиц, приговоренных к наказанию в виде лишения свободы, аргументируя необходимость этого тем, что там, где требовались рабочие руки, «достать их среди остального населения было трудно»⁷. Более того, по мнению автора, именно экономический фактор стал главным при формировании пенитенциарной политики в пореформенный период, что впоследствии станет актуальным и для советской уголовно-исполнительной системы.

С самых первых лет советской власти в силу понятных исторических обстоятельств исследования в гуманитарных сферах, в том числе и работы, рассматривающие пенитенциарную систему, приобрели выраженную политико-идеологическую направленность. Такой подход будет характерным на протяжении всего советского периода, вплоть до 1990-х годов.

Суть большинства работ сводилась к восхвалению советской уголовно-исполнительной системы и критике пореформенной, а заодно и западной, тюремной концепции. Из этого следовала закрытость исправительно-трудовых учреждений как для советских исследователей,

³ Гран П.К. Каторга в Сибири. СПб., 1913; Саломон А.П. Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалине. СПб., 1899; Он же. Тюремное дело в России. СПб., 1898; Стремоухов А.М. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела за 1900–1905 гг. СПб., 1905.

⁴ Записки начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского по командировании его в Сибирь и на о. Сахалин. СПб., 1883.

⁵ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современное положение. СПб., 1900.

⁶ Филиппов А.В. О наказаниях по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. М., 1891.

⁷ Там же. С. 185

так и для западных. Такой подход максимально затруднял изучение истории формирования советской пенитенциарной системы, а также не позволял получать объективные данные о местах лишения свободы, что делало проводимые исследования малоэффективными с точки зрения их научной и практической значимости.

Особенностью исследований, посвященных изучению советской пенитенциарной системы двадцатых годов XX века, явилась идеализация тюремного прошлого революционеров, а фоном стало позитивное описание советской системы и ее противопоставление негативной царской. Так, например, А.С. Кузьмина утверждала, что в Сибири до 1917 года «почти не было библиотек, обучение грамоте не велось, вся воспитательная работа сводилась лишь к усиленной религиозной обработке заключенных, к стремлению превратить их в покорную рабочую силу»⁸.

Поскольку большая часть советской политической элиты в свое время имела личный опыт пребывания в царских исправительных учреждениях, это способствовало появлению в 1920–1930-е годы большого количества работ, посвященных царской тюрьме, каторге и ссылке⁹.

Следует отметить, что именно тогда появляются и вполне квалифицированные научные труды. Отчасти это обусловлено тем, что продолжали работу специалисты с классическим дореволюционным опытом проведения исследований в пенитенциарной сфере. Выходят как обобщающие научные труды¹⁰, так и работы, которые по своей

⁸ Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917–1924 гг.): Дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 11.

⁹ См. например: Васильев Е.А. Тюремные записки. М.–Л., 1928; Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. Пг., 1922; Сандомирский Г.Б. В неволе. Очерки и воспоминания. Л., 1926; Сибиряков С.Г. По пути в Сибирь. М., 1928; Вороницын И.П. Из мрака каторги. 1905–1917. Харьков, 1922; Скобенников А.И. Во Владимирской каторжной тюрьме. Владимир. 1926; Симанович В.А. В новом Шлиссельбурге. М., 1934; Коильев А.П. Кровавые протесты в Бутырках (1911–1913 гг.) М., 1930; Никифоров П.М. В годы реакции в Иркутской тюрьме. М., 1932 и др.

¹⁰ Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. М. –Л., 1927; Волков Г.И. Уголовная политика эпохи промышленного капитализма. М., 1932.

направленности во многом опережали время и предлагали новые методологические основы в исследованиях. Сюда следует отнести труды М.Н. Гернета, который в последние годы имперской России работал заместителем начальника Главного тюремного управления и поэтому знал систему изнутри. Об этом свидетельствуют его работы, посвященные исследованию психологии заключенных, где он, помимо всего прочего, приводит примеры из реальной тюремной жизни¹¹. На тот момент данное направление можно было считать новаторским, но поддержки у коллег-исследователей оно не нашло, и к вопросам пенитенциарной психологии вернулись только в 60-е годы XX века. Одновременно М.Н. Гернет критиковал антигуманные средства наказания, включая смертную казнь, доказывая, что они никак не влияют на уменьшение преступности или рецидивов¹².

Для этого периода характерно полное отсутствие работ, посвященных изучению деятельности мест лишения свободы. Развитие данного направления исследований тормозилось как закрытостью исправительных учреждений, так и новым подходом к учреждениям исполнения наказаний, который был четко изложен в программе РКП(б), принятой VIII съездом партии большевиков в 1919 году: «В области наказания... суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, вводя, как меру наказания, общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применить практику товарищеских судов»¹³. Основываясь на этих тезисах, политические лидеры страны говорили, что

¹¹ Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1925.

¹² Гернет М.Н. Смертная казнь М., 1913.

¹³ Программа Российской коммунистической партии (большевики) // Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962. С. 190–191.

трудящиеся не будут совершать преступления, а поэтому постепенно перестанут быть нужны места лишения свободы.

Очевидно, что последние пожелания относились к далекой исторической перспективе. В реальности же пенитенциарные учреждения оставались средством осуществления как классовой борьбы, так и борьбы с уголовной преступностью. В этой связи в работах А.А. Герцензона, Е. Пашуканиса, А. Трайнина, Е. Тарновского, А.Я. Эстрина, В.Р. Якубсона, Б. Янчевского¹⁴ и других предлагались различные условия содержания и отбывания наказаний уголовными и политическими преступниками.

В это время появляются и первые работы, обосновывающие новые принципы советской пенитенциарной политики. К таким следует отнести труды Е.Г. Ширвиндта «Советское пенитенциарное право»¹⁵ и Б.С. Утевского «Советская исправительно-трудовая политика»¹⁶. Анализируя временную инструкцию 1918 года «О лишении свободы, как мере наказания и о порядке отбывания такового», Б.С. Утевский критикует разработчиков данного документа за то, что они не использовали классовый дифференцированный подход в вопросах отбывания наказания в виде лишения свободы. При этом одновременно он рассматривает формируемую новую советскую систему с позиций гуманного отношения к заключенному и даже ставит задачу необходимости прохождения

¹⁴ Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928; Кесслер М. Задачи и методы производственно-хозяйственной деятельности в местах заключения: Доклад на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей. М., 1928; Крыленко Н.В. Реформа уголовного кодекса. М., 1929; Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. М., 1924; Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. М.–Л., 1927; Пионтковский А.А. Формы уголовного права периода пролетарской диктатуры // Основы и задачи советской уголовной политики. М., 1929; От тюрем к воспитательным учреждениям / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1934; Тарновский Е. Судебная репрессия // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 45–46. С. 43–44.; Трайнин А. Уголовное право. Общая часть. М., 1929; Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931; Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933; Якубсон В.Р. Уголовная репрессия в первые годы революции // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 27; Янчевский Б. Преступление и кара в Советской России // Пролетарская революция и право. 1921. № 15. С. 14–16.

¹⁵ Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. М., 1927.

¹⁶ Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934.

надзирателями и работниками исправительных учреждений специального обучения по общению с заключенными. Профессиональные работники пенитенциарных учреждений должны были, в его оценке, способствовать исправлению заключенных, что, как следствие, должно было уменьшить количество рецидивов.

Отдельно можно выделить исследования, посвященные культурно-просветительской работе в исправительных учреждениях. Так А. Казачинский затрагивал проблему распространения прессы и печатных изданий в местах лишения свободы¹⁷. В 1928 и 1929 годах вышли работы И. Карпова и В. Львова-Рогачевского, которые содержали сведения об отношении заключенных к книге и чтению¹⁸. Помимо этого существует немалое количество работ, исследующих общую эффективность культурно-просветительской деятельности в местах лишения свободы¹⁹.

В 1930-е годы предметом обсуждения также являлась проблема принудительного труда заключенных, итогом которого стала консолидированная точка зрения, заключающаяся в том, что характер труда в местах лишения свободы ничем не отличается от труда обычных рабочих. Труд в советских исправительно-трудовых учреждениях является обычным трудом, которым заняты миллионы трудящихся СССР. При этом

¹⁷ Казачинский А. Тюремная пресса // Журналист. 1925. № 12. С. 64–67.

¹⁸ Карпов И. Творчество заключенных. М., 1929. – 30 с.; Львов-Рогачевский В. Литературное творчество заключенных // Проблема преступности. 1928. Вып. 1. С. 60–82.

¹⁹ Гернет, М.Н. Журналистика и журналы в тюрьме // Право и жизнь. 1923. № 3. С. 93–105; Бехтерев, Ю. К вопросу о самообразовании и заочном обучении заключенных в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР // Административный вестник. 1928. № 2. С. 53; Он же. Музейное дело как одна из форм внешкольной культурно-просветительной работы в местах заключения // Административный вестник. 1925. № 11. С. 37–44.; Он же. Очередные задачи учебно-воспитательной работы в местах заключения СССР // Административный вестник. 1928. № 10. С. 38–46; Карпов, П. И. Творчество заключенных (рисунки, скульптуры и работы мастерских) М., 1929; Львов-Рогачевский В. Литературное творчество заключенных // Проблемы преступности: сборник. М.–Л., 1926. Вып. I С. 60–82; Верховской, П. Основные начала постановки культурно-просветительной работы в местах заключения // Административный вестник. 1927. № 1. С. 35–36.

Б.С. Утевский отмечал, что «принудительный рабский труд заключенных – это труд буржуазных тюрем» и необходимо постепенно осуществить переход к исправительным учреждениям, направленным на воспитание, и в то же время отказаться от рабского принудительного труда заключенных²⁰. Своего рода примером для описания стройки, созданной силами арестантов, стал Беломорско-Балтийский канал²¹.

Затем вплоть до 1950-х годов в исследовании проблем пенитенциарной системы наступило некоторое затишье. Практически перестали издаваться научные труды, в которых бы исследовалась советская уголовно-исполнительная система. В этот период места лишения свободы стали максимально закрытыми, что обосновывалось активным использованием исправительно-трудовых лагерей в качестве средства решения экономических задач, где заключенные являлись дешевой рабочей силой. В имевших место публикациях рассматривались в первую очередь разного рода теоретические правовые аспекты пенитенциарной системы, а не практика работы учреждений исполнения наказания²².

Важным событием с точки зрения изучения отечественной пенитенциарной системы стала научно-практическая конференция,

²⁰ Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934. С. 151.

²¹ См., напр: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934; Инсаров А.С. Балтийско-Беломорский водный путь. М., 1934; Рыкачев Як. Инженеры Беломорстроя. М., 1934; Фирсин С. Итоги Беломорстроя: доклад на президиуме Комакадемии. М., 1934; Пруссак А. Из истории Беломорканала // Вопросы истории. 1945. № 2. С. 138–144.

²² История советского уголовного права. М., 1948; Кирзнер А.С. Наказание как удовлетворение потерпевшего // Социалистическая законность. 1937. № 9. С. 72–74.; Карева М.П. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951; Маньковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. М., 1949; Пионтковский А.А. Сталинская Конституция и проект Уголовного кодекса СССР. М., 1947; Меньшагин В.Н. К вопросу об определении наказания по советскому уголовному праву // Ученые записки ВИЮН. Вып. 1. М., 1940. С. 43–57.; Утевский Б.С. Система и виды наказаний в Уголовном кодексе // Проблемы социалистического права. М., 1938. С. 36–46; Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1948; Швец Н.Н. О принудительных работах по месту службы // Социалистическая законность. 1939. № 5. С. 72–73.; Якубович М.И. О правовой природе института условного осуждения // Советское государство и право. 1946. № 11. С. 55–59 и др.

прошедшая в Высшей школе МВД СССР в 1957 году. В ней приняли участие как ученые, так и работники самой системы и представители общественности²³. Сразу после этого знаменательного события в течение 1958–1961 годов были проведены другие теоретические конференции по вопросам организации исполнения наказаний в регионах (Ленинград, Томск, Свердловск, Саратов и др.)²⁴. Как следствие – активная публикация различных научных материалов²⁵. В этих работах еще не было дискуссии, не рассматривались возможные тенденции развития пенитенциарной системы страны. Здесь следует отметить труды таких ученых, как Н.А. Стручков, Н.А. Беляев, В.П. Артамонов, А.Е. Наташев, И.В. Шмаров, М.Д. Шаргородский, Л.Г. Крахмальник и другие²⁶. В них речь идет о различных проблемах уголовно-исполнительной системы и уже начинают появляться

²³ Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957). М.: ВШ МВД СССР, 1957; Научная конференция по советскому исправительно-трудовому праву // Советское государство и право, 1957. № 12; Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.) и др.

²⁴ См.: Доклады теоретической конференции, посвященной вопросам советского исправительно-трудового права. Томск, 1959; Материалы научной конференции, посвященной проблемам исправительно-трудового права. Томск, 1961; Вопросы кодификации советского исправительно-трудового права: материалы теоретической конференции. Саратов, 1961 и др.

²⁵ Любарский А.Ф. Общественное мнение и его влияние на правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы и деятельности исправительных учреждений: дис... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 81.

²⁶ Калинин В.Н., Утевский Ю.Б., Яковлев А.М. Советские исправительно-трудовые учреждения. М., 1960; Карпец И.И. Индивидуализация наказания. М., 1961; Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. ЛГУ, 1963; Лосев М.П. Содержание заключенных в тюрьмах. М., 1957; Наташев А.Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961; Ной И.С. Теоретические вопросы лишения свободы. Саратов, 1965; Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. М., 1961; Туманов Г.А. Роль режима лишения свободы в достижении задач уголовного наказания // Усиление борьбы с преступностью в свете требований программы КПСС. М., 1964; Крахмальник Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963; Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958; Ширвиндт Е.К. К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. М., 1957; Шмаров И.В., Мелентьев М.П. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Пермь, 1971 и др.

некие исторические аспекты, хотя они и не становятся пока предметом специального научного исследования.

Качественно новые работы стали появляться с середины 1970-х годов. Например, в Рязанской высшей школе МВД России вышла книга З.А. Астемирова «История советского исправительно-трудового права»²⁷, которая имела узкую правовую направленность, но в тоже время в работе присутствует важный историко-информативный материал. Автор отмечал, что в изучаемый им период (1930–1950-е годы) ИТУ действовали с активным применением репрессивных методов, в результате чего в места лишения свободы попало значительное число граждан, которые подверглись беспричинному осуждению или были репрессированы во внесудебном порядке. Ущемление законности, отклонение от «ленинских принципов» – все это проявлялось в подмене действующего законодательства ведомственными актами НКВД. В результате в исправительно-трудовой системе перестал действовать принцип гласности. Для середины 70-х годов XX века это была довольно смелая оценка.

В эти же годы определенный пробел в исследованиях советской уголовно-исполнительной системы был частично заполнен работами, посвященными истории и деятельности милиции²⁸, а также всей правоохранительной работы в целом²⁹.

Отдельно следует выделить некоторые литературные произведения, например «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына и воспоминания Б. Дьякова «Повесть о пережитом», которые были опубликованы в период хрущевской «оттепели». Эти работы не просто привлекли интерес общественности к ранее запрещенной проблематике

²⁷ Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Рязань, 1975.

²⁸ История советской милиции. В 2 т. М., 1977; Советская милиция: история и современность. 1917-1985. М., 1987; Еропкин М.И. Развитие органов милиции в советском государстве. М., 1967; Киссис М.Т. Основные этапы советской милиции. М., 1965 и др.

²⁹ Кученко Н.М. Укрепление социалистической законности Сибири в первые годы НЭПа. Новосибирск, 1981.

лагерей, но сделали подобную тематику возможной для научного анализа. Хотя произойдет это еще только в предстоящую эпоху «гласности» во второй половине 1980-х годов.

В перестроечных работах начали активно рассматриваться проблемы, на которые ранее государством было наложено табу, в том числе разоблачение «сталинизма» и репрессивной политики советского государства. Исследователи стали получать доступ, хотя и ограниченный, к ранее закрытым архивным материалам, а также к публикациям зарубежных авторов.

Начиная с 1991 года в стране происходит так называемая «архивная революция», процесс рассекречивания документов. Если в начале процесса в Государственном архиве РФ таких секретных документов была треть, то на современном этапе только 4–5%³⁰. Благодаря этому современные исследователи получили открытый доступ к архивным материалам, что, в первую очередь, и отличает советский период от постсоветского³¹.

Если в советский период систему исполнения наказаний исследовали преимущественно юристы, которые работали в данной сфере, то на современном этапе стали появляться труды профессиональных историков, что отразилось и на темах исследования.

Также необходимо заметить, что представители разных отраслей изучали свои узкие проблемы в разнообразных аспектах и временных периодах. Отдельные вопросы периодически приобретали определенную популярность. Например, дискуссия ученых по статистике репрессированных.

³⁰ Сталин: преступления или заслуги? //«Обложка» передача радиостанции «Эхо Москвы» от 5.04.2013. URL: <https://echo.msk.ru/programs/oblozhka-1/1024462-echo/#element-text> (дата обращения: 19.05.2021).

³¹ Камынин В.Д. Российская историческая наука в первой половине 1990-х гг. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. № 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-istoricheskaya-nauka-v-pervoy-pолоvine-1990-h-gg> (дата обращения: 24.05.2021).

Благодаря открывшимся архивным материалам стали активно проводиться исследования, связанные с экономической составляющей лагерей и колоний. Большинство ученых характеризуют принудительный труд, используемый в лагерях, как неэффективный, затратный и даже нередко бесполезный по причине незавершенности многих объектов.

Культурно-просветительской работе в исправительных учреждениях было посвящено несколько трудов, в первую очередь описывалась деятельность библиотек. Так, Е.Г. Михеенков исследует вопросы культурно-просветительской работы в исправительных учреждениях Западной Сибири в годы НЭПа. Автор приходит к выводам, что проводимая работа в сфере образования и просвещения заключенных оказывала благотворное воздействие на их ресоциализацию³².

В последние десятилетия больше внимания уделяется изучению медико-санитарного обслуживания заключенных в исправительных учреждениях³³. Так, А.В. Быков в своей работе рассматривал вопросы медицинского обслуживания и поддержания санитарии в исправительных учреждениях Западной Сибири в 1920-е годы. В своем исследовании автор приходит к выводу, что медико-санитарная часть была самым проблемным местом во всей советской системе исправления заключенных данного периода. Основной причиной такого положения дел было малое финансирование, что приводило к неблагоприятным условиям содержания больных³⁴. М.К. Аскользина разрабатывала проблему эпидемиологической ситуации в Тамбовской губернии, в том числе и в местах лишения свободы. По ее мнению, благодаря деятельности

³² Михеенков Е.Г. Особенности культурно-просветительной работы в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири: 20-е годы прошлого века // Ведомости УИС. 2016. № 5 (168). С. 19–22.

³³ Быков А.В. Медико-санитарное обеспечение мест заключения Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1. С. 102–109; Аскользина М.К. Эпидемиологическая ситуация в тамбовской губернии в середине 1920-х гг. // Манускрипт. 2020. № 10. С. 7–10.

³⁴ Быков А.В. Медико-санитарное обеспечение мест заключения Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1. С. 109.

медицинских работников к середине 20-х годов XX века происходит постепенное снижение заболеваемости всеми опасными инфекциями, кроме туберкулеза³⁵.

Также следует отметить важное направление исследований, посвященное изучению отдельных категорий заключенных, например по национальным признакам³⁶. Немало научных трудов на современном этапе посвящено изучению организации исправительных работ³⁷, борьбы в руководстве НКВД³⁸ и др. Особое значение имели обширные юбилейные исследования и публикации³⁹, в том числе и по отдельным местам заключения⁴⁰. Все эти темы в той или иной плоскости затрагивали историю развития исправительных учреждений в России. В этот период продолжают развиваться тем, касающихся истории советской милиции и госбезопасности⁴¹, органов юстиции⁴².

³⁵ Акользина М.К. Эпидемиологическая ситуация в Тамбовской губернии в середине 1920-х гг. // Манускрипт. 2020. № 10. С. 10.

³⁶ Ли Хен Кын. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР, 1934–1938. Кн. 2. Пермь. 2002. Сон Жанна Григорьевна Советские корейцы в молохе политических репрессий 1930-х годов // ИСОМ. 2017. № 5-2. С. 113–121.

³⁷ Кузьмина О.С. Становление и развитие воспитательной системы исправительных учреждений советского государства: 20-е, 50-е, 70-е гг.: дис. ... канд. пед. наук. М., 1994; Кузьмин М.А. Стимулирование правопослушного поведения заключенных в исправительно-трудовых лагерях посредством реализации поощрительных норм (1930–1956 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Михеенков Е.Г. Воспитательная работа с заключенными в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири в эпоху нэпа // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85). С. 91–94 и др.

³⁸ Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936–38 гг. М., 2003 и др.

³⁹ Рубежи: К 75-летней годовщине уголовно-исполнительной системы Ставропольского края: сборник. Ставрополь, 1997; Это нашей истории строки: 120 ГУИН: информационно-справочный сборник. Владивосток, 1999. 43 с.

⁴⁰ См., напр.: Учреждение ЖХ-385, 70 лет. Саранск, 2001.

⁴¹ Ахмадеев Ф.Х., Катаев Н.А., Хабибуллин А.Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 1993; Борисов А.В. Полиция и милиция России. Страницы истории. М., 1995; Органы и войска МВД России. М., 1996; Хаустов В.Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР, 1934–1941 гг. М., 1997 и др.

⁴² Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. М., 1998 и др.

Юристы стали в основном рассматривать вопросы, связанные с процессом отбывания наказания в местах лишения свободы⁴³. При этом обсуждение подобных проблем нередко сопровождалось дискуссиями. Например, много споров ведется учеными по поводу взаимосвязи между географическим местом нахождения лагеря и действующим в нем режимом содержания заключенных. М.Г. Детков утверждает, что режимные требования первичны, и именно они предопределяют местоположение лагеря⁴⁴. Его оппоненты утверждают, что первоочередное значение имела производственно-хозяйственная деятельность, исходя из которой и выбиралось место для будущего лагеря, и только потом устанавливался объективный режим, соответствующий местоположению исправительного учреждения⁴⁵.

Среди всего массива исследований большую часть занимают труды обобщающего характера, которые в определенной степени подводят итоги многолетних исследований по изучению уголовно-исполнительной системы. Среди всех следует выделить работы С.И. Кузьмина, М.Г. Деткова, Г.М. Ивановой и других⁴⁶.

А.С. Смыкалин, основываясь на широком спектре документальных и архивных источников, создает общую картину развития отечественных

⁴³ Удодов А.Г. Правовое регулирование режима отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях Советского государства: 1929-1941 гг.: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2003.

⁴⁴ Детков М.Г. Развитие системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1994. С. 5.

⁴⁵ См., напр.: Христофорова Е.И. Режим в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР (1929-1941 гг.): дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002.

⁴⁶ Греков М.Л. Тюремные системы: история и современность. Краснодар, 1999; Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. М., 1998; Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). М., 1991; Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992; Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. Домодедово, 1992; Кошель П.А. История наказания в России. М., 1995; Смыкалин А.С. Пенитенциарная система Советской России 1917 – начало 60-х гг. (историко-юридическое исследование): дис. ...д-ра. юрид. наук. М., 1998 и др.

пенитенциарных учреждений. Он же выдвигает свою концепцию периодизации развития пенитенциарной системы Советской России⁴⁷.

Комплексный анализ этапов становления исправительно-трудовых учреждений в отечественной истории предпринят в работе Е.М. Гилярова и А.В. Михальченко⁴⁸. Они изучали материалы о видах ИТУ и их деятельности по исправлению и перевоспитанию осужденных. Автор данного диссертационного исследования разделяет позицию названных ученых о том, что в документах и материалах о деятельности исправительно-трудовых учреждений термины «концентрационный лагерь» и «лагеря принудительных работ» употребляются для обозначения одних и тех же мест лишения свободы – лагерей принудительных работ⁴⁹.

Истории возникновения и развития прогрессивной системы исполнения наказания в России посвящена работа Ю.М. Ткачевского⁵⁰. Он считает, что данная система являлась только частью всего процесса исправления заключенного и действовала лишь в совокупности с другими средствами воздействия с целью добиться сути наказания – исправления преступника⁵¹.

Среди исторических работ, посвященных изучению уголовно-исполнительной системы, следует выделить труды И.В. Упорова, Л.П. Рассказова, О.В. Дьяченко⁵² и других. Сюда необходимо отнести и

⁴⁷ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1997.

⁴⁸ Гиляров Е.М., Михальченко А.В. Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917-1925). М., 1990.

⁴⁹ Там же. С. 55.

⁵⁰ Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997.

⁵¹ Там же. С. 133.

⁵² Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв. СПб, 2004; Рассказов Л.П., Дьяченко О.В., Упоров И.В. Органы госбезопасности и пенитенциарная политика советского государства в довоенный период: (1917–1941 гг.). Краснодар, 2003; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998; Упоров И.В. Социально-правовые аспекты уголовно-исполнительной политики советского государства в 1930–1960 гг. Краснодар, 2003; Он же. Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII-XX вв.: дис. ...д-ра. ист. наук. М., 2001 и др.

исследование Л.П. Рассказова⁵³, где автор, описывая 1920–1930-е годы, показывает, как расширялись влияние и власть ОГПУ, а затем и НКВД. Позиции большинства вышеуказанных авторов следует определить как взвешенные, подкрепленные документальными материалами, что их наглядно противопоставляет взглядам исследователей начала 90-х годов XX века, которые оперировали ничем не подкрепленными цифрами, оценками и выводами.

Справочные издания также имели большое значение в развитии исторических исследований по изучаемой нами проблематике. Важным событием стал выход справочника «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР», подготовленного обществом «Мемориал» совместно с ГАРФ⁵⁴. Он включает в себя более пятисот статей, в большинстве своем посвященных лагерям и деятельности ОГПУ – НКВД – МВД сталинской эпохи. В исследованиях А.И. Кокурина, Н.В. Петрова, Ю.Н. Моруква, К.В. Скоркина рассматривается работа ОГПУ – НКВД – МВД, а также административное устройство и структура ГУЛАГа и других мест заключения, где активно использовался труд заключенных⁵⁵. Помимо этого, в подобных трудах подробно рассматривают кадровый состав и биографии руководителей репрессивных органов.

Из зарубежных исследователей, занимающихся в 1990-е годы вопросами деятельности советских исправительных учреждений следует назвать М. Джакобсона (США)⁵⁶, который рассматривал процесс становления и развития советской пенитенциарной системы 1917–1934 годов на территории всей России.

⁵³ Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994.

⁵⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: справочник. 1923–1960. М., 1998.

⁵⁵ Кокурин А.И., Петров Н.В. НКВД – МВД – МГБ: Структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 6; Кокурин А.И., Морукво Ю.Н., Петров Н.В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 1 и др.

⁵⁶ Джакобсон М., Смирнов М.В. Система мест заключения в РСФСР и СССР 1917–1930 // Система исправительно-трудовых лагерей 1923–1960 в СССР: справочник / сост. М.В. Смирнов. М.: Звенья, 1993.

Особо активно историками в диссертационных исследованиях изучалось функционирование пенитенциарной системы в регионах. В первую очередь это касалось исправительных учреждений Западной и Восточной Сибири, Урала, Алтая, Тюмени, Архангельской и Вологодской областей. Наибольшей «популярностью» среди ученых пользовалась Западная Сибирь. Количество изданных работ, связанных с данным регионом, позволило Е.А. Игишевой провести отдельное исследование современной историографии развития пенитенциарной системы на Урале в 1920-е годы⁵⁷.

А.В. Быков рассматривал процесс становления и развития пенитенциарной системы Западной Сибири. В ходе исследования автор пришел к выводам, что присутствовали значительные различия между губернскими и уездными исправительными учреждениями, и в первую очередь связывал это с недостатком финансирования⁵⁸. В.Р. Тимербулатов исследовал же те регионы Западной Сибири, но в период существования там антибольшевистских правительств. Он пришел к выводу, что власть в таких губерниях продолжала следовать нравственным идеям перевоспитания заключенных, которые были провозглашены еще в дореволюционной России⁵⁹.

По мнению И.М. Ликстанова, схожая ситуация была в Восточной Сибири⁶⁰. Ощущалась острая нехватка кадров, особенно медицинских служащих, что в эпидемиологических условиях приводило к катастрофическим последствиям. В целом же тюремному ведомству

⁵⁷ Игишева Е.А. Современная историография развития пенитенциарной системы на Урале в 1920-е годы // Вестник ЧелГУ. 2008. № 18. С. 145–154.

⁵⁸ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 23 с.

⁵⁹ Тимербулатов В.Р. Пенитенциарная система Западной Сибири при антибольшевистских правительствах: май 1918 – декабрь 1919 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2017. 33 с.

⁶⁰ Ликстанов И.М. Места заключения антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири в условиях Гражданской войны : 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2015. 28 с.

удавалось выполнять все свои функциональные обязанности, связанные с изоляцией определенных категорий граждан.

М.В. Рубинов рассматривает деятельность исправительных учреждений на территории Уральского региона⁶¹. По его мнению, характерной чертой Урала является большая безработица среди населения, и чтобы дешевый тюремный труд не создавал конкуренцию вольнонаемному, заключенные активно использовались только в тех сферах, от которых отказались свободные рабочие. По этой причине в период НЭПа были закрыты места лишения свободы, которые изначально ориентировались на широкое использование труда арестантов: Кизеловский исправдом, сельскохозяйственные колонии Кутариха и Мысы.

Места лишения свободы Алтайского региона в своем диссертационном исследовании рассматривал Н.В. Куденко⁶². Большинство исправительных учреждений здесь основывалось на базе дореволюционных тюрем, что вместе с критическим недофинансированием приводило к затруднительному использованию заключенных на внешних и внутренних работах. Р.А. Карпов в рамках изучения деятельности правоохранительной системы в Алтайской губернии также рассматривал исправительные учреждения региона⁶³. По мнению исследователя, уголовно-исполнительная система испытывала кадровые проблемы, отсутствовали квалифицированные специалисты, а на работу устраивались зачастую случайные люди.

⁶¹ Рубинов М.В. Становление и развитие советской пенитенциарной системы, 1918–1934 гг.: По материалам Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. 24 с.

⁶² Куденко Н.В. Реализация политики советского государства в отношении деклассированных групп населения на Алтае в 1920-е–1930-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. 26 с.

⁶³ Карпов Р.А. Деятельность правоохранительных органов в Алтайской губернии: 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 19 с.

Исправительные учреждения Тюменского региона рассматриваются в исследовании Ф.Р. Усмановой⁶⁴. Автор утверждает, что на деятельности пенитенциарной системы края негативно сказывались непрерывные изменения административно-территориальных границ, а условия функционирования исправительно-трудовых учреждений зависели от экономической и политической обстановки, складывающейся в стране.

И.И. Бомбергер исследовал советскую пенитенциарную систему в годы НЭПа. Он приходит к выводу о том, что политика государства была направлена на достижение цели исправления всех заключенных. В то же время принимаемые законы и другие нормативные акты были обречены на нереализуемость из-за несовершенства материально-технической базы, недостатка финансирования и отсутствия квалифицированных кадров⁶⁵. А.М. Меликян, описывая деятельность уголовно-исправительной системы в 1920-е годы, отмечает, что для периода НЭПа был характерен мягкий режим заключения. Этому способствовало развитие культурно-просветительской работы, введение разнообразных форм поощрения и льгот, например предоставление отпусков крестьянам на время полевых работ⁶⁶.

Постепенно интерес к изучению уголовно-исполнительной системы советского государства повышался. Стали проводиться различные научные конференции, на которых велись дискуссии о деятельности советской пенитенциарной системы⁶⁷.

В настоящее время в высших учебных заведениях, подчиненных федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН) публикуется

⁶⁴ Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе: 1918–1956 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2004. 23 с.

⁶⁵ Бомбергер И.И. Советская пенитенциарная система в годы новой экономической политики 1921–1928 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 187–188.

⁶⁶ Меликян А.М. Советская исправительно-трудовая политика: 1921–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. С. 424.

⁶⁷ Пенитенциарная преступность: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2003; Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия: материалы республиканской научно-практической конференции, 27 мая 1998 г. Саранск, 2004 и др.

значительное количество работ по данному направлению. Изучением истории исправительных учреждений занимаются исследователи из Воронежского института ФСИН России. Значительный вклад в разработку данного направления внес Д.В. Ливенцев. В ряде своих работ он рассматривает процесс либерализации пенитенциарной системы⁶⁸. Приводя примеры писем и обращений заключенных из разных исправительных учреждений страны с предложениями по улучшению процесса перевоспитания в местах лишения свободы, автор указывает на то, что большинство предложений нашли свое отражение и поддержку в практико-применительной деятельности администрации исправительных учреждений в первые годы советской власти⁶⁹. Интересны и оригинальны по предмету исследования работы Д.В. Ливенцева, посвящённые деятельности надзирателей в исправительных учреждениях⁷⁰. Так автор указывает на то, что кадры для советских исправительных учреждений в

⁶⁸ Ливенцев Д. В. Сезонный отпуск крестьян из заключения как форма либерализации советской исправительной системы в 20-е гг. XX в // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, М., 2019. – С. 119-121.; Он же. Исправительно-трудовые работы как этап либерализации пенитенциарной системы в 20-е гг. XX в // Правопорядок и его институциональные основы: Сборник трудов международной научной конференции, Воронеж, 2019. С. 133-136.; Он же. Правовое явление отпуска крестьян из заключения для осуществления сельскохозяйственных работ как форма либерализации советской исправительной системы в 1920-е гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3(38). С. 104-112. и др.

⁶⁹ Он же. Требования советских заключенных по либерализации режима содержания в 20-х гг. XX в. // Границы прав и свобод личности с точки зрения либертарно-правовой теории (к 80-летию академика РАН В.С. Нерсисянца): Сборник трудов международной научной конференции, Воронеж, 01–02 июня 2018 года. Воронеж, 2018. С. 259-266.

⁷⁰ Ливенцев, Д. В., Третьяков А. В. Права тюремных надзирателей в первые годы советской власти // Профессиональные компетенции государственных служащих: формирование и развитие: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 2019. С. 188-190.; Ливенцев Д. В. Обязанности надзирателей тюремного ведомства в первые годы советской власти // Профессиональные компетенции государственных служащих: формирование и развитие: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 2019. С. 190-192.; Ливенцев Д. В. Правила для тюремных надзирателей как свидетельство преемственности традиций режима дореволюционных тюрем в первые годы советской власти // История государства и права. 2018. № 11. С. 12-14.

20-е гг. XX в. набирались из лучших офицеров, прошедших Первую мировую войну⁷¹.

В Рязанской Академии ФСИН России ряд исследователей также занимаются историей пенитенциарных учреждений региона. О.А. Тарасов, исследуя систему исполнения наказаний первой половины XX века⁷², приходит к выводам, что большинство пенитенциарных учреждений в первые годы советской власти пытались строить свою работу на двух принципах: самоокупаемости мест заключения и полном перевоспитании заключенных⁷³. А распространенное мнение о повсеместной замене с приходом советской власти персонала тюрем «по идеологическим соображениям» не имеет ничего общего с действительностью⁷⁴.

Рассматривая данную проблему нельзя обойти вниманием работы Ю.А. Реента, внесшего значительный вклад в изучение истории

⁷¹ Ливенцев Д. В. Формирование кадров советских исправительных учреждений в 1920-е гг. (на примере начальника Печорского дома заключения Н.В. Лухина) // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции, Воронеж, 2020. С. 342–345.

⁷² См.: Тарасов О.А. Особенности содержания политических заключенных и рост «тюремного противостояния» в местах лишения свободы советской России // V международный пенитенциарный форум «преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников V Международного пенитенциарного форума (приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): в 9 т., Рязань, 17–19 ноября 2021 года / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 158–164.; Он же. К вопросу о передаче Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ под охрану губернской милиции в 1921–1923 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2019 года. – Москва: Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2019. – С. 188–193.; Он же. Система управления уголовно-исполнительными органами на местах в годы Гражданской войны и НЭПа (по материалам Рязанской губернии) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2015. – № 1(152). – С. 16–21.; Он же. Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в советской России в начале 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4(87). – С. 59–64.

⁷³ Тарасов О.А. К вопросу о передаче Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ под охрану губернской милиции в 1921–1923 гг. ... С. 188–193.

⁷⁴ Тарасов О. А. Система управления уголовно-исполнительными органами на местах в годы Гражданской войны и НЭПа ... С. 18.

отечественной пенитенциарной системы⁷⁵. В монографическом исследовании «Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921–1940)⁷⁶ в соавторстве с Ю.А. Жигалевым авторы приходят к выводам, что пенитенциарная система была рассчитана на содержание малоопасных преступников и правонарушителей⁷⁷, а к концу 1920-х годов исправительная-трудовая политика государства достигла наивысшей точки либерализации⁷⁸.

В Вологодском институте ФСИН России также складывается исследовательское направление по изучению отечественной пенитенциарной системы⁷⁹. Интересна работа Н.А. Беловой по изучению исправительных учреждений для несовершеннолетних на территории

⁷⁵ Реент Ю.А. История одной картины, или Взгляд на отечественную пенитенциарную униформологию 1920-х годов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 3(190). – С. 39–49.; Он же. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4(44). – С. 270–275.; Он же. Историко-художественное осмысление советской пенитенциарной униформологии 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 55–59.; Он же. Пенитенциарная система России в условиях кризиса 1917 года (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической революции в России) // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 2. – С. 230–235.; Он же. Карательная система Кабардино-Балкарии в период новой экономической политики (1921–1928 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 5 (180). – С. 19–23 и др.

⁷⁶ Реент Ю.А., Жигалев Ю.А. Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921–1940 гг.). – М., 2018.

⁷⁷ Там же. С. 31.

⁷⁸ Там же. С. 37.

⁷⁹ См.: Перебинос Организация и функционирование лагерей принудительных работ в советской России в 1919–1921 гг.: региональный аспект (на материалах Вологодской губернии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 11(80). С. 3012–3017.; Белова Н. А. Вологодские исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (1918–1920-е гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5. № 4. С. 1143–1197.; Вольский М. В. Использование ремесленного труда заключенных в годы первой мировой войны (1914–1917) // Аграрная история. 2021. № 7. С. 12–19.; Павлушков А. Р. Религиозная жизнь заключенных в переходный (постреволюционный) период (1918 - начало 1920-х гг.): исторические противоречия и попытки их разрешения // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Чебоксары, 2020. С. 187–190.; Павлушков А. Р. Судьба тюремных храмов в период советской антирелигиозной кампании // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): сборник материалов Всероссийской научной конференции, Чебоксары, 2019. С. 62–65. и др.

Вологодской губернии в 1920-е годы. В ходе исследования автор пришла к выводам, что деятельность по организации и функционированию детских исправительных учреждений в регионе полностью отражала реальную картину всей пенитенциарной системы страны. Сложная кадровая ситуация, недостаток финансовых средств и снабжения, не удовлетворительное материально-санитарное состояние детских исправительных учреждений – все это усложняло решение воспитательных задач, но в тоже время в указанный период удалось сделать немало для борьбы с детской преступностью⁸⁰.

М. В. Вольский в своих исследованиях затрагивает вопросы подготовки служащих мест лишения свободы⁸¹. Исследователь отмечает, что накопленный опыт подготовки пенитенциарных служащих вплоть до 1917 года, в дальнейшем во многом определила вектор развития всей уголовно-исполнительной системы нашей страны на годы вперед. А многие пенитенциарные чиновники с установлением советской власти приняли решения продолжить службу⁸².

Подводя итог историографического обзора необходимо отметить, что, несмотря на большой объем имеющейся литературы, посвященной истории пенитенциарной системы советского государства, большинство

⁸⁰ Белова Н. А. Вологодские исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (1918-1920-е гг.) // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2021. Т. 5. № 4. С. 1167.

⁸¹ Вольский М. В. Страницы истории тюремного служения в России на рубеже XIX-XX вв // *Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием*, Псков, 2020. С. 88-94.; Он же. Кадровая политика российского тюремного ведомства в конце XIX - начале XX в // *Защита прав человека как цель и содержание правоприменительной деятельности: Сборник трудов Международной научной конференции в формате круглого стола*, Воронеж, 2018. С. 137-142.; Он же. Проблемы кадрового обеспечения тюремной системы Российской империи в конце XIX - начале XX вв // *Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*, Воронеж, 2016. С. 433-436.; Он же. Вопросы подготовки кадров для пенитенциарных учреждений в России в конце XIX - начале XX века // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2012. № 4. С. 194-196.

⁸² Вольский М. В. Кандидаты на пенитенциарные курсы при главном управлении мест заключения в России в 1917 г // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2018. № 2(46). С. 51–55.

работ выполнены не профессиональными историками, а правоведами, особенно в советский период, что связано со спецификой изучаемого объекта, его закрытостью и недоступностью архивных материалов. Общая тенденция проводимых исследований на современном этапе - изучение региональной истории развития мест лишения свободы. В этом направлении велось и данное диссертационное исследование.

Источниковая база исследования. Диссертационное исследование основано на комплексе различных источников, которые можно разделить на следующие группы: законодательные акты, делопроизводственные документы и статистические материалы.

Законодательные акты относятся к типу письменных исторических источников и являются самостоятельным видом с характерной формой, структурой содержания и целевым назначением. В современном источниковедении принято разделять законодательные источники на законы и нормативные акты.

Среди кодифицированных законов большое значение для исследования представляет Исправительно-трудовой кодекс (далее – ИТК) 1924 года. Он регулировал условия отбывания наказания в виде лишения свободы, а также деятельность всех мест лишения свободы; позволил сформировать общие представления об уголовно-исправительной системе изучаемого периода и определить направление развития законодательства в данной сфере. На наш взгляд, это один из лучших нормативно-правовых документов, регламентирующих процесс отбывания наказания в местах лишения свободы, когда-либо существовавших в нашей стране. Он отражал большинство передовых мыслей и учений того времени и по сей день может быть примером в некоторых вопросах пенитенциарной политики.

Исправительно-трудовой кодекс 1924 года появился в результате объединения опыта и практико-применительной деятельности в сфере исполнения наказания всех предшествующих лет советской

пенитенциарной системы. Он прошел широкое общественное обсуждение среди ученых и практиков пенитенциарной системы того времени. К его разработке приступили с 1922 года. Проект обсуждался на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, Народным комиссариатом РКИ, Наркомюстом, Наркопросом, Наркомздравом, Наркомтруда и Малым и Большим Совнарками⁸³. Ему предшествовали несколько важных нормативно-правовых актов, которые стали его основой.

В первую очередь это постановление Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 года «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)»⁸⁴. Если ранее нормотворческая деятельность в сфере исполнения наказания преимущественно носила локальный характер и решала мелкие вопросы, то данное постановление уже было системным общероссийским документом. Инструкция позволяет сформировать представление о первоначальных принципах советской уголовно-исправительной системы.

Положение об общих местах заключения РСФСР⁸⁵, принятое в 1920 году, стало документом, который расширял ранее провозглашенные принципы реализации уголовного наказания в виде лишения свободы во Временной инструкции. Он детально регламентировал процесс уголовного заключения в местах лишения свободы, что позволяет в исследовании показать повседневность в местах заключения, включая также средства и меры воздействия на заключенных с целью их исправления и возвращения в общество.

⁸³ См.: Стручков Н.А. и др. Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917 - 1925 гг.). Ч. 1. Рязань, 1984.

⁸⁴ Постановление Наркомюста РСФСР от 23.07.1918 «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942, С. 708–714.

⁸⁵ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959). 1959.

Помимо системных законодательных актов первых лет советского государства в диссертации используются некоторые документы последних лет Российской империи. Наиболее важным среди них является Общая тюремная инструкция 1915 года⁸⁶. В ходе исследования был проведен компаративный анализ данной инструкции и Положения об общих местах заключения 1920 года, а также ИТК 1924 года. Это позволило выявить наличие или отсутствие преемственности между имперской и советской системами реализации уголовного наказания в виде лишения свободы.

Кроме того, в диссертационном исследовании использовались несистемные нормативно-правовые акты, которые были призваны решить отдельно взятые проблемы, но они в своей совокупности оказали значительное влияние на развитие уголовно-исправительной системы в целом, и многие утвержденные нормы вошли в ИТК 1924 года.

Делопроизводственные документы – это материалы, которые отложились в результате деятельности различных государственных органов, организаций и учреждений. В нашем случае в них отражается механизм и результат функционирования мест лишения свободы и губернских инспекций мест заключений, они используются для изучения условий содержания заключенных в местах лишения свободы. Преимущественно делопроизводственные документы хранятся в государственных архивах.

В ходе исследовательской работы использовались материалы одного центрального архива (Государственный архив Российской Федерации) и трех региональных (Смоленской, Брянской и Орловской областей).

В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) большую ценность для исследования представляют фонды Р-42 «Смоленский губернский дом заключения», Р-161 «Административный отдел Смоленского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», Р-1591 «Смоленский

⁸⁶ Общая тюремная инструкция. Петроград, 1916.

губернский дом заключения», Р-1465 «Велижский исправительно-трудовой дом», Р-437 «Демидовский дом заключения», Р-788 «Трудовая земледельческая колония "Астрогонь" Смоленского уезда». Данные фонды содержат в себе значительный материал по состоянию пенитенциарных учреждений Смоленской губернии в изучаемый период, по которому можно изучать быт, условия труда и медико-санитарного обслуживания заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Наибольшее количество материалов имеется о деятельности Смоленского изолятора специального назначения, как самого заполненного исправительного учреждения региона.

В Государственном архиве Брянской области (ГАБО) использовался фонд Р-2374 «Брянская губернская инспекция мест заключения Главного Управления местами заключения г. Брянск, Брянская губерния». Как видно из названия, в фонде отражена деятельность регионального отделения инспекции места заключения на территории Брянска. Из протоколов заседаний коллегии исправительных домов видны основные проблемы функционирования исправительных учреждений региона, степень реализации провозглашенных принципов пенитенциарной политики государства. Сведения об учебно-воспитательной работе в исправдомах губернии демонстрируют деятельность руководства мест лишения свободы в данном направлении и степень вовлеченности заключенных в двусторонний процесс обучения. Помимо этого видны методы, используемые для просвещения лиц, лишенных свободы. Также имеются данные о медико-санитарном обслуживании тюрем.

В Государственном архиве Орловской области (ГАОО) использовались документы фонда Р-1151 «Орловская губернская инспекция мест заключения». Как и в других губерниях, местная инспекция мест заключения полностью контролировала деятельность исправительных учреждений на территории региона, а также предпринимала должные шаги по реализации пенитенциарной политики

государства. Акты обследований мест лишения свободы дают целостное представление о жизни заключенных, их трудовой деятельности, культурно-просветительской работе, а также о качестве медико-санитарного обслуживания. Все эти данные позволяют оценить успешность провозглашенных и реализуемых государством принципов в вопросах деятельности учреждений исполнения наказаний.

В Государственном архиве Российской Федерации работа проводилась с материалами фонда Р-4042 «Главное управление местами заключения (ГУМЗ) наркомата внутренних дел РСФСР». Большинство материалов, используемых из данного архива, являются официальными документами, в которых отражалась «жизнь» исправительных учреждений: циркуляры, инструкции губернских управлений мест заключения, приказы, акты ревизий мест заключения, характеристики заключенных, сведения об их перемещении и освобождении, сводные отчеты о деятельности губернских инспекций мест заключения. Эти документы дают возможность сформировать сравнительное представление о материально-бытовых, медико-санитарных и трудовых условиях заключенных, которые отбывали наказания в местах лишения свободы разных территорий. В них также отражена отчетность о трудовой деятельности и культурно-просветительской работе с заключенными. В совокупности с законодательными актами весь архивный материал позволяет увидеть общую направленность пенитенциарной политики государства и выявить основные проблемы в ее реализации.

Среди всех архивных материалов следует выделить протоколы обследования исправительных учреждений различными ведомствами, как губернскими инспекциями мест заключения, так и представителями прокуратуры. Они проходили с различной периодичностью и в рамках данного исследования помогают понять проблемные места конкретных исправительных учреждений со стороны надзорных органов.

Отчеты мест заключений позволяют сформировать представление о

материально-бытовых условиях, трудовой деятельности, медицинском обслуживании заключенных и реализации культурно-просветительской работы. Кроме того, отчеты позволяют отследить наполняемость и примерный социальный состав заключенных. В отличие от протоколов внешних обследований отчеты сдавались с определенной периодичностью, что позволяет рассматривать все процессы в динамике, тем самым сформировать более объективную картину деятельности исправительных учреждений в изучаемый период.

На основании протоколов внешнего осмотра и отчетов исправительных учреждений высшее руководство ГУМЗ публиковало ежегодные отчеты о состоянии пенитенциарной системы в целом. В рамках исследования были проведены сравнения всероссийских и местных отчетов для выявления общих и особенных черт исследуемых регионов, что позволило сформировать более полное представление о функционировании учреждений исполнения наказаний.

Циркуляры позволили составить общее представление о практической реализации закрепленных норм в законодательных актах, а также демонстрировали типичные проблемы пенитенциарных учреждений. В первые годы после установления советской власти в регионах были приняты различные правила, регламентирующие ту или иную часть процесса отбывания наказания в виде лишения свободы. Такие документы призваны разъяснить местным руководителям исправительных учреждений, как правильно поступать в спорных ситуациях, чтобы не нарушить общие принципы пенитенциарной политики государства.

Еще одна разновидность документов, которые закрепляли правоприменительную деятельность – инструкции. Они разрабатывались по различным направлениям работы в уголовно-исправительных учреждениях: трудовой, культурно-просветительской или медико-санитарной. Нередко они носили межотраслевой характер и разрабатывались под руководством двух ведомств. Так, например,

«Инструкция ГУМЗ РСФСР по организации самообразования и заочного обучения в местах лишения свободы» вступила в силу в декабре 1927 года. При ее подготовке были задействованы работники Наркомпроса РСФСР и ГУМЗ. Подобные инструкции являются ценнейшим источником информации, они позволяют расширить представления о деятельности заключенных и их повседневности.

В исследовании также использовались различного рода письма, внутри- и межведомственная переписка. Они позволяют восстановить процесс принятия тех или иных решений и помогают понять, чем руководствовались представители государственных органов в этот момент. Могли обсуждаться вопросы разного уровня, начиная от заготовки дров для мест лишения свободы, заканчивая применением норм права в спорных случаях. В целом же в совокупности с остальными источниками воссоздается более точная картина происходивших процессов в тот исторический момент.

Статистические материалы позволяют выявить примерную численность заключенных по местам пребывания, уровень заболеваемости, болезни, обеспеченность вещевым довольствием, рацион питания, формы и степень трудовой занятости в изучаемый период на территории Смоленской, Брянской и Орловской губерний. В своей совокупности все используемые документы и материалы позволяют сформировать достаточно полное представление о состоянии и деятельности учреждений пенитенциарной системы с 1917 по 1929 год в очерченных территориальных границах.

Объектом исследования является система исполнения наказаний в Советской России в 1917–1929 годах.

Предметом исследования является деятельность исправительно-трудовых учреждений в период становления советской пенитенциарной системы в 1917–1929 годах на примере Смоленской, Брянской и Орловской губерний.

Данное исследование проводилось с **целью** изучения процесса становления и деятельности новой, советской системы исполнения наказаний в период с 1917 по 1929 год на примере Смоленской, Брянской и Орловской губерний. Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить процесс формирования нормативно-правовой базы системы исполнения наказаний в первое десятилетие советской власти, выявить новые требования к организации деятельности исправительных учреждений.
2. Исследовать материально-бытовые условия содержания заключенных в исправительно-трудовых учреждениях Смоленской, Брянской и Орловской губерний указанный период.
3. Проанализировать формы организации трудовой деятельности заключенных в свете новой пенитенциарной политики.
4. Выявить место и роль культурно-просветительской работы в исправительных учреждениях советской пенитенциарной системы.

Территориальные и хронологические рамки. Исследование охватывает территорию Смоленской, Брянской и Орловской губерний в период 1917–1929 годов.

Схожесть социально-экономического развития и политических процессов в данных губерниях, а также постоянные административно-территориальные преобразования в границах этих трех губерний в указанный исторический период позволяют выявить и проследить однотипность функционирования учреждений исполнения наказаний в обширном регионе Центральной России. До 1 апреля 1920 года Смоленская и Орловская губернии являлись пограничными, брянские земли входили на тот момент в состав Орловской губернии. Брянская губерния будет существовать с 1 апреля 1920 года по 1 октября 1929 года. В 1929 году будет создана новая территориальная единица – Западная область с административным центром в Смоленске. Наряду со многими

калужскими, тверскими, псковскими в нее войдут все брянские земли. В 1928 году Орловская губерния войдет в Центрально-Черноземную область и будет граничить с Западной. Некоторые особенности в функционировании пенитенциарной системы в Смоленской, Брянской и Орловской губерниях будут определяться в большей степени субъективными, нежели объективными факторами.

Нижняя **временная граница** исследования обусловлена революционными событиями 1917 года и появлением первых нормативных актов, формирующих новые принципы пенитенциарной политики Советской России. Верхняя временная граница обусловлена принятием постановления СНК СССР от 11 июля 1929 года «Об использовании труда уголовно-заключенных» и постановления СНК СССР от 7 апреля 1930 года «Об утверждении положения об исправительно-трудовых лагерях». После издания данных документов все заключенные, приговоренные к трем и более годам лишения свободы, передавались для отбывания срока наказания в исправительно-трудовые лагеря, организуемые ОГПУ. Началось формирование новой пенитенциарной системы.

Методологическую основу диссертации, кроме общенаучных методов, составляют традиционные для исторической науки методы.

Проблемно-хронологический метод позволяет рассматривать происходившие процессы в системе исполнения наказаний изучаемого периода в хронологической последовательности, выявить наиболее важные проблемы функционирования мест лишения свободы.

Историко-генетический метод, согласно которому любое событие или процесс должны рассматриваться в его развитии (зарождение, становление и отмирание), позволяет в данной работе изучить становление советской пенитенциарной системы в постреволюционное десятилетие на примере деятельности исправительно-трудовых учреждений.

Историко-типологический метод позволяет в ходе исследования выявить общие и особенные черты функционирования исправительных учреждений в трех соседних регионах Центральной России в период с 1917 по 1929 год, основываясь на сравнительной характеристике материально-бытовых условий и всех направлений в их деятельности.

Историко-антропологический метод дает возможность определить степень эффективности деятельности исправительно-трудовых учреждений и требует подробного исследования повседневной жизни заключенных (материально-бытовых условий, питания, медицинского обслуживания, трудового использования, культурно-просветительской работы).

Системный метод используется в работе для комплексного рассмотрения различных законодательных актов, которые регламентировали процесс отбывания наказания в виде лишения свободы в государственных исправительных учреждениях.

Статистический метод позволил сопоставить однотипные статистические показатели в изучаемых регионах и сформировать общее представление о процессах, происходивших в местах лишения свободы.

Диалектический метод дал возможность рассмотреть жизнь в исправительно-трудовых учреждениях в конкретной исторической обстановке и во взаимосвязи с экономическими условиями в регионах.

Кроме того, в основу систематизации и изложения материала положен *принцип историзма*, который предполагает рассмотрение объекта исследования как системы, выявление качественных изменений в ней во временном пространстве и закономерностей развития. *Принцип объективности* подразумевает обязательную непредвзятость отношений к предмету исследования. Он обязывает исследователя рассматривать историческую реальность в целом, вне зависимости от желаний, установок и пристрастий исследователя.

Научная новизна исследования. В ходе исследования на основе конкретно-исторического анализа обширного массива архивных материалов и опубликованных документов комплексно изучен процесс становления и деятельности системы исправительно-трудовых учреждений РСФСР в 1917–1929 годах на территории Смоленской, Брянской и Орловской губерний, что не являлось ранее предметом специального научного исследования. Настоящая работа вводит в научный оборот целый ряд архивных документов, которые не использовались для изучения исправительно-трудовой системы советского государства.

Исследователь изучил и дал сравнительную характеристику деятельности исправительно-трудовых учреждений трех губерний Центральной России по реализации новых принципов советской пенитенциарной политики, направленной на исправление заключенных через трудовую деятельность и культурно-просветительскую работу в их среде.

Положения, выносимые на защиту:

1. Советская пенитенциарная система с самого начала поставила перед собой задачу не просто наказания человека, преступившего закон, посредством лишения его свободы, как это имело место в царской России, а переустройства всей системы мест заключения на принципах деятельности их как исправительно-трудовых учреждений, которые бы одновременно перевоспитывали осужденных через привлечение последних к труду и культурно-просветительской работе. Под эти положения новой советской пенитенциарной политики будет разработана своя добротная и качественная нормативно-правовая база, включая кодификацию. Однако прогрессивное по своей цели и сути новое виденье развития системы исполнения наказаний будет в значительной степени сдерживаться в первую очередь отсутствием должного финансирования фактически на протяжении всего первого десятилетия советской власти, особенно в начальный период НЭПа.

2. Реализовывать в полной мере нормы и принципы нового исправительно-трудового законодательства не позволяла прежде всего материальная база мест лишения свободы. Доставшиеся советской власти от предреволюционной эпохи места заключения требовали значительных вложений для организации приемлемых бытовых условий для осужденных: капитальный и текущий ремонт зданий, особенно жилых помещений, обеспечение питанием, вещевым довольствием, медицинским обслуживанием. В условиях, когда государство сняло с себя обязательства даже по финансированию школьного образования, что продолжалось вплоть до середины 1920-х годов, ожидать должной поддержки для учреждений исполнения наказаний не приходилось. Особенно заметным это стало после перевода мест лишения свободы на местный бюджет. Что, в свою очередь, означало невозможность реализации в полной мере установленных новых принципов пенитенциарной политики государства.

3. На снижении эффективности исправительной функции мест заключения в значительной степени сказывалась постоянная переполненность исправительно-трудовых учреждений. В середине 1920-х годов «перенаселенность» мест лишения свободы в среднем доходила до 30%. В этом отношении особенно страдали исправительные учреждения, расположенные в губернских центрах, в которых одновременно с заключенными содержалась и категория подсудимых, численность которых временами даже превышала количество заключенных. Обеспечение же учреждений исполнения наказаний (по нормам жилой площади, питания, вещевого довольствия, медицинского обслуживания и т.д.) осуществлялось не по фактической текущей численности контингента, а по изначальному расчетному количеству заключенных для конкретного исправительного учреждения.

4. Инфраструктура исправительно-трудовых учреждений, созданных в большинстве своем еще в XIX веке, изначально не предполагала возможностей по созданию и организации деятельности производственных

мастерских, на базе которых заключенные могли бы получить соответствующие профессиональные навыки. Внутренние мастерские мест заключения охватывали незначительную часть заключенных. Реализуемые работы были нацелены в первую очередь на удовлетворение нужд самих мест заключения, и в большинстве случаев не приносили существенного дохода. Своего рода исключением из правил в этом отношении можно считать Брянский исправительный дом, в распоряжении которого имелся кирпичный завод, работавший на местном глиняном сырье. Это был пример удачного сочетания возможностей получить для заключенных новые профессиональные навыки и дополнительный доход для исправительного учреждения. Внешние работы мест заключения давали лишь определенные средства для бюджета учреждений, но какого-либо воспитательного эффекта в себе не несли.

5. Культурно-просветительская работа в исправительно-трудовых учреждениях была преимущественно нацелена на повышение общей грамотности заключенных в рамках общегосударственного курса по ликвидации неграмотности, организацию кружковой и лекционной работы. На протяжении всего исследуемого периода основной проблемой в данном направлении являлась нехватка педагогических работников в исправительно-трудовых учреждениях. Выходом из сложившейся ситуации стала практика привлечения к организации культурно-просветительской деятельности самих заключенных. Однако все это не позволяло исправительно-трудовым учреждениям строить плановую и системную работу в требуемом новой пенитенциарной политикой направлении по перевоспитанию заключенных.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке краеведческих учебных курсов, при написании комплексных трудов по истории пенитенциарных учреждений в России. Исследование является определенным вкладом в изучение истории российской пенитенциарии, результаты которого,

включая богатый исторический опыт системы исполнения наказаний, призваны оказать влияние на выбор путей повышения эффективности деятельности современных исправительных учреждений.

Структура диссертации. Данная работа состоит из введения, двух глав, каждая из которых разделена на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы, приложений.

Глава 1. Нормативно-правовая база и материальные условия деятельности исправительно-трудовых учреждений

1.1. Нормативно-правовая база пенитенциарной системы в первое десятилетие советской власти

Советская власть установила в качестве цели наказания исправление человека, преступившего закон, через труд. Это закладывалось и в нормативно-правовую базу, регламентировавшую деятельность исправительно-трудовых учреждений.

В дореволюционной России пенитенциарная система представляла собой сложную и неоднородную структуру, активно используемую в целях поддержания установленного правопорядка. Идеологию советской пенитенциарной политики определило предложение В.И. Ленина о замене тюрем воспитательными учреждениями, которые сочетали бы в себе лишение свободы и принудительный труд⁸⁷. Но в то же время новая власть не стала поспешно ломать старую и строить совершенно новую пенитенциарную систему.

Это отразилось в первом значимом постановлении Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 года «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)»⁸⁸. Оно заменяло действовавшие до той поры царские законы, регламентирующие процесс отбывания наказания в местах лишения свободы. При этом статья 24 Инструкции допускала, что при составлении распорядка и всего процесса отбывания наказания заключенными администрация места заключения

⁸⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 38. С. 408.

⁸⁸ Постановление Наркомюста РСФСР от 23.07.1918 «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 708–714.

могла руководствоваться нормативными актами царской России в вопросах, которые не отражались Временной инструкцией.

Временная инструкция впервые в отечественной истории законодательно закрепляла содержание мужчин и женщин отдельно друг от друга вне зависимости от вида исправительного учреждения. Само же разделение мест лишения свободы по видам было следующим: 1) общие места заключения (тюремь); 2) реформатории и земледельческие колонии; 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имелись основания для послаблений режима или для досрочного освобождения; 4) карательно-лечебные заведения для помещения арестантов с заметно выраженными психическими дефектами; 5) тюремные больницы⁸⁹. Среди указанных мест заключений новеллой в отечественной пенитенциарной системе стали реформатории. Они были призваны реализовывать процесс отбывания наказаний в виде лишения свободы для несовершеннолетних отдельно от взрослых преступников, что позволяло бы избежать негативного воздействия со стороны сформировавшихся преступников на малолетних, которые могли неосознанно или вынужденно нарушить закон.

Помимо этого, документ создавал карательный отдел при наркомате юстиции как руководящий орган пенитенциарной системы, при котором было несколько отделов. Так, первое отделение должно было заниматься выработкой воспитательно-трудовых методик и карательных мер. Сразу устанавливались задачи, в направлении которых должен был работать отдел: разработка типов работ для заключенных, оплата их труда, применение различных режимов заключения в зависимости от личности и степени тяжести преступления, совершенного заключенным, общее и профессиональное обучение и воспитание арестованных, выработка процедуры по досрочному освобождению. Эти задачи свидетельствуют о

⁸⁹ Постановление Наркомюста РСФСР от 23.07.1918 «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 708–714.

новом курсе советской власти в отношении процедуры отбывания наказаний, который полностью соответствовал установкам В.И. Ленина.

Пятое (врачебно-санитарное) отделение должно было контролировать устройство больниц и амбулаторий для заключенных, снабжение их медикаментами, выработку системы отбора заключенных на различные виды работ, исходя из состояния здоровья, а также установку норм питания и соблюдение их исполнения.

На государственном уровне впервые начали говорить о дальнейшей судьбе заключенных после отбывания наказания. Для этого было сформировано девятое отделение, отвечающее за помощь отбывшим наказание. Планировалось организовать выдачу пособий и субсидий, работу съездов представителей патронатов, производить сбор материалов и статистических данных относительно судеб бывших заключенных.

В соответствии с Временной инструкцией вводился отпуск как мера поддержки и награды за хорошее поведение и труд. Отпуск допускался только для лиц, осужденных на срок не более одного года. Предполагалось, что эти люди не представляли большой опасности для общества и совершили нетяжкое преступление. Оговаривались и конкретные случаи, когда отпуск был возможен: в случае смерти матери, отца, жены или ребенка либо по иному серьезному поводу. Максимальный срок отлучки мог составлять две недели.

Безусловно, в таком нормативно-правовом документе не обошлось без введения репрессивных мер в отношении провинившихся арестантов. Однако в то же время в перечне возможных мер воздействия на заключенных отсутствует какое-либо упоминание о физических наказаниях, которые были предусмотрены Общей тюремной инструкцией 1915 года. Сам же перечень наказаний был разным для заключенных, нарушивших установленный внутренний порядок и дисциплину, и для арестантов, отказавшихся работать. К первой категории провинившихся применялись общепринятые меры воздействия, чаще всего ужесточение

режима, либо изоляция. Вторая категория оказывалась более «сложной»: предполагалось, что, если заключенный отказывался работать, то, соответственно, он не приносил денег, за которые бы он содержался, а значит, у него формировался долг, без погашения которого его не освобождали из заключения. Теоретически в такой ситуации срок пребывания в заключении мог увеличиться на очень продолжительное время и стать несоразмерным самому правонарушению. В случае, если все увещевания заняться физическим трудом не помогали, предусматривалось уменьшение продуктового пайка, а впоследствии заключенный мог попасть в статус неисправимого и быть помещен в изолятор.

Временная инструкция являлась значимым нормативно-правовым актом, который наметил пути развития пенитенциарной политики в постреволюционной России.

Декретом о суде от 22 ноября 1917 года сохранялось право заключенного на его досрочное освобождение, которое было закреплено в законе «Об условно-досрочном освобождении», принятом еще 22 июня 1909 года, согласно которому условно-досрочно мог быть освобожден заключенный, отбывший не менее $3/4$ срока, назначенного ему судом⁹⁰. Сам декрет не конкретизировал условия применения данного права заключенных, а лишь указывал на его наличие⁹¹. Практику же его применения разъясняла инструкция, утвержденная постановлением НКЮ от 25 ноября 1918 года. В ней указывалось, что принять решение о досрочном освобождении мог народный суд либо революционный трибунал, исходя из подсудности правонарушения, по которому был осужден заключенный на основании его личного заявления либо заявления родственника (по закону 1909 года инициатором ходатайства по

⁹⁰ Закон от 22 июня 1909 года «Об условном досрочном освобождении» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1909. № 126. С. 1216.

⁹¹ Декрет от 22.06.1917 г. «О суде» // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 124–126.

досрочному освобождению могли выступать должностные лица исправительного учреждения)⁹².

12 августа 1919 года заместителем народного комиссара юстиции был утвержден устав трудовых земледельческих колоний. Он впервые в России вводил прогрессивную систему отбывания наказаний, при которой положение заключенного улучшалось либо ухудшалось в зависимости от его поведения. Для этого вводились классы (разряды) заключенных: испытуемые, исправляющиеся, образцовые и штрафные. Перевод из разряда в разряд зависел от поведения и успехов в трудовой деятельности. Так, для перевода в разряд исправляющихся необходимо было отличиться «добрым поведением», прилежно относиться к труду и достичь определенных успехов в изучении какого-либо мастерства. Арестанты данной группы получали одежду, отличную от одежды других заключенных, могли осуществлять надзор за работой других, а их срок наказания сокращался из расчета 10 месяцев за 1 год⁹³. В итоге складывалась система, при которой адекватный и рациональный человек был заинтересован в соблюдении установленных правил и в добросовестном труде, что позволяло облегчить его пребывание в исправительном учреждении. Он получал определенные привилегии и в дальнейшем мог рассчитывать на досрочное освобождение.

Отдельно декретом ВЦИК от 15 апреля 1919 года в практику исполнения наказаний вводились лагеря принудительных работ⁹⁴. Главной задачей таких лагерей провозглашалась организация трудоспособных заключенных для привлечения к работам по требованию советских

⁹² Постановление НКЮ от 25 ноября 1918 г. «О досрочном освобождении (инструкция)» // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С. 28.

⁹³ Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов : для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А.И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 277.

⁹⁴ СУ РСФСР. 1919. № 20. С. 235.

учреждений. В такие лагеря попадали лица, способные к труду по состоянию здоровья.

20–23 сентября 1920 года в Москве состоялся I Всероссийский съезд заведующих губернскими карательными отделами⁹⁵. На обсуждение был вынесен проект Положения об общих местах заключения РСФСР. В окончательном варианте документ будет принят 15 ноября 1920 года. По своей структуре и даже порядку расположения правовых норм Положение схоже с Общей тюремной инструкцией 1915 года. Оба документа делились на две части: первая была посвящена управлению местами заключения, вторая – внутреннему режиму. Сами части идентичны по внутренней структуре и различаются лишь употребляемыми терминами. Около трети норм советского документа были заимствованы из Общей тюремной инструкции, а иногда и перенесены дословно. Новеллами в пенитенциарной политике стали отдельные статьи Положения: о порядке продовольственного снабжения заключенных (ст. 74–83), вещевом довольствии заключенных (ст. 96–102), организации учебно-воспитательного дела (ст. 131–158).

Производилась подробная регламентация деятельности в местах заключения изучаемого периода. Положение вводило коллегиальный орган управления в местах заключения, который позволял бы избежать в некоторой степени произвола со стороны руководства исправительного учреждения, которое было обязано выносить вопросы на обсуждение в коллегиях места заключения. Коллегия решала вопросы режима в исправительном учреждении, постановки учебно-воспитательной, просветительской и врачебно-воспитательной работы, занималась распределением заключенных по разрядам и переводом их из одного разряда в другой, возбуждала ходатайства о переводе арестантов в другое исправительное учреждение и о досрочном освобождении, участвовала в процедуре приема, перевода и увольнения служащих. Однако, если

⁹⁵ Сборник материалов Центрального карательного отдела. 1920. № 1. С. 106–108.

руководитель был не согласен с каким бы то ни было решением коллегии, то он мог приостанавливать постановления коллегии, одновременно об этом извещал губернский карательный отдел, который уже окончательно решал, отклонить или утвердить постановление коллегии⁹⁶.

Инструкция определяла, что в женских местах заключения роль надзирателей должны были выполнять лица женского пола⁹⁷. В регионах, где не было отдельных женских мест заключения или отделений, заключенные женского пола помещались в отдельные камеры, которые изолировались от всех остальных⁹⁸. Это позволяло избегать дискомфорта женщин-заключенных при проведении гигиенических процедур, а также исключить половые притеснения и злоупотребления со стороны надзирателей-мужчин.

В Положении сохранялась ранее провозглашенная прогрессивная система отбывания наказания. Все поступившие заключенные помещались в разряд «испытуемые», к которому относились лица третьей категории в течение половины срока наказания; второй категории – 1/3 срока наказания; первой категории – 1/4 срока наказания, но не менее трех месяцев. Лица, относящиеся к этим категориям, могли содержаться в одиночной изоляции, если это было необходимо. Распределительная комиссия по представлению коллегии места заключения могла уменьшить срок пребывания в разряде испытуемых.

Если заключенные в течение указанных сроков не проявляли каких бы то ни было признаков исправления, их переводили в разряд «штрафные», где к содержанию применялся особо строгий режим. Если же арестант «вставал на путь исправления», он переходил в разряд «исправляющиеся». Испытуемые, осужденные на срок не менее трех лет и находившиеся в

⁹⁶ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С. 57.

⁹⁷ Там же. С. 60.

⁹⁸ Там же. С. 65.

этом разряде не менее 6 месяцев, могли быть переведены в разряд «образцовые».

«Образцовые» арестанты содержались в особых камерах, могли свободно передвигаться в течение дня в пределах отделения. Свидания, переписка, получение передач им разрешались не менее трех раз в неделю, заработной платой они могли распоряжаться без ограничений, за исключением суммы, которая направлялась на их содержание. Отпуск предоставлялся на срок 7 дней два раза в год. Руководство исправительного учреждения могло представить к досрочному освобождению заключенного, если он пребывал в этом разряде как минимум один месяц⁹⁹.

В дальнейшем, уже после введения Уголовного кодекса в 1922 году, нормы, касающиеся досрочного освобождения, будут изменены. Как пишет в своем диссертационном исследовании С.А. Гаранжа, с 3 января 1923 года перевод в «образцовый» разряд допускался и для осужденных на срок менее 3 лет, а право досрочного освобождения не связывалось с нахождением в каком-либо разряде лишения свободы. В то же время из письма заместителя народного комиссара внутренних дел Н. Белобородова от 12 октября 1923 года видно, что наблюдались следующие недопустимые явления: приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией пользовались, благодаря своим средствам или связям, разного рода привилегиями, часто, например проживая под видом больных в больнице, устраивали себе командировку или отпуск, тем самым парализуя то исправительное воздействие, которое было предусмотрено приговором¹⁰⁰.

Положение, по сути, давало возможность заключенному, который действительно случайно или непреднамеренно нарушил закон, максимально безболезненно искупить вину перед обществом, отбыв

⁹⁹ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С.66-67.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 1. Д. 31. Л. 7.

наказание в виде лишения свободы, не находясь сутками в камере. За подобный подход высказывались представители пенитенциарной науки еще в дореволюционной России. Так, профессор С.В. Познышев писал, что различия между классами заключенных могли проявляться в более или менее широком праве покупки вещей из тюремной лавки, также в праве переписки, свиданий, пользования библиотекой и других привилегий¹⁰¹. Некоторые современники, например М.М. Исаев, указывали на то, что заключенные делились на категории исключительно за свои заслуги или проступки, а классовый подход отсутствовал¹⁰², что противоречило общей тенденции в советском законодательстве. На современном этапе исследователи советской пенитенциарной политики также дают высокую оценку Положению 1920 года и придерживаются позиции, что в данном документе отражены очень прогрессивные нормы о раздельном содержании арестантов в зависимости от характера совершенного преступления и криминального опыта заключенного¹⁰³. В.С. Михайлов, рассматривая прогрессивную систему, сложившуюся в 1920-е годы, утверждает, что для заключенных она являлась стимулирующим фактором.

Подход к организации процесса отбывания наказания в виде лишения свободы, правила применения стимулирующих привилегий и наказаний за дисциплинарные проступки демонстрируют, что в изучаемый период происходил процесс формирования в отечественной пенитенциарной системе принципа соразмерности, когда вышеуказанные нормы должны были применяться соразмерно совершенным деяниям, вне зависимости от того, положительные они или отрицательные. Большинство из

¹⁰¹ Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. М., 1915. С. 111.

¹⁰² Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. М., 1927. С. 104.

¹⁰³ Родионов А.В. Государственная уголовно-исполнительная политика России в сфере организации труда осужденных в период 1917–1922 гг. (историко-правовое исследование) // БГЖ. 2016. № 4 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ugolovno-ispolnitelnaya-politika-rossii-v-sfere-organizatsii-truda-osuzhdennyh-v-period-1917-1922-g-g-istoriko-pravovoe> (дата обращения: 04.02.2021).

перечисленных норм сохраняют свою актуальность и для современного уголовно-исправительного законодательства. В то же время некоторые современные исследователи говорят о принципе неопределенности наказания, который был характерен и для Положения 1920 года. Как пишут С.А. Кутуков и С.Н. Смирнов, неопределенность наказания выражалась в «...праве распределительной комиссии продлевать срок заключения упорно нарушающим трудовую дисциплину»¹⁰⁴.

Арестантам был положен двухразовый прием горячей пищи – на обед и ужин. Кроме того, в определенное время выдавался кипяток для чая. Во время эпидемий кипяток мог выдаваться чаще, исходя из врачебно-гигиенических соображений. Еда готовилась из продуктов, которые «при меньшей стоимости отличались наибольшей питательностью и разнообразием». Количество белков, жиров и углеводов должно было быть достаточным для удовлетворения потребностей здорового, рабочего организма. По постановлению врача или в случае выполнения тяжелых и утомительных работ вводилось усиленное питание, т.е. увеличивался объем пищи, однако не превышавший стандартную норму более чем на 50%¹⁰⁵.

Питание больных заключенных производилось за счет органов Наркомздрава по нормам, установленным для подведомственных ему учреждений. При возникновении эпидемий должны были приниматься меры к улучшению питания арестантов, но с учетом местных обстоятельств.

Осуществлялся контроль за качеством и объемом выделенных

¹⁰⁴ Кутуков С.А., Смирнов С.Н. История развития мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, по исправительно-трудовому законодательству России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-mer-vzyskaniya-primenyaemyh-k-osuzhdennym-k-lisheniyu-svobody-po-ispravitelno-trudovomu-zakonodatelstvu-rossii> (дата обращения: 04.02.2021).

¹⁰⁵ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С. 69.

продуктов питания для заключенных, что улучшало уровень питания и должно было способствовать соблюдению установленных норм. Для приема и проверки продуктов, поступавших в исправительное учреждение, заведующим назначалась комиссия в количестве не менее трех человек. Как правило, в нее входили представитель от администрации учреждения, медицинский работник и кладовщик. В местах нахождения фактического контроля в комиссию еще включался представитель рабоче-крестьянской инспекции. Дежурный кухни из числа заключенных следил, чтобы все принятые продукты были использованы на приготовление пищи для заключенных в соответствии с установленными нормами¹⁰⁶.

К вещевому довольствию относилась одежда, обувь и постельные принадлежности. Все вышеуказанные предметы должны были выдаваться заключенным чистыми, сухими и в отремонтированном виде. В свою очередь заключенные обязаны были содержать отпущенные им вещи, а также и свои собственные в чистоте и порядке.

Смена грязного белья должна была производиться каждый раз при посещении бани, которая предусматривалась для заключенных еженедельно. В ситуации, если бани не было по различным причинам более десяти дней, смена белья производилась без нее. Грязная молескиновая¹⁰⁷ и холщевая одежда раз в месяц сдавалась в стирку. У заключенных, занятых на работах, при которых одежда быстро загрязнялась и портилась (кузница, слесарные мастерские, ассенизационные обозы и другие подобные работы), белье менялось чаще, по мере надобности. Постельное белье менялось два раза в месяц. Стирка и сушка производились в специально приспособленном для этой цели

¹⁰⁶ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С.70.

¹⁰⁷ Молескин – толстая, плотная и прочная хлопчатобумажная ткань с начёсом на внутренней поверхности и гладкой глянцевидной лицевой стороной.

помещении¹⁰⁸.

Таким образом, законодатель хотел обеспечить человеческие условия существования заключенных в исправительных учреждениях. Они были призваны сохранить здоровье человека и всячески способствовать его исправлению. Именно вышеперечисленные факторы, согласно М.Г. Деткову, демонстрируют реальную сущность пенитенциарной политики государства¹⁰⁹. Как видно, формируя условия, государство придерживалось прогрессивной системы и принципа соразмерности наказаний. Кроме этого, большой вклад Положение внесло в вопрос универсализации процесса отбывания наказания и административного управления общих мест заключения. Так, по мнению Л.В. Курас, впервые в нормативно-правовых актах было оформлено внутреннее содержание понятия «режим», куда входил процесс обеспечения питанием заключенных, внутренний распорядок и условия содержания¹¹⁰. В то же время в условиях переполненности тюрем нельзя было думать о полноценной реализации провозглашенных норм¹¹¹.

В Положении об общих местах заключения РСФСР от 1920 года имелся раздел, посвященный процедуре лечения и содержания больных заключенных. В случае заболевания медицинский персонал исправительного учреждения должен был оказать всю необходимую помощь больному. Когда заключенный заражался острозаразным заболеванием, об этом сообщалось в губернский карательный отдел, и в

¹⁰⁸ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С.71–72.

¹⁰⁹ Детков М.Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность (к 200-летию МВД России). М., 1998. С. 28–29.

¹¹⁰ Курас Л.В. Становление советского законодательства, регламентирующего деятельность мест заключения, в 1918–1920-е годы // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskogo-zakonodatelstva-reglamentiruyuschego-deyatelnost-mest-zaklyucheniya-v-1918-1920-e-gody> (дата обращения: 04.02.2021).

¹¹¹ От тюрем к воспитательным учреждениям // под ред. А.Я. Вышинского, М., 1934. С. 218.

то же время по указанию врача применялись все меры для изоляции больного с целью предотвращения распространения инфекции¹¹². Нуждающегося в стационарном лечении заключенного, в случае невозможности поместить его в больницу, расположенную на территории места лишения свободы или специализированную, препровождали в общегражданскую больницу¹¹³.

Уже в начале 1920 года руководство исправительных учреждений столкнулось с массовой нехваткой медицинского персонала. В этой связи был издан циркуляр Центрального карательного отдела НКЮ № 3 от 9 февраля 1920 года, который позволял привлекать лиц с медицинским образованием (врачи, фельдшеры, фармацевты, медбратья и медсестры), содержащихся в местах лишения свободы, к работе, связанной с их профессиональным образованием и видом деятельности. Такая возможность допускалась в случае, если губернский здравотдел не смог бы найти необходимый медицинский персонал для исправительного учреждения. Для более оперативного разрешения вопроса начали производить учет всех заключенных-медиков как с целью дальнейшего оперативного перераспределения среди мест лишения свободы внутри губернии, так и для пересылки их в другие регионы¹¹⁴. Таким образом, происходил постепенный поиск наиболее рациональной и приемлемой формы оказания медицинской помощи и обеспечения медицинского надзора, при которой исключалась бы полная зависимость медицинского персонала от администрации мест заключения. Именно такой оценке придерживается А.В. Быков в своей работе по исследованию медико-

¹¹² Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С.73.

¹¹³ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С.74.

¹¹⁴ Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела Н.К.Ю за 1917–1920 гг. М. 1921. С.132-133.

санитарного обеспечения мест заключения Западной Сибири в 1920-е годы¹¹⁵.

Что же касается трудовой деятельности заключенных, то Положение ставило задачу максимально развивать такие виды работ, где бы активно привлекались к труду все работоспособные заключенные, и на которых они могли бы получить квалификацию, наиболее обеспечивающую им возможность применить свой труд и знания уже на свободе. В этом же направлении должны были применяться различные учебно-воспитательные средства. Вводились обязательные занятия для всех неграмотных заключенных. Если по Общей тюремной инструкции 1915 года заключенные имели такое право, то уже в советский период занятия становятся неотъемлемой частью перевоспитания заключенных. Е.Г. Михеенков в ходе проведения компаративного анализа дореволюционной и советской пенитенциарной системы 1920-х годов приходит к выводу, что формировавшаяся модель изучаемого нами периода была более эффективной в сравнении с дореволюционной¹¹⁶, а вышеперечисленные средства воздействия на заключенных становились общепризнанными¹¹⁷.

«Положение об общих местах заключения РСФСР» оказало существенное влияние на процесс развития отечественной пенитенциарной системы. Оно закрепило на всероссийском уровне основные практики в пенитенциарной сфере. Однако в органах государственной власти и научных кругах продолжались обсуждения «классовых врагов». С.Н. Файнблит, ученый-пенитенциарист, при обсуждении первого проекта

¹¹⁵ Быков А.В. Медико-санитарное обеспечение мест заключения Западной Сибири в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sanitarnoe-obespechenie-mest-zaklyucheniya-zapadnoy-sibiri-v-1920-e-gg> (дата обращения: 04.02.2021).

¹¹⁶ Михеенков Е.Г. Воспитательная работа с заключенными в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири в эпоху нэпа // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnaya-rabota-s-zaklyuchennymi-v-penitentsiarnoy-sisteme-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-epohu-nepa> (дата обращения: 04.02.2021).

¹¹⁷ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России, М., 1999. С. 159.

УК РСФСР утверждал, что классовых врагов «надо карать, а не исправлять»¹¹⁸. С ним был согласен и Н.В. Крыленко, который писал, что «идею исправления мы не можем считать основной... этот метод мы должны применять только лишь по отношению к определенной категории лиц, выходцев из родственных нам социальных слоев»¹¹⁹. Другого мнения придерживался начальник карательного отдела НКЮ Л.М. Саврасов, который считал, что «неисправимых преступников» не было вообще, однако на тот момент у власти был «недостаток сил», и органам было в пору «лишь справиться с теми случайными и молодыми преступниками», которых они могли и должны были «вылечить»¹²⁰. К тому же быстро изменить такую большую и консервативную тюремную систему, которая долгое время формировалась при царском режиме, было просто невозможно. О длительности этого процесса говорил в одном из своих выступлений и председатель ВЦИК М.И. Калинин: «В нашем обществе со временем отомрет карательный институт, а сам факт осуждения станет восприниматься как самая величайшая кара»¹²¹.

Осложнялась ситуация и фактом соподчинения исправительных учреждений двум ведомствам: Наркомюсту и НКВД. Такое положение приводило к тому, что в пенитенциарных учреждениях отсутствовали единые требования к обеспечению условий отбывания наказания заключенными. Кроме того, как отмечает О.А. Тарасов, подчинение исправительных учреждений двум различным ведомствам мешало планированию дальнейшего развития¹²².

На это обстоятельство особое внимание обращали участники V

¹¹⁸ Еженедельник советской юстиции. 1923. № 4. С. 918.

¹¹⁹ Крыленко Н.В. Доклад на шестом Съезде прокуроров, судебных и следственных работников // Реформа Уголовного кодекса. М., 1929. С. 18.

¹²⁰ 51 Саврасов Л.М. К вопросу о наказании // Пролетарская революция и право. 1919. № 2–4. С. 77.

¹²¹ Калинин М.И. Избр. произв. Т. 1. М., 1960. С. 126.

¹²² Тарасов О.А. Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в советской России в начале 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4(87). С. 60.

Всероссийского съезда заведующих отделами губернских (областных) управлений НКВД, который проходил в марте 1922 года. На съезде была высказана мысль, что поскольку «идеология пролетарской власти на задачи карательной политики одна, то совершенно непоследовательным и вредным для дела является раздельное управление местами лишения свободы в двух различных ведомствах»¹²³.

Оба ведомства подготовили свои проекты и предоставили их в СНК. НКЮ предлагал свернуть систему лагерей принудительных работ и вместо нее создать сеть общих и специальных мест лишения свободы. В процессе перехода все осужденные должны содержаться в местах лишения свободы подконтрольных НКЮ¹²⁴.

Альтернативный путь, который предлагал НКВД, состоял в полном отказе от разделения исправительных учреждений между ведомствами. Для управления ими необходимо было создать Главному управлению местами заключения, которое подчинялось бы НКВД. НКЮ и его органам на местах предлагалось оставить их надзорные функции¹²⁵.

Оба проекта находились на рассмотрении в СНК, но из-за активного лоббирования двух ведомств своих интересов, решение постоянно откладывалось. В итоге постановлением СНК от 26 июля 1922 года было создано Главное управление местами заключения, в подчинение которого были переданы все исправительные учреждения.

В это же время был принят и первый Уголовный кодекс РСФСР. Обсуждение его началось в 1920 году. В ходе дискуссий было выработано несколько проектов, и основные вопросы возникали вокруг классификации преступлений, смертной казни, системы наказаний¹²⁶. С 1 июня 1922 года

¹²³ Детков М.Г. Тюремь, лагеря и колонии России, М., 1999. С. 120.

¹²⁴ Тарасов О. А. Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в советской России в начале 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4(87). С. 60.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ См.: Курс уголовного права в пяти томах. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.

Кодекс вступил в силу¹²⁷. Главной задачей УК провозглашалась «защита рабоче-крестьянского государства и общества от преступных посягательств» (ст. 5)¹²⁸.

В Кодексе отсутствовал такой вид наказания, как смертная казнь. Появился новый – принудительные работы без содержания под стражей (ст. 32). В практику впервые вводилось условное осуждение. Суд мог заменить лишение свободы условным осуждением, если человек впервые совершил преступление, при этом он находился в тяжелой жизненной ситуации, а степень общественной опасности совершенного правонарушения не требовала обязательной изоляции от общества.

Уголовный кодекс 1922 года подтолкнул законодателя провести кодификацию норм, регламентирующих процесс отбывания наказания. Основой будущего документа стало описанное ранее «Положение об общих местах заключения РСФСР». 30 апреля 1923 года коллегия НКВД РСФСР постановила ускорить разработку проекта пенитенциарного кодекса¹²⁹. Комиссия по разработке исправительно-трудового кодекса (далее – ИТК) включала работников Главного управления мест заключения (далее – ГУМЗ): С.И. Бродовского, М.И. Бурлаченко, Л.Я. Корнблитта, В.Р. Якубсона, консультанта в лице С.В. Позднышева, а возглавлял ее начальник ГУМЗ Е.Г. Ширвиндт¹³⁰. В ходе дальнейших обсуждений кодекс получил название исправительно-трудового.

Несмотря на то, что Положение 1920 года очень подробно регламентировало процесс отбывания наказания в виде лишения свободы, за прошедшие четыре года в практику реализации наказания было введено

¹²⁷ Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002.

¹²⁸ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»

¹²⁹ Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917 г. – 1925 г.). Выпуск I, Часть II. Рязань, 1984. С. 59.

¹³⁰ См.: Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Домодедово, 1992. С. 37.

много нового, что требовало своего нормативного закрепления. К тому же, в первые годы советской власти каждое исправительное учреждение по своему реализовывало исправление заключенных, а введение ИТК как документа, призванного унифицировать процесс отбывания наказания в виде лишения свободы, позволяло покончить с таким разнообразием и установить единые для страны принципы и нормы пенитенциарной политики.

В 1923 году на территории страны существовало около 400 учреждений, предназначенных для содержания лиц, лишенных свободы. Наметился рост в отношении количества сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний. В период с 1920 года по 1923 год их число увеличилось более чем вдвое – с 15 до 33. По данным ГУМЗ, на сентябрь 1923 года в исправительных учреждениях отбывали свое наказание 80 тысяч заключенных, что составляло 0,08% от численности населения России (137 миллионов 600 тысяч человек)¹³¹.

После долгих обсуждений на разных уровнях 16 октября 1924 года постановлением ВЦИК проект Исправительно-трудового кодекса был утвержден¹³². Главной его целью ставилось создание исправительно-трудовыми учреждениями условий для приспособления преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы¹³³. Общие принципы отбывания наказания заключенными сводились к следующему: обязательная трудовая деятельность для заключенных; более гуманный процесс отбывания наказания (например, просветительская деятельность); развитие самостоятельности; классовый подход к распределению осужденных;

¹³¹ Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. М.; Л., 1927. С. 195.

¹³² СУ РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.

¹³³ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 11.11.2016).

оказание посильной помощи после отбывания наказания; стремление к самоокупаемости мест лишения свободы и другие¹³⁴.

Отдельная глава кодекса посвящалась трудовой деятельности. Политика государства в исправительно-трудовой сфере демонстрировала направленность в сторону трудового воспитания. Первая же статья устанавливала, что трудовая деятельность заключенных должна была иметь воспитательно-исправительное значение. Указывалось, что труд является обязательным для всех, кто был способен к нему при отсутствии каких-либо медицинских противопоказаний¹³⁵. Заключенные, находившиеся в местах лишения свободы, назначались на определенный вид работы начальником исправительного учреждения. Однако уже в самом ИТК имелись указания на то, что трудовая деятельность заключенных регламентировалась и Кодексом законов о труде РСФСР, вступившим в силу в 1922 году. Таким образом, получалось, что заключенные не могли работать больше 8 часов в день, а некоторые категории заключенных не больше 6 часов.

В мастерских при исправительных учреждениях должны были организовываться такие виды работ, при выполнении которых заключенные приобретали бы профессиональные навыки, востребованные и после освобождения. Если же заключенный по объективным причинам не мог работать в мастерской, то работа организовывалась непосредственно в камере. На внешние работы назначались, в первую очередь, заключенные высшего разряда, а также из других разрядов, но не приговоренные к строгой изоляции. На внешние работы заключенных постоянно сопровождал конвой. К каждой такой группе рабочих прикреплялся еще один надзиратель, в обязанности которого входило наблюдение за поведением заключенных и их усердием к работе.

¹³⁴ См.: Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 11.11.2016).

¹³⁵ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 10.05.2017).

Распределительным комиссиям была предоставлена возможность в качестве поощрения за хорошее отношение к работе для отдельных заключенных вводить правило зачета двух рабочих дней за три дня срока. Таким образом, заключенных стимулировали эффективно трудиться на благо общества¹³⁶.

В целях повышения эффективности работы заключенных и их поощрения, а также во избежание бессистемных трат администрации исправительного учреждения заработанные деньги (прибыль) распределялись следующим образом: 40% на расширение производства, 12,5% на улучшение питания заключенных, 15% отчислялось в комитет помощи освобожденным заключенным, 20% в фонд ГУМЗ, 12,5% на улучшение условий службы и стимуляцию административных работников и служащих конкретного исправительного учреждения¹³⁷.

Культурно-воспитательная работа с заключенными делилась на школьную и внешкольную. Главной ее задачей провозглашалось «поднятие интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных путем сообщения им как общеобразовательных, так и профессиональных знаний, а также ознакомление с основами советского строя и правами и обязанностями гражданина». Такая концепция вписывалась в общую концепцию гуманизации, в стремление государства обеспечить своих граждан, пусть и преступивших закон, знаниями для дальнейшей жизни, а также профессиональными умениями и навыками для законного заработка. Для более эффективной школьной и внешкольной работы программа должна была разрабатываться совместно с представителями народного комиссариата просвещения¹³⁸.

Школьные занятия, как и ранее, были призваны ликвидировать безграмотность среди заключенных. Посещать их следовало всем

¹³⁶ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 10.05.2017).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

неграмотным или малограмотным заключенным, не достигшим 50-летнего возраста. Внешкольная работа предусматривала лекции, клубы, кружки, библиотеки, заслушивание различных докладов. Силами заключенных могли устраиваться концерты, спектакли, литературные вечера, другие культурно-массовые мероприятия.

ГУМЗ стремилось расширить и способы идеологического воздействия. Для этого методическая комиссия ГУМЗ в январе 1927 разработала и утвердила программу и методику проведения занятий по политической грамотности среди заключенных. Это был первый шаг в истории советской исправительно-трудовой системы по организации целенаправленного политического воспитания осужденных¹³⁹.

В декабре 1927 года была подготовлена Инструкция НКВД по организации самообразования и заочного обучения в местах заключения. В ней были регламентированы основные организационно-правовые и методические вопросы. Были утверждены формы реализации самообразования: самостоятельное изучение отдельных отраслей знания путем чтения специализированной литературы, заочные курсы, кружковая форма организации самообучения¹⁴⁰.

В середине 1920-х годов, когда в нэповской экономике шел активный процесс расширения посевных площадей за счет разрешенной аренды земли и найма рабочей силы, государство отреагировало принятием в апреле 1925 года декрета ВЦИК «О предоставлении отпусков из мест заключений на полевые работы заключенным крестьянам»¹⁴¹. Согласно документу, губернские распределительные комиссии могли отпускать крестьян в их поселения на посевные и уборочные работы на срок от 1 до 3 месяцев. Базовым условием для получения такого отпуска была низкая тяжесть совершенных правонарушений. При этом важным обстоятельством являлось

¹³⁹ ГАРФ Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 369. Л. 50.

¹⁴⁰ Там же. Д. 448 б. Л. 3–13.

¹⁴¹ Декрет ВЦИК от 21 апреля 1925 г. «О предоставлении отпусков из мест заключений на полевые работы заключенным крестьянам» // СУ 1925. № 25. Ст. 181.

то, что предоставленное заключенному время такого своеобразного трудового отпуска засчитывалось в срок назначенного наказания¹⁴².

Как считает Д.В. Ливенцев, отпуска имели большой пропагандистский эффект. Они наглядно демонстрировали либеральность советской исправительной системы в сравнении с капиталистическими государствами. Но в тоже время в 1925–1926 гг. выявились случаи массового предоставления сезонного отпуска для проведения сельскохозяйственных работ лицам: совершившим убийство, осуществившим грабеж, участвующим в воровстве, бравшим взятки, кравшим лошадей у сельского общества. Данные факты повышали криминальную обстановку в советском государстве в 1920-е годы¹⁴³. При всех минусах положительной стороной отпусков стала возможность для исправительных учреждений временно разгрузить свои камеры¹⁴⁴.

В декабре 1926 года заместитель председателя СНК А.П. Смирнов предложил народным комиссариатам внутренних дел и юстиции подготовить совместный доклад о состоянии мест заключений в РСФСР¹⁴⁵. В январе 1927 года НКВД РСФСР представил в СНК РСФСР означенный обширный доклад¹⁴⁶. В нем были предложены определенные шаги по улучшению пенитенциарной системы страны.

В докладе, с одной стороны, говорилось о необходимости увеличить вместимость всех исправительных учреждений, в том числе и изоляторов, на 10 тысяч мест с целью разгрузки. С другой, судам предлагалось применять

¹⁴² Декрет ВЦИК от 21 апреля 1925 г. «О предоставлении отпусков из мест заключений на полевые работы заключенным крестьянам» // СУ 1925. № 25. Ст. 181.

¹⁴³ Ливенцев Д.В. Сезонный отпуск крестьян из заключения как форма либерализации советской исправительной системы в 20-е гг. XX в // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 2019. С. 120–121.

¹⁴⁴ Ливенцев Д.В. Право на отпуск заключенных крестьян для сезонных сельскохозяйственных работ как пропаганда прогрессивности советской исправительной системы в 20-е гг. XX в // Публично-правовые формы и методы социализации личности: сборник трудов всероссийской научной конференции, Воронеж, 2019. С. 60.

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 16. Д. 24. Л. 35.

¹⁴⁶ Там же. Л. 218–263.

наказания в виде лишения свободы только за действительно тяжелые правонарушения. Финансировать места лишения свободы предлагалось исходя не из количества штатных мест, а по фактическому числу заключенных. Для рецидивистов предлагалось организовывать особые места заключения¹⁴⁷. НКВД хотел получить от Высшего совета народного хозяйства список производств, где было бы особенно актуально использование труда заключенных (кирпичное, известковое, алебастровое, ломка камня, торфоразработка и др.). Признавалась необходимость использовать труд заключенных на крупных стройках при требующих специальных знаний работах. Для упрощения процедуры отправки заключенных на внешние работы высказывалась необходимость отменить ст. 60 ИТК («Перечень внешних работ устанавливается по соглашению инспекции мест заключения с органами Наркомтруда»)¹⁴⁸.

В феврале 1927 года состоялось знаковое государственное совещание по вопросам карательной политики. На нем присутствовали заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов, заместитель наркома юстиции Н.В. Крыленко, заместитель наркома внутренних дел В.Н. Егоров, начальник Главного управления местами заключения Е.Г. Ширвиндт. Совещание посчитало необходимым рекомендовать судам заменить краткосрочное содержание под стражей на принудительные работы без содержания под стражей¹⁴⁹. В июле 1927 года доклад о состоянии мест заключения в стране обсуждался на совместном заседании Президиума СНК и ВЦИК РСФСР, по итогам которого создали специальную комиссию¹⁵⁰. В результате ее деятельности 19 ноября 1927 года был подготовлен проект постановления «О карательной политике и состоянии мест заключения» и разослан в

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 16. Д. 24. Л. 259, 262.

¹⁴⁸ Там же. Л. 274–275, 276.

¹⁴⁹ Там же. Д. 35. Л. 10–11.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. А – 259. Оп. 116. Д. 955. Л. 20.

заинтересованные ведомства для ознакомления¹⁵¹. Окончательно данный документ будет утвержден 26 марта 1928 года и опубликован в печати¹⁵².

Все обсуждаемые и принятые предложения привели в целом к следующим изменениям. Судам следовало расширить список альтернативных наказаний относительно лишения свободы, что должно было устранить переполненность исправительных учреждений, а это, в свою очередь, и создавалось за счет заключенных, лишенных свободы на срок до 1 года, численность которых в 1927–1928 годах составляла примерно 43% от всего контингента¹⁵³. Основной мерой наказания должны были стать принудительные работы без содержания под стражей. Предписывалось устранить совместное содержание «случайных» преступников и социально опасных правонарушителей. Для первых предполагалось активное использование трудовых колоний с полусвободным режимом. Очевидно, что изменения, принятые Президиумом СНК и ВЦИК РСФСР 26 марта 1928 года, не предполагали какой-либо радикальной ломки устоявшейся системы, но при этом большинство предложений НКВД было принято и внедрено в практику работы всей карательной системы, в том числе и учреждений исполнения наказаний.

Таким образом, с приходом советской власти в стране началось реформирование законодательства, регламентирующего процесс реализации наказания в виде лишения свободы. Преобразования были призваны организовать процесс заключения таким образом, чтобы исправить и перевоспитать осужденного. Реформа проходила постепенно и по своей сути завершилась принятием Исправительно-трудового кодекса в 1924 году. ИТК можно назвать по-настоящему прогрессивным документом для того времени.

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. А – 259. Оп. 116. Д. 955. Л. 14.

¹⁵² Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–419.

¹⁵³ Траскович Ф. Новый закон о принудительных работах и очередные задачи органов юстиции на местах // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 21. С. 620.

Многие его нормы послужили фундаментом для всего современного законодательства в сфере реализации наказания в виде лишения свободы.

Регламентации подвергались многие сферы жизнедеятельности заключенных. Самые важные из них были: материально-бытовые условия, медико-санитарное обслуживание, культурно-просветительская работа и трудовая деятельность. Труд был наиболее важным компонентом исправительной системы, так как именно через него предполагалось перевоспитать преступивших закон. Но эффективность законодательства необходимо оценивать по практической реализации написанных норм.

1.2. Материально-бытовые условия содержания заключенных

Как уже отмечалось, советская власть получила тяжелое в материально-бытовом отношении наследство в части учреждений исполнения наказаний. Первая мировая и Гражданская войны усугубили это положение. Состояние мест заключения не могло быть приоритетным предметом финансирования и в начальный период нэпа, когда государство за неимением средств вынуждено было «уходить» даже от бюджетной поддержки системы образования.

За внешним блеском и некоторым «изобилием для избранных» на фоне только что пережитого периода «военного коммунизма» с его мешочниками и повсеместной практикой самовыживания основной части населения, пишет в своем исследовании о положении смоленских школ в 1920-е годы Е.В. Козин, имела место и другая сторона нэпа – отказ государства от многих своих социальных обязательств, и, к сожалению, в первую очередь в сфере народного образования. Школа и учитель были «сняты» с государственного финансирования, и вся система образования передавалась местным бюджетам с надеждой на должное содействие ей со стороны населения¹⁵⁴. Но эта практика не оправдала себя. Тогда последовал декрет СНК РСФСР от 16 сентября 1921 года, на основе которого стало практиковаться самообложение населения на нужды школы, а следом, с весны 1922 года, вводится целевой налог на нужды народного просвещения и здравоохранения, что, по сути, означало плату за обучение и медицинские услуги. Плата за обучение во всех типах учебных заведений, кроме начальных школ, оставалась еще и в 1927 году (на основе постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 24 января 1927 году «О взимании платы в учебных и воспитательных учреждениях»). В 1928 году плата за обучение существенно снижалась, но сам факт недофинансирования системы образования со стороны государства все еще оставался.

¹⁵⁴ Козин Е.В. Школы Смоленщины в эпоху нэпа: от выживания к развитию // Известия СмолГУ, 2021. № 2 (54). С. 189.

При этом доходы значительной части семей обеспечивали лишь самый скромный прожиточный уровень: семьи с общим доходом около 10 рублей в месяц могли позволить себе хлеб и суп в обед. В середине 1920-х годов семья со средним доходом 30–40 рублей питалась трижды в день: хлеб, иногда колбаса на завтрак, в обед жареная картошка или суп, на ужин доедали остатки пищи¹⁵⁵. До 77% населения городов проживали по три человека в одной комнате¹⁵⁶. Все это приводило к хроническим заболеваниям. Так, например, в мае 1928 года на заводе «Красный перекоп» было проведено медицинское обследование, которое показало, что только 21,6% рабочих были здоровы. Остальные 78,4% болели анемией, респираторными, нервными и глазными заболеваниями¹⁵⁷. В ходе проверки одной из ленинградских школ летом 1925 года у 20% учащихся была обнаружена цинга, у 9% – туберкулез и у 88% – анемия¹⁵⁸. Согласно воспоминаниям студентов, живущих в одном общежитии в Ленинграде, дефицит товаров был настолько велик, что они были вынуждены одалживать друг у друга одежду, чтобы посещать лекции¹⁵⁹.

Ожидать в такой ситуации какой-либо значительной помощи и заботы государства о местах заключения и о находившихся в них осужденных за нарушение закона было бы, по меньшей мере, наивно. Тем более что сама сеть губернских исправительных учреждений была достаточно широкой.

Исправительно-трудовой кодекс закреплял раздельное содержание заключенных в зависимости от тяжести совершенного правонарушения. *Дома заключения* предназначались для осужденных до 6 месяцев лишения свободы, *исправительно-трудовые дома* – для приговоренных на срок свыше 6 месяцев. В различных *колониях* (сельскохозяйственных,

¹⁵⁵ Комсомольская правда. 1925. 28 июня. С. 4.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Савченко В. Неофициальная Одесса эпохи нэпа. Март 1921–сентябрь 1929. М., 2012. С. 120.

¹⁵⁸ Izmozik V.S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // The Russian Review. 1996. Vol. 55. P. 294.

¹⁵⁹ Колодникова Л.П. Советское общество 20-х годов XX века: по документам ВЧК-ОГПУ. М., 2009. С. 159.

фабричных, ремесленных) должны были находиться осужденные на срок до 5 лет без строгой изоляции, совершившие правонарушение впервые, случайно или вследствие тяжелых материальных условий. *Изоляторы специального назначения* применялись к осужденным со строгой изоляцией, то есть для наиболее опасных преступников¹⁶⁰.

В первые годы советской власти политика государства в пенитенциарной сфере была направлена на сокращение исправительных учреждений, в том числе и с целью экономии. Последний раздел Временной инструкции 1918 года предписывал закрывать мелкие тюрьмы, как непригодные ни в части воспитательно-трудовой функции, ни с позиций экономии средств¹⁶¹. Для выполнения данных предписаний Смоленский карательный отдел начал изучать все имевшиеся на тот момент 12 тюремных учреждений губернии. По результатам проверок будет закрыто 9 тюремных заведений. В 1918 году упразднили Дорогобужскую, Духовщинскую, Ельнинскую, Краснинскую, Поречскую и Юхновскую тюрьмы. В следующем году ликвидировали тюрьмы в Сычевске, Рославле и Гжатске¹⁶². К началу 1920 года на территории Смоленской губернии сохранились: Смоленский дом принудительных работ (ДОПР), губернский дом заключения, тюрьма в Вязьме и открытая после революции земледельческая колония Астрогонь. Со временем местные органы власти осознают поспешность таких действий, и к середине 1920-х годов большинство из вышеуказанных закрытых исправительных учреждений будут восстановлены.

Имевшиеся в Смоленской губернии учреждения исполнения наказания разнились по своей материальной базе и имели разную историю создания.

¹⁶⁰ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 10.05.2017).

¹⁶¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 23.07.1918 «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)».

¹⁶² ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 12. Л. 23.

10 июня 1900 года был издан закон об отмене ссылки и замене ее другими наказаниями. О его последствиях хорошо высказался М.Н. Гернет: «Закон 10 июня 1900 года об отмене ссылки на жительство и об ограничении ссылки на поселение по судебным приговорам вызвал необходимое расширение тюремного строительства. Оно было направлено, в первую очередь, на расширение исправительно-арестантских отделений, которые должны были заменить ссылку»¹⁶³. Под это расширение попало и Смоленское исправительное отделение. Уже 17 июля 1900 года в Смоленск прибыли инспектор ГТУ Н.К. Стрихарской и архитектор Санкт-Петербургских тюрем, надворный советник Еремеев. По итогам работы был составлен объемный документ по перестройке Смоленского исправительного отделения. Комиссия посчитала необходимым произвести следующие изменения: перестроить подвальные помещения под общие камеры для заключенных в количестве 116 человек; вместо комнат для надзирателей и карцера обустроить помещение для свиданий; кладовые переоборудовать под карцеры; со второго этажа удалить больницу и аптеку, а вместо них сделать общие камеры; надстроить четвертый этаж, где разместить одиночные камеры на 81 человека, и другие¹⁶⁴. При всех усовершенствованиях и изменениях численность отделения увеличивалась с 220 человек до 590, а вся стоимость строительных работ была оценена в 168 083 рубля¹⁶⁵.

Закончить реконструкцию планировалось к осени 1901 года, но это не удалось сделать, так как постоянно менялись требования и планы. В июле 1902 года в Смоленск из ГТУ был направлен коллежский советник Сементовский, который должен был ознакомиться с ходом строительства и произвести необходимые изменения с целью увеличения вместимости исправительного учреждения и экономии финансовых средств. Предложенные им изменения позволяли увеличить вместимость до 850

¹⁶³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1952. Т. 3. С. 367.

¹⁶⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 88. Д. 650. Л. 7–8.

¹⁶⁵ Там же. Л. 13 об.

человек, и к первоначальной смете добавились 35 тысяч рублей расходов, на что главное тюремное управление дало свое согласие¹⁶⁶.

20 октября 1918 года на базе реконструированной и к тому времени уже переименованной каторжной тюрьмы, «доставшейся» советской власти от царской эпохи, был образован Смоленский дом общественно-принудительных работ. Это было добротное капитальное строение. Для размещения заключенных были предназначены главный четырехэтажный корпус, двухэтажный малый корпус, двухэтажный староодиначный корпус и четырехэтажный новоодиначный корпус, так называемая американка. В отдельном здании располагалась тюремная больница. Помимо этого имелись мастерские, кузница, мельница, баня, прачечная, водокачка и хозяйственные склады. Вдоль Киевского большака (ныне это проспект Гагарина. – *П.Я.*) были размещены контора, административный корпус и караульные помещения¹⁶⁷. К 1920 году ДОПР имел 61 общую и 100 одиночных камер. В общих камерах на тот момент могло содержаться до 828 заключенных¹⁶⁸. Самым вместительным был главный корпус, там находились камеры, позволявшие содержать большие группы заключенных численностью до 100 человек. Малый и старый одиночный корпуса были обустроены несколько иначе, здесь имелось множество маленьких камер. Там содержались особенно опасные преступники в условиях одиночной изоляции. Данная цифра рассчитывалась по так называемому лимиту наполняемости, но в различные периоды количество заключенных сильно разнилось.

В таком статусе ДОПР просуществовал недолго, уже в апреле 1924-го исправительное учреждение было преобразовано в Смоленский изолятор специального назначения с исправительно-трудовым отделением¹⁶⁹. В связи с таким преобразованием обострился вопрос финансирования.

¹⁶⁶ ГАСО. Ф. 2. Оп. 88. Д. 650. Л. 131.

¹⁶⁷ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 21 (1925). Л. 266.

¹⁶⁸ Там же. Л. 57.

¹⁶⁹ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 5 (1923). Л. 223.

Смоленское руководство, предвидя проблемы, еще в мае 1923 года подало заявку в ГУМЗ, где были предусмотрены дополнительные средства на следующие нужды: наем 15 надзирателей с заработной платой в объеме 15 рублей 30 копеек в месяц, итого на год 2754 рубля; для них же социальное страхование и взносы в профсоюзную организацию, около 302 рублей; необходимо было 1,5 пуда бензина на сутки по 8 рублей за пуд для освещения помещений, что в год составляло бы 4344 рубля. На паровое отопление необходимо было 4320 рублей на год. Итого получалось дополнительных средств в размере 11 720 рублей 90 копеек¹⁷⁰. Центральное руководство пошло навстречу смоленским властям и предоставило необходимые средства.

Это помогло пережить резко обострившиеся трудности 1924 года, когда из строя сразу вышли два корпуса: в главном корпусе производился капитальный ремонт, а в «американке» пришла в негодность система отопления¹⁷¹. Во избежание подобных ситуаций в 1926 году была подготовлена смета на необходимые ремонтные работы. Старый одиночный корпус требовал капитального ремонта на сумму 23 986 рублей, новый одиночный корпус – на 8026 рублей, административный корпус – на 8065 рублей, контора – на 904 рубля, а ремонт бани, водокачки и склада-цейхауза предполагал расходы на сумму 8834 рубля. Однако подготовленная смета оставалась без движения. На протяжении нескольких лет так и не удавалось полностью отремонтировать паровое отопление в «американке». В 1927 году губернская инспекция предоставила в Москву соответствующую смету на ремонт парового отопления на сумму 2531 рубль. Но вопрос оставался нерешенным¹⁷².

Серьезной проблемой для руководства Смоленского изолятора была и электрификация исправительного учреждения. В письме в губернскую инспекцию от 2 ноября 1926 года администрация места заключения давала

¹⁷⁰ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 47 (1922). Л. 667 об.

¹⁷¹ Там же. Д. 18 (1924). Л. 25.

¹⁷² ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 78 (1927). Л. 227.

расчет потребности в электрическом обеспечении. Реальные потребности изолятора составляли порядка 29 000 киловатт- часов. Стоимость одного киловатта составляла 43 копейки, и общая сумма оплаты электроэнергии равнялась 12 470 рублям. К этим расходам добавлялась оплата электроэнергии, которая использовалась киноаппаратурой в клубе заключенных, в размере 600 рублей. Таким образом, Смоленскому изолятору требовалось 13 000 рублей только на оплату электроэнергии¹⁷³, помимо этого в 1927 году, согласно отчетам о расходах, на керосин ушло 234 рубля, на дрова 10 115 рублей, на каменный уголь 9196 рублей¹⁷⁴. Итого только на указанные нужды по одному Смоленскому изолятору требовалось 32 545 рублей в год. Оставляло желать лучшего и состояние кухни изолятора, находившейся в полуподвальном помещении, где было «сыро и грязно». Кроме побелки потолка и стен требовались и более существенные работы – ремонт очагов с котлами¹⁷⁵.

В отношении Смоленского губернского дома заключения ситуация мало чем отличалась от досоветского периода. Решение о постройке здания для губернской тюрьмы было принято еще в 1849 году, к реальным строительным работам приступили только в 1857 году. Итогово здание тюрьмы будет построено на перекрестке Витебского шоссе и современной улицы 12 лет Октября в ноябре 1859 года. После революции Смоленская губернская тюрьма сохранила свои функции. Большая часть персонала осталась на своих местах, весь комплекс тюремных зданий был сохранен, хотя и вынужден существовать, как и все другие исправительные учреждения губернии, в условиях плохого финансирования.

Многочисленные нарушения санитарных норм фиксировались и в Смоленском концентрационном лагере, который был образован 1 августа 1919 года и размещался в зданиях бывшего Авраамиевского мужского монастыря. К весне 1920 года Смоленский концлагерь занимал три

¹⁷³ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 18 (1924). Л. 25.

¹⁷⁴ Там же. Д. 12 (1927). Л. 157, 164–166.

¹⁷⁵ Там же. Д. 10 (1928). Л. 168–174.

двухэтажных корпуса. Здесь не хватало дезинфекционных камер и средств для стирки постельных принадлежностей заключенных, нерегулярно осуществлялись мероприятия по личной гигиене: не всегда имелась возможность посещения бань заключенными¹⁷⁶, двор и отхожие места находились в грязном состоянии¹⁷⁷.

В тяжелых материальных условиях находились и уездные учреждения исполнения наказаний. В 1923 году в докладе губернской инспекции мест заключения говорилось о плохом состоянии помещений Демидовского дома предварительного заключения. В десяти камерах заведения отсутствовали не только стекла в окнах, но и рамы. Штукатурка в некоторых камерах настолько обвалилась, что можно было не только видеть, что происходило в соседней камере, но и передавать крупные предметы. Все печи были без дверей и вьюшек, а некоторые и вовсе не пригодны для отопления помещений. Все стены были «исписаны настолько, что не было видно следов от побелки». Протекала крыша, полы прогнили. Требовался полный ремонт бани, включая перекладку печи. Согласно документации, ДПЗ был рассчитан на 50 человек, но на момент проверки в нем содержалось около 100 заключенных¹⁷⁸. В том же году по результатам доклада было принято решение о проведении в Демидовском ДПЗ капитального ремонта и составлена смета расходов на сумму 48 363 рубля. Строительные материалы были приобретены в кредит на 30 000 рублей. Последующая проверка констатировала, что за эти деньги были поставлены полностью окна, произведен ремонт бани и камер¹⁷⁹.

В январе 1925 года ревизия Дорогобужского ДПЗ выявила нарушения санитарных норм, касающихся содержания заключенных. Наряду с «мелкими» (отсутствовали тряпки для мытья стен и полов, имелось только одно ведро, которое использовалось одновременно для нужд «начиная от

¹⁷⁶ ГАСО. Ф. Р. – 42. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹⁷⁷ Там же. Л. 19.

¹⁷⁸ Там же. Ф. Р. – 437. Оп. 1. Д. 500. Л. 314.

¹⁷⁹ ГАСО. Ф. Р. – 437. Оп. 1. Д. 500. Л. 314

бани и кончая кухней», не было камер хранения для вещей арестантов, поэтому заключенные хранили все свои вещи в камерах, где находились сами, и их количество не ограничивалось¹⁸⁰), были и существенные замечания (двери и косяки камер находились в плохом состоянии, «достаточно небольшого напора и выход их камеры гарантирован»¹⁸¹, все здания, находящиеся на территории ДПЗ, требовали срочного ремонта¹⁸²).

Недофинансирование расходов мест заключения часто являлось причиной возникновения чрезвычайных ситуаций в тюрьмах и ДПЗ. Например, в виду долгого отсутствия капитального ремонта в Ярцевском ДПЗ 21 июля 1924 года был совершен побег заключенных. Начальник ДПЗ указывал в своих объяснениях на сгнившие потолки и подоконники, что и позволило бесшумно снять решетку камеры и совершить побег. Помимо этого упоминается недостаточное количество подчиненных в штате для обеспечения эффективного надзора¹⁸³ опять же из-за отсутствия должного финансирования. В совокупности вышеизложенных причин и появилась возможность осуществления побега.

В ходе проверки в сентябре 1924 года колонии «Курово» (ныне деревня в Гагаринском районе Смоленской области. – *П.Я.*) отмечались плохое состояние помещений, в которых содержались колонисты, необходимость срочного ремонта дверей, потолка и пола (заключенные вынуждены были «спать на улице и сеновале, лишь бы не в помещении» из-за клопов и вшей)¹⁸⁴.

В Орловской губернии в изучаемый период функционировали следующие исправительные учреждения: Орловский изолятор специального назначения, Елецкий исправдом, Ливенский, Болховский,

¹⁸⁰ ГАСО. Ф. Р. – 42. Оп. 1. Д. 4. Л. 83

¹⁸¹ Там же. Л. 81

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. Д. 2. Л. 142

¹⁸⁴ ГАСО. Ф. Р. – 42. Оп. 1. Д. 4. Л. 96.

Мценский, Кромский, Малоархангельский, Дмитровский исправительные дома.

Общее плохое состояние мест заключения Орловской губернии местные власти в первую очередь объясняли тем обстоятельством, что «большинство зданий на половину были разрушены» во время пребывания белой армии в период до октября 1919 года, а скудный местный бюджет губернии не позволял исправить ситуацию (отмечалось отсутствие постельных принадлежностей, обмундирования для заключенных, неудовлетворительное питание и др.). Даже в 1923–1924 бюджетном году выделенные средства (см. *Приложения, док. № 5*) не позволяли произвести капитальный ремонт зданий, был сделан только мелкий ремонт, такой как побелка стен.

Несколько лучше обстояли дела в Орловском изоляторе специального назначения, хотя его здания также требовали капитального ремонта. В 1925 году комиссия фиксировала следующее состояние изолятора: требовала перетирки и побелки внутренняя штукатурка стен, не менее половины деревянных полов необходимо было перестилать и красить, в большинстве окон отсутствовали зимние переплеты, требовалась перекладка большей части печей, почти не работали внутренний водопровод и канализация¹⁸⁵. Но, если по смете в 1923–1924 году на ремонт Орловского изолятора требовалось 174 000 рублей, выделено было лишь 14 700 рублей, а на 1925 год предполагалось отпустить еще 6900 рублей¹⁸⁶.

В уездных учреждениях Орловской губернии дела обстояли еще хуже. Здания Елецкого исправдома, например, требовали капитального ремонта. Однако в 1925 году на ремонтные работы было выделено всего 300 рублей. На эту сумму были лишь оштукатурены и побелены стены корпуса и ограда. Зданиям Малоархангельского исправдома также необходим был

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 14.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 10–11.

капитальный ремонт, но и на это денег не нашлось. Состояние Дмитровского дома заключения определялось как достаточно удовлетворительное: там требовались побелка наружных стен, перекрытие и покраска крыши, однако средств на данные виды работ не отпускалось¹⁸⁷.

В целом схожей была ситуация и в Брянской губернии. Основными исправительными учреждениями региона являлись Брянский исправительный дом на 475 мест, Карачевский на 158 мест, Севский и Трубчевский на 65 мест. Взамен ликвидированного Трубчевского исправдома в течение 1925 года был открыт в городе Почепе дом заключения со штатными местами для 75 заключенных. В соответствии с требованиями Исправительно-трудового кодекса все губернские места заключения были переименованы: в Брянске, Карачеве и Севске – в исправдома, в Почепе – в дом заключения. При исправдомах были организованы отделения для содержания следственных заключенных, а в Брянске еще и отдельный изолятор только для местных заключенных со строгой изоляцией до перевода их в изолятор специального назначения¹⁸⁸. В распоряжении Брянского исправительного дома находились три сельскохозяйственные фермы: Мякишево, Морачева и Горферма. Мякишево примерно в 35 верстах, Морачева в 55 верстах от Брянска, Горферма находилась вблизи Брянска¹⁸⁹.

В сравнении со Смоленщиной и Орловщиной в Брянском регионе положение уездных учреждений касательно мелкого ремонта было несколько лучше. Так, Севскому исправдому в 1924 году на ремонт выделили 800 рублей. В это же время был произведен мелкий ремонт в Карачевском исправдоме¹⁹⁰. Почепский дом заключения был полностью электрифицирован. В части же капитального ремонта – он требовался

¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 11.

¹⁸⁸ Там же. Д. 148. Л. 1.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 148. Л. 4.

¹⁹⁰ Там же.

почти везде: предполагаемая стоимость необходимых работ только для Брянского, Карачевского и Севского исправдомов и Почепского домзака составляла в середине 1920-х годов 105 251 рубль¹⁹¹. Местные власти такими средствами не располагали.

Схожая ситуация наблюдалась в других регионах страны. Так, А.В. Быков в своем исследовании указывает, что большинство зданий исправительных учреждений Западной Сибири в 1920-х годах находилось в аварийном состоянии и требовало ремонта¹⁹². По причине недостаточного финансирования, отмечает К.А. Пименов, тяжелая ситуация в вопросах материального состояния мест заключения складывалась в Екатеринбургской губернии и имела тенденцию к ухудшению¹⁹³, как, например, в Пермском исправдоме, где стены промерзали, штукатурка осыпалась¹⁹⁴.

К.А. Пименов в своем исследовании Воронежской тюрьме в 1917 году отмечает, что условия содержания заключенных были не благоприятные. По заявлению тюремного инспектора исправительному учреждению необходим был капитальный ремонт, но он не производился из-за недостатка денежных средств. Сырость в камерах объяснялась отсутствием должной вентиляции. Асфальтные полы были установлены еще в 1907 году, по разрешению ГТУ¹⁹⁵.

В целом же по стране, согласно отчету ГУМЗ за 1923 год, в подавляющем большинстве зданий исправительных учреждений

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 265. Л. 13.

¹⁹² Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 169.

¹⁹³ Пименов К.А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1917–1930-е гг.: историко-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2010. С. 86.

¹⁹⁴ Там же. С.139.

¹⁹⁵ Комолова Э.В. Воронежская тюрьма в 1917 г // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч., Воронеж, 2019. С. 185.

отсутствовали отопление, канализация, водопровод, электрическое освещение¹⁹⁶.

Ситуация с ненадлежащими материально-бытовыми условиями в учреждениях исполнения наказания обострялась и постоянной перегруженностью их контингентом заключенных. Причем картина практически не менялась на протяжении всего первого десятилетия существования советской пенитенциарной системы. Так, например, если в Смоленском доме заключения на 1 июля 1921 года было 487 человек, то в начале 1923 года их насчитывалось уже от 600 до 730 человек. В период с 1923 по 1927 год только дважды зафиксированы периоды, когда данное исправительное учреждение не было переполнено. Максимальное количество заключенных в указанных рамках отмечено в ноябре 1926 года – 1129 человек: 160 следственных, 728 срочных, 156 пересыльных, 74 кассационных, 11 детей при матерях. Примерно с начала 1926 года срочных заключенных становится больше, чем следственных¹⁹⁷.

В Смоленском доме общественно-принудительных работ на 1 января 1921 года содержалось 644 заключенных, 1 июня уже 1002 человека, а 1 февраля 1923 только 541 человек¹⁹⁸.

Весной 1924 года количество исправительных учреждений в Смоленской губернии увеличилось до двадцати, с общим числом заключенных на 1 марта 1924 года 3036 человек, из них 1773 срочных, 1157 следственных и 106 пересыльных¹⁹⁹. На 1 декабря 1927 года всего на Смоленщине было «оборудовано» 2366 штатных мест для лиц, лишенных свободы, при этом реальная численность арестантов составляла 3873 человека, что свидетельствует о переполненности исправительных учреждений губернии примерно на 64%. 57% всех заключенных были

¹⁹⁶ Пенитенциарное дело в 1923 году. М., 1924. С. 56.

¹⁹⁷ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 10 (1928). Л. 8.; Там же Д. 14. Л. 2.; Там же. Д. 18 (1924). Л. 6, 255, 297; Там же. Д. 18 (1925). Л. 42.; Там же. Д. 22. Л. 2.; ГАСО. Ф. 2360. Оп. 3. Д. 2. Л. 120–124.

¹⁹⁸ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 5 (1923). Л. 147.

¹⁹⁹ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 5 (1923). Л. 60. Об.

сосредоточены в Смоленском изоляторе специального назначения и Смоленском губернском доме заключения. Их переполненность составляла 39 и 33% соответственно. Однако, несмотря на это, данные учреждения не являлись самыми «густонаселенными»: переполненность варьировалась по губернии от 120% в Сычевском исправительном доме до 292% в Ярцевском доме заключения²⁰⁰.

Временами наполняемость учреждений исполнения наказаний увеличивалась из-за возрастающей преступности, что неизбежно вело к численному росту контингента в исправительных учреждениях. Так, например, в 1924 году среди всех граждан РСФСР, осужденных по уголовным правонарушениям, к лишению свободы были приговорены 49%, в то время как в предыдущем году таковых было 40%²⁰¹.

В Орловском изоляторе специального назначения, где был сконцентрирован наиболее опасный преступный элемент, за 1923 год штатное количество мест изменилось с 1808 в январе до 1598 в ноябре месяце, и за указанный период переполненность изолятора была зафиксирована только в апреле месяце (см. *Приложения, док. № 4*). При этом традиционно число следственных заключенных больше, чем срочных. На 1 января 1924 года в изоляторе находилось 1058 заключенных, из них: 214 срочных, 123 следственных, 21 пересыльных (так в документе – П.Я.). Прибыло заключенных с 1 января по ноябрь 1924 года: срочных–1304, следственных–1480, пересыльных–1083. Убыло в тот же период: срочных–1366, следственных–1382, пересыльных–1082. Состояние на 1 ноября 1924 года: срочных–873, следственных–221, пересыльных–222²⁰².

В исправительных учреждениях Орловской губернии ситуация с контингентом была следующая (по данным 1925 года): Елецкий исправдом

²⁰⁰ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 14. Л. 12.

²⁰¹ К вопросу о нашей карательной политике // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 51. С. 1229.

²⁰² ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 43.

– 202, Ливенский исправдом – 86, Малоархангельский – 66, Дмитровский – 30, Болховский – 57, Новосильское – 53 заключенных. Большинство из них были следственные²⁰³.

В 1925 году исправительные учреждения Брянской губернии были перегружены в среднем на 57%, что не позволяло реализовывать исполнение предписанного ИТК режима. В частности, не представлялось возможным распределить заключенных по характеру и роду совершенных ими преступлений, разделить их по категориям и разрядам. На этом фоне очень сильно выделялся Брянский губернский исправдом, перегруженность которого составляла 100%. Как следствие, ощущалась острая нехватка вещевого довольствия заключенных, становилось невозможным проведение должной санобработки, в результате чего возрастал риск вспышки эпидемиологических заболеваний.

Не менее острой ситуация была в Уральском регионе, так как большинство мест заключения использовалось для этапирования заключенных из центральных регионов страны в Сибирь. В Екатеринбургской губернии переполненность мест лишения свободы была, как отмечает К.А. Пименов, обычным явлением. Так, например, Екатеринбургский исправдом № 1, рассчитанный на 500 человек, постоянно вмещал 800–900 человек, а в некоторые периоды эта цифра доходила до 1500 заключенных. А поскольку перемещение осужденных из центральных регионов в Сибирь и наоборот происходило крайне неорганизованно, пересыльные заключенные могли находиться в исправительных учреждениях Екатеринбурга по несколько месяцев²⁰⁴. В Барнаульском исправительном доме в декабре 1926 и в январе 1927 года числилось около 1500 заключенных, при штатной норме в 350 мест²⁰⁵.

²⁰³ ГАРФ. Ф. Р – 4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 21

²⁰⁴ Пименов К.А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1917-1930-е гг.: историко-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2010. С. 86.

²⁰⁵ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 170.

В целом по стране, согласно отчету ГУМЗ на XI съезде Советов, в 1923 году перенаселенность исправительных учреждений в среднем доходила до 30%²⁰⁶. Ситуация не менялась в лучшую сторону и в последующие годы, в том числе и в исследуемых Смоленской, Брянской и Орловской губерниях. Это не позволяло в полной мере реализовывать новую пенитенциарную политику советской власти.

Важным элементом повседневной жизни заключенных являлась одежда. Вопросы вещевого довольствия оставались сложной проблемой быта отбывающих наказание²⁰⁷.

На протяжении всего десятилетия эти сложности наблюдались в Смоленском доме заключения. Согласно ведомости (см. *Приложения, док. № 3*) вещевого довольствия, для заключенных мужского пола в Смоленском доме заключения в 1923 году предписывалось следующее вещевое довольствие: рубаха из бельевой ткани, кальсоны из бельевой ткани, блузы зимние, блузы летние, брюки зимние, брюки летние, шапка, полупальто на вате, телогрейка на вате, полушубок, передник, коты, полусапоги или поршни. Однако качество одежды было низкое, а предъявляемые сроки носки не выдерживались: вещи приходили в полную негодность гораздо раньше положенного по нормативам. В соответствии с циркуляром ГУМЗ от 8 октября 1926 года, на одного заключенного выделялось 8 рублей в год на вещевое довольствие²⁰⁸, обмундирование же одного строевого сотрудника обходилось в 36 рублей в год²⁰⁹. Согласно смете (см. *Приложения, док. № 6*) вещевого довольствия Смоленского губернского дома заключения, в 1926–1927 годах существенно уменьшился и ассортимент вещественного довольствия в сравнении с 1923 годом.

²⁰⁶ Советское право. 1924. № 3 (9). // Пенитенциарное дело в РСФСР за 1923 год. С. 119.

²⁰⁷ Культура повседневности: [учеб. пособие] / М.В. Капкан. Екатеринбург, 2016. С. 67–68.

²⁰⁸ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 122 (1926). Л. 264.

²⁰⁹ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 123. Л. 140.

В 1925 году прокурор Калининко в акте по итогам посещения Смоленской «американки» писал: «Условия для содержания не соответствуют требованиям исправительно-трудового кодекса: отсутствовали тюфяки, не хватало нар, холодно, отсутствовало белье»²¹⁰. Согласно отчету губернского тюремного инспектора Марочкина, в Смоленском изоляторе в феврале 1926 года на 1250 заключенных имелось только 512 тюфяков, 86 одеял, 235 телогреек, 101 полупальто. Оборудовано было лишь 887 подъемных коек и 100 щитов с козелками, и потому около 300 арестантов спали на полу или на голых топчанах²¹¹. Главной причиной такого положения, конечно, являлось элементарное перенаселение исправительного учреждения, рассчитанного только 960 штатных мест. С октября 1926 года, согласно циркуляру ГУМЗ, по норме на одного заключенного выделялось 8 рублей год, следовательно, при штатной численности в 960 человек изолятор получал на вещевое довольствие 7680 рублей²¹². Согласно же ведомости вещевого довольствия заключенных Смоленского изолятора за 1927–1928 финансовый год, необходимая сумма для обеспечения одеждой и постельными принадлежностями всех заключенных должна была составлять 70 140 рублей²¹³.

В 1927 году осмотр этого же исправительного учреждения показал, что в малом корпусе не производилась стирка белья, посещение бани происходило один раз в 2,5 месяца, а нательное белье выдавалось далеко не всем по причине его нехватки. Постельных принадлежностей хватало только на половину заключенных, а наличие вшей в камерах было распространенным явлением. В староодиночном корпусе общие камеры были переполнены, матрацы не набивались соломой более года. Не все заключенные получали нательное белье, стиралось оно самими

²¹⁰ ГАСО. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 27 (1925). Л. 53.

²¹¹ Там же. Ф. 2360. Оп. 3. Д. 2. Л. 125–128.

²¹² Там же. Ф. Р – 161. Оп. 2. Д. 123 (1926). Л. 53.

²¹³ Там же. Д. 12 (1927). Л. 262.

заклученными и сушилось в камерах. В одиночных камерах отмечалось удовлетворительное санитарное состояние. Хуже дела обстояли с карцерами: они находились в подвальном помещении главного корпуса, там было сыро и грязно, в окнах разбиты стекла, а заключенные лежали на цементном полу²¹⁴.

В 1927 году в Велижском исправдоме общая картина была не такой удручающей. Стирка белья здесь осуществлялась самими заключенными в бане, во внебанные дни, и для этой цели выделялось по 1 фунту мыла. В целях экономии топлива и в условиях отсутствия котла кипячение белья не производилось, вследствие чего полная дезинфекция отсутствовала, и на одежде могли оставаться паразиты. Под сушку белья было отведено место на бывшем женском дворе. Во время утренней прогулки заключенные выносили свои постельные принадлежности на проветривание, а, уходя с вечерней прогулки, уносили его обратно. Уборка камер производилась ежедневно, и дважды в неделю мылся пол. Одежда и обувь была своя, неоднотипная²¹⁵.

В Брянских исправительных учреждениях проблемы с вещевым довольствием были аналогичные. Существовал недостаток в белье, постельных принадлежностях, верхней одежде и обуви, вследствие чего места лишения свободы были не способны проводить санитарную обработку в соответствии с правилами, что, в свою очередь, в условиях перегруженности мест заключений, главным образом Брянского исправительного дома, создавало условия для возникновения инфекционных заболеваний. Как свидетельствуют документы, в течение первого квартала 1924 года для заключенных было изготовлено 362 рубахи, 362 кальсон, 20 простыней, 30 передников, 15 пар портянок и 40 наволочек. Все эти вещи были произведены преимущественно в Брянском исправительном доме, за исключением 10 штук белья, которые были

²¹⁴ ГАСО. Ф. Р.-161. Оп. 2. Д. 10 (1928). Л. 168–174.

²¹⁵ Там же. Ф. Р.-1465. Оп 1. Д. 136. Л. 41 об.

сделаны в Карачевском исправдоме. Кроме этого в Карачеве было приобретено 300 метров полотна для изготовления белья и 75 метров мешков для матрасов²¹⁶.

На протяжении следующих лет ситуация радикально не улучшалась. Во втором квартале 1924 года для заключенных изготовлено: рубаш – 156 шт., кальсон – 129 шт., матрацев – 129 шт., полотенец – 24 шт., наволочек – 25 шт., фартуков – 12 шт., армяков – 13 шт. Кроме того, для Брянского исправдома было приобретено 1027 метров ревентука, толстое полотно и 508 метров грубого полотна, из которого предполагалось изготовить нательное белье²¹⁷. Такие объемы, конечно, никак не снижали остроту вещевого довольствия заключенных.

В Орловской губернии в вопросе вещевого довольствия в худшем положении оказались уездные места заключения, поскольку местные исполнительные комитеты не выделяли нужного количества средств. В 1923–1924 отчетном году в сравнительно лучших условиях находились состоявшие на госбюджете исправительные учреждения города Орла, но, поскольку последнее обстоятельство не относилось к обмундированию заключенных, здесь также совершенно отсутствовала теплая одежда, имела место нехватка белья, постельных принадлежностей. Благодаря отпущенным ГУМЗ 100 брезентовым чехлам изолятор получил возможность оборудовать койки лишь для части заключенных²¹⁸.

В 1925 году вещевое довольствие заключенных в губернии находилось в прежнем неудовлетворительном состоянии, в том числе и по причине быстро приходившей в негодное состояние одежды, а выделяемых средств не хватало для удовлетворения всех нужд. Большая часть заключенных не имела теплой одежды и белья, в силу чего вынуждена была находиться в камерах. Отсутствие материалов и средств не позволяло месту заключения

²¹⁶ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 2. Д. 148. Л. 3.

²¹⁷ Там же. Л. 8.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 35

самому изготовить нужные вещи, чтобы хотя бы как-то удовлетворить потребности отбывающих наказание²¹⁹.

Не лучше обстояли дела и в других регионах. На территории Западной Сибири заключенные также испытывали трудности с вещевым довольствием. Как отмечает А.В. Быков, согласно архивным материалам, большинство заключенных региона отбывали наказание в ветхой одежде и практически не меняли белье. Ситуация была настолько плачевной, что заключенные были вынуждены красть вещи друг у друга, либо насильственным путем раздевать сокамерников²²⁰. В Пермском исправдоме так же были зафиксированы проблемы с вещевым довольствием заключенных. Одежды и обуви не хватало, поэтому арестанты были вынуждены носить их рваными. Из-за неисправности водопровода были сильные затруднения со стиркой белья и одежды²²¹.

Трудными в деятельности учреждений исполнения наказаний были и вопросы организации питания заключенных. Особенно на начальном этапе становления советской пенитенциарной системы.

Возьмем, к примеру, Смоленский дом заключения. На 1 января 1918 года на складе учреждения были следующие продукты: рыба – 156 пудов (1 пуд = 16 кг); сало свиное – 36 пудов; гречка – 34 пуда; рис – 18 пудов; лук – 20 пудов; масло – 8 фунтов (1 фунт = 409,5 грамма); соль – 23 пуда; перец – 25 фунтов; солонина – 86 пудов; чай – 1 пуд; сахар – 3 пуда; овощи сушеные – 18 пудов; чечевица – 16 пудов; мука пшеничная – 59 пудов; мука ржаная – 283 пуда; табак – 9 пудов; мыло – 12 пудов²²². Свинына на

²¹⁹ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 7.

²²⁰ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 182.

²²¹ Пименов К.А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1917–1930-е гг.: историко-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2010. С. 140.

²²² ГАСО. Ф. Р.–1591. Оп. 1. Д. 28. Л. 16.

тот момент стоила по 5 рублей за фунт, 5 рублей 50 копеек стоило масло²²³.

Закупка продуктов для заключенных производилась преимущественно хозяйственным способом по установленным твердым ценам. Суточная норма на содержание одного заключенного составляла около 8 рублей 85 копеек, в то время как реально на питание выделялось только 2 рубля 97 копеек, а на больного заключенного – 3 рубля 38 копеек²²⁴. Сложности с продовольствием отмечались на протяжении нескольких лет. В отчете за 1920 год администрация домзака утверждала, что производила закупку продуктов питания только в местных продовольственных органах, потому что рыночная цена превышала твердые цены в 100 раз²²⁵.

Из сведений о выдаче продуктов заключенным в Смоленском домзаке в 1921 году (см. *Приложения, док. № 2*) виден примерный рацион заключенного. Выданный утром кусок хлеба уже к полудню был съеден большой порцией, особенно остро это ощущалось в условиях тотального голода и тяжелого труда на внутреннем производстве (кузни, столярные и другие мастерские), а также на внешних работах (уборка снега и т.д.). Порция в 67 граммов сырого мяса на одного здорового человека казалась «незамеченной». В большинстве случаев мясо использовалось не как отдельная вырезка, а могло быть употреблено при закладке в котел. Овощи совместно с хлебом являлись основой рациона питания заключенных. В документах не уточняется, какие именно использовались овощи. Запивалось все это, как правило, простой кипяченой водой. Больным арестантам редко выдавали кофе с сахаром.

Со временем рацион практически не изменился. В ходе проверки Смоленского губернского дома заключения помощником губпрокурора летом 1926 года была посещена кухня во время выдачи обеда. Была дана следующая оценка питанию заключенных: «...суп с фасолью при пробе

²²³ ГАСО. Ф. Р.–1591. Оп. 1. Д. 28. Л. 47.

²²⁴ Там же. Д. 18. Л. 3.

²²⁵ Там же. Ф. Р.–161. Оп. 2. Д. 11(1920). Л. 41–43.

оказался вполне удовлетворительным; черный и белый хлеб хорошего качества»²²⁶.

В Смоленском изоляторе в 1924 году, по словам тюремного инспектора К.К. Линтина, для переводимых ежемесячно на продовольствие и фураж заключенным 3000 рублей не хватало, если исходить из нормы в 3 рубля на человека. Только на питание 1187 человек необходим был 3361 рубль, не считая фуража²²⁷.

По раскладкам ГУМЗ, примерная калорийность питания во второй половине 1920-х годов должна была составлять 2288 калорий в день. На октябрь 1926 года питание заключенных Смоленского изолятора составляло 2273 калорий²²⁸, в 1927 году - 2290 калорий²²⁹. Рацион арестанта состоял из хлеба, соли, мяса, рыбы, картофеля, овощей, пшена и гречки. В целом нормы питания в изоляторе выполнялись, однако иногда ситуация осложнялась большим перенаселением исправительного учреждения. Так, в феврале 1926 года начальник места заключения Гемпфлер обращался в Москву с просьбой выделить дополнительные средства. Он писал: «число довольствующихся заключенных в настоящий момент увеличилось до 1500 человек, что было на 100% больше отпущенных кредитов. Задолженность изолятора различным учреждением по продовольствию и содержанию на 1 октября составляла 9000 рублей...»²³⁰.

В Брянской губернии ситуация с питанием отбывающих наказание в исправительных учреждениях в целом считалась удовлетворительной. Брянская губернская инспекция мест заключения подводила такой итог за 1923 год: на все места лишения свободы в губернии выделено 4 494 176 рублей, фактически получено 3 720 647 рублей. Кроме того, было

²²⁶ ГАСО. Ф. Р.-161. Оп. 2. Д. 20. Л. 261.

²²⁷ Там же. Д. 122 (1926). Л. 153.

²²⁸ Там же. Д. 12 (1926). Л. 32.

²²⁹ Там же. Д. 13 (1927). Л. 64.

²³⁰ ГАСО. Ф. Р.-161. Оп. 2. Д. 122 (1926). Л. 32–32 об.

отпущено 13 000 пудов хлеба. Руководство инспекции делало заключение, что исходя из недофинансирования во многих исправительных учреждениях не удавалось достичь установленных норм питания. Такая ситуация сохранялась до ноября месяца, после чего произошли некоторые изменения в лучшую сторону. Суточная стоимость питания на одного заключенного в Брянске составляла 6,4 коп., по г. Карачеву – 5,5 коп., в Севске – 4,75 коп., по Трубчевску – 6,75 коп.²³¹.

Исключение составляли некоторые исправительные учреждения, например Жиздринский исправительный дом. Здесь в 1923 году на питание заключенных было отпущено 15 000 рублей. Продукты закупались у единого потребительского общества. На момент проведения ревизии 15 августа 1923 года в исправдоме имелось: 17 пудов муки, 16 пудов пшена, 2,5 пуда рыбы, 5 пудов мяса, 10 пудов соли, 37 пудов ржи, 52 пуда капусты, 20 фунтов приправочной муки, 1 пуд 13 фунтов растительного масла. Названных продуктов, по заверениям руководства исправительного учреждения, хватало на месяц. По раскладке продуктов на одного человека в сутки отпускалось: 1 фунт хлеба, 3 золотника (1 золотник = 4,266 грамма) крупы, 1,6 золотника приправочной крупы, 32 золотника мяса или рыбы, 48 золотников квашеной капусты, 3,2 золотника соли. Примерный рацион выглядел так: на обед выдавались мясные или рыбные щи, на ужин приготавливалась каша. Таким образом, почти достигалась норма питания, установленная ГУМЗ, за исключением табака, сахара и чая²³².

В иной ситуации находились заключенные Почепского исправительного дома. Он начал свою деятельность в октябре 1924 года. Административный отдел УИКа в первый месяц выделил только 20 рублей на все нужды исправительного учреждения. Данная сумма покрывала лишь канцелярские и почтовые расходы, продукты питания для

²³¹ ГАБО. Ф. Р.–2374. Оп. 1. Д. 116. Л. 79.

²³² ГАБО. Ф. Р.–2374. Оп. 1. Д. 94. Л. 129.

заклученных закупались у потребительского общества в кредит. Пища состояла из одного блюда – суп из крупы с мясом. Овощей никаких не было, хлеб выдавался в количестве 1 фунта. В ходе проверки помощник прокурора признавал, что питание заключенных не выдерживало никакой критики и было очень далеко от установленных норм. Ни о каком продуктовом запасе речи не могло идти вообще. Почепский исправительный дом жил как бы одним днем²³³.

Трудной в части питания заключенных оставалась и ситуация в Брянском губернском исправительном доме. Здесь проблемы были связаны в основном с переполненностью учреждения. В 1922 году заключенным не добавляли продуктов до 30% от нормы по калориям из-за полного отсутствия корнеплодов²³⁴. Каждый год росла задолженность учреждения по продуктам. В 1925 году она уже составляла 6000 рублей. После пересмотра губернской комиссией смета для питания сверхштатных заключенных составила 3934 рублей, но и это являлось недостаточной суммой, поскольку фактические расходы были почти в два раза выше²³⁵. В 1925–1926 году на одного заключенного исправдома выделялось уже 10,75 рублей. Закупки производились у «Хлебопродукта» и у других государственных учреждений за наличный расчет и в кредит. В тех случаях, когда у последних необходимых продуктов не было, закупки производились у частных лиц, преимущественно это касалось мяса, рыбы и обрезков. Овощи поступали с городской фермы, их количество удовлетворяло нужды заключенных почти все время, за исключением середины лета, когда опять приходилось обращаться к закупкам у частных лиц. В такой ситуации не всегда удавалось выдерживать норму по калорийности питания²³⁶.

²³³ ГАБО. Ф. Р.–2374. Оп. 1. Д. 199. Л. 13.

²³⁴ Там же. Д. 84. Л. 39.

²³⁵ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 2. Д. 265. Л. 12.

²³⁶ ГАБО. Ф. Р.–2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 9.

Иногда заключенные получали некачественную или просроченную пищу. Это видно из объяснительной записки начальника Брянского губернского исправдома, в которой он давал ответ на поступившие в инспекцию мест заключений жалобы. По его словам, каждый раз продукты до передачи их на кухню освидетельствовались комиссией в составе представителя от заключенных, помощника лекаря и ответственного дежурного по исправительному учреждению. Только после успешного прохождения комиссии продукты попадали на кухни для дальнейшей переработки. Отвергая саму возможность поступления испорченного мяса, администрация признает тот факт, что его выдавалось мало. Главная причина - его дороговизна, и потому оно заменялось обрезками и костями, что позволяло сохранять калорийность пищи. Качество хлеба тоже было низкое по причине отсутствия нормальной муки и квалифицированных пекарей²³⁷.

В вопросе качества питания показателем будет акт обследования фермы Брянского губернского исправдома в 1925 году. Во время осмотра были зафиксированы следующие нарушения. В одном из сараев на бревне были подвешены три туши рогатого скота. С них стекала кровь, вокруг валялись отбросы, земля повсюду была покрыта кровью с навозом. Из-за этого в сарае стояла «постоянная жутка вонь», было множество мух. В таких антисанитарных условиях и при отсутствии ветеринара производился убой скота²³⁸. Если учесть, что в данный период деятельность ферм и различных производств была направлена, в первую очередь, на удовлетворение собственных нужд исправительного учреждения, то ситуация поступления испорченного мяса на кухни становится вполне реальной.

По полученным архивным данным, в исправительных учреждениях Орловской губернии, за исключением Болховского места заключения,

²³⁷ ГАБО. Ф. Р.-2374. Оп. 1. Д. 166. Л. 297.

²³⁸ ГАБО. Ф. Р.-2374. Оп. 1. Д. 166. Л. 334.

питание не достигало нормы в 2056 калорий. Здесь на 1925 год оно составляло 2148,5 калорий, в то время как в Ливенском составляла 2024 калорий, в Елецком – 1829 калорий, Дмитровском – 1686 калорий, Малоархангельском – 1495 калорий²³⁹.

В 1928 году в Дмитровском доме заключения суточная норма питания арестанта выглядела примерно так: 3 фунта хлеба, 2 фунта крупы, 48 золотников мяса, 13 золотников растительного масла, 6 золотников лука, 1 золотник соли, 1 золотник чая, 4,5 золотника сахара. Такое меню примерно стоило 38 копеек.

В целом же проблема питания заключенных была наиболее актуальной для крупных исправительных учреждений в регионах. В первую очередь нехватка продуктов объяснялась переполненностью мест лишения свободы, таких, например, как Смоленский дом заключения, Брянский губернский исправительный дом, когда финансирование выделялось по штатному, а не по фактическому количеству заключенных, что и приводило к подобной ситуации. Только в 1927 году ГУМЗ озаботилось данной проблемой, и ситуация стала улучшаться.

Такая же сложная ситуация в вопросах питания складывалась и в местах заключения Западной Сибири. В 1923 году в Омской губернии установленная норма питания в 2200 калорий никогда не выполнялась, в августе того же года средняя калорийность пайка по региону равнялась 990 калориям. По мнению А.В. Быкова, такое положение дел объясняется несколькими причинами. Некоторые исправительные учреждения были переведены на местное финансирование, а выделяемых средств хватало лишь на покрытие коммунальных расходов. К тому же указанные средства долгое время отчислялись из штатной разрешенной численности исправительных учреждений, что, как указывалось ранее, не соответствовало реальному

²³⁹ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 8.

положению дел²⁴⁰. Кроме того, были изменения и в рационе питания. Лучшее положение имели исправительные учреждения, имевшие в своем подчинении подсобные хозяйства, что позволяло разнообразить рацион заключенных. В своих выводах А.В. Быков утверждает, что в 20-годы XX века питание заключенных в Западной Сибири было неудовлетворительным, а в некоторых местах даже катастрофическим²⁴¹. Об этом в январе 1928 года говорилось и на заседании бюро фракции ВКП(б) Уральского облисполкома, когда руководство региона признавало, что питание заключенных было в массе своей неудовлетворительное²⁴².

Не менее важным аспектом условий пребывания заключенных в учреждениях исполнения наказаний являлась и работа медико-санитарных служб.

В первые годы советской власти в стране свирепствовали эпидемии сыпного тифа, холеры, брюшного тифа и других инфекционных заболеваний. Их распространению не в последнюю очередь способствовала Первая мировая война. Через территории западных губерний на фронт следовали сотни воинских подразделений. С западных районов эвакуировали население и скот.

Сложным было положение и с медицинским обслуживанием населения. Так, например, в Смоленской губернии в 1917 году насчитывалось 66 врачебных участков, имелось 46 больниц на 843 койки, 29 фельдшерских пункта, всего в губернии работало 79 врачей и 187 фельдшеров. На одну койку в медицинском учреждении приходилось 2280 душ, а один врачебный

²⁴⁰ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 175–176.

²⁴¹ Там же. С. 180.

²⁴² Филатов В.В. Труд заключенных в Уральском регионе во второй половине 1920-х–1930-е годы // Манускрипт. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-zaklyuchennyh-v-uralskom-regione-vo-vtoroy-polovine-1920-h-1930-e-gody> (дата обращения: 27.01.2022).

участок обслуживал население на территории в 746 квадратных верст²⁴³. В Орловской губернии с населением немногим более 2,5 миллионов человек приходилось 202 врача и 280 фельдшеров²⁴⁴.

Острота вопроса профессиональных кадров будет отчасти снята после открытия в 1920 году при Смоленском государственном университете самостоятельного медицинского факультета, который в 1924 году отделился от университета и стал Смоленским государственным медицинским институтом. Первый выпуск новых специалистов состоялся летом 1925 года. Университет выпустил 63 молодых врача. Еще 20 человек должны были пройти итоговую аттестацию осенью. В период с 1925 по 1930 год было выпущено в общей сложности около 400 врачей, которые стали работать по специальности на территории Смоленской, Брянской, Орловской и других губерний Центральной и Западной России²⁴⁵. Хотя и этого было крайне недостаточно.

В рамках формирования новой системы здравоохранения и борьбы с эпидемиями на первое место выдвигалась задача проведения профилактических мероприятий, что позволило бы остановить распространение болезней с наименьшими затратами и в кратчайшие временные рамки. Последовали соответствующие декреты: в январе 1919 года – по борьбе с сыпным тифом, в апреле 1919 года – по борьбе с эпидемиями, в июне 1919 года – о санитарном охране жилища и другие. Лозунг «Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!» очень четко отражал настроение власти в вопросе борьбы с эпидемиями²⁴⁶. Весь комплекс принимаемых мер позволил к середине 1920-х годов значительно улучшить санитарное состояние в стране: снизилась заболеваемость тифом,

²⁴³ Рябков Г.Т. Развитие народного образования, культуры и здравоохранения в Смоленской губернии в первые годы Советской власти // Ученые записки Смол. пед. ин-та. Выпуск 7. Смоленск, 1958. С. 355.

²⁴⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 43 об.

²⁴⁵ Михаловский И.О. Из истории медицинского факультета // Рабочий путь. 1935. № 148 (935). С. 3.

²⁴⁶ Сорокина Т.С. История медицины. М., 2008. С. 505.

холерой, малярией, успешно велась борьба с туберкулезом и венерическими заболеваниями.

Постоянная борьба с распространением эпидемий велась и в исправительных учреждениях.

Первым в пенитенциарную систему «проник» сыпной тиф. В целом в стране за период с 1 ноября 1918 по 1 октября 1919 года среди заключенных было зарегистрировано 2434 больных сыпным тифом, пик заболеваемости пришелся на январь 1919 года – 772 заболевших. На 1 октября 1919 года в 148 тюрьмах РСФСР содержалось в заключении 25 947 человек²⁴⁷. Следовательно, практически 10 процентов тюремного населения болели тифом.

За этот период через больницу при Смоленском губернском доме заключения с диагнозом тифа прошло 508 человек. В то же время необходимо отметить отсутствие больных оспой и другими опасными инфекционными заболеваниями, тогда как среди гражданского населения они были значительно распространены. За год в Смоленском губернском доме заключения по разным причинам скончалось 38 заключенных, что составляет 7,5% от количества заболевших.

Из ведомости (см. *Приложения, док. № 1*) о числе больных заключенных, находившихся в тюремной больнице Смоленского губернского дома заключения в 1918 году, видно, что большинство из них болело инфекционными заболеваниями. Самыми распространенными были грипп и сифилис. Немалое количество заключенных страдали от дизентерии.

В январе 1919 года в Смоленском губернском доме заключения трудились 2 врача, 1 стоматолог, 2 фармацевта, 5 фельдшеров и 8 медсестер²⁴⁸. В экстренном порядке в феврале были дополнительно прикомандированы 3 фельдшера и 1 медсестра, в конце апреля к ним

²⁴⁷ ГАСО. Ф. Р.–161. Оп. 2. Д. 20. Л. 66.

²⁴⁸ ГАСО. Ф. Р.–161. Оп. 2. Д. 10 (1921). Л. 52.

присоединился специальный эпидемиологический отряд, который состоял из 1 врача, 5 фельдшеров и 9 медсестер²⁴⁹.

Помещения больницы требовали капитального ремонта. Об этом в категоричной форме говорилось в решении специальной комиссии, обследовавшей больницу для заключенных, на заседании 1 февраля 1921 года²⁵⁰.

В 1921 году вновь участились случаи возникновения в местах лишения свободы эпидемий сыпного и возвратного тифа. Для борьбы с болезнью Смоленское губернское отделение народного здравоохранения приняло определенные меры. По прибытии заключенных в любое исправительное учреждение проводились санитарно-гигиенические мероприятия. Вновь прибывших мыли, стригли, а их личные вещи отдавали на дезинфекцию. Были организованы карантинные камеры, где в течение двух недель находились в изоляции все поступавшие заключенные. По истечении этого срока проводился вторичный осмотр. После чего они направлялись в камеры общего назначения, если не были выявлены симптомы заболевания²⁵¹. Таким образом, региональное руководство стремилось прекратить распространение болезней и предотвратить их перенос заключенными из одного исправительного учреждения в другое.

Для борьбы с эпидемиями, например, в 1921 году при Смоленском губернском доме заключения была создана эпидемиологическая больница. В ней предусматривались следующие штатные единицы: пять врачей, зубной врач, фармацевт, 12 фельдшеров, 15 медицинских сестер и 65 санитаров. Кроме зарплаты для каждого была обязательна 200-процентная премия в связи с риском для здоровья. Только на оплату труда штатного персонала выделялось 9 892 692 рубля на один финансовый год, для

²⁴⁹ ГАСО. Ф. Р.–161. Оп. 2. Д. 10 (1921). Л. 52.

²⁵⁰ Там же. Л. 17.

²⁵¹ Там же. Ф. Р.–1465. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

приглашения узких специалистов была предусмотрена сумма в размере 50 000 рублей²⁵².

С целью медицинского осмотра заключенного и вынесения заключения о его здоровье в учреждениях исполнения наказаний создавались медицинские комиссии из нескольких врачей. Как правило, это было в первую очередь связано с необходимостью подтвердить степень трудоспособности человека²⁵³.

В гораздо более сложном положении находились уездные исправительные учреждения. Наглядно ситуацию демонстрирует результат обследования Велижского исправительного дома от 25 октября 1926 года. При исправительном доме постоянно работал лекарственный помощник, который входил в штат уездного здравотдела и получал там зарплату. На территории работал судебный врач, он посещал больных исправдома два раза в неделю. Сами же условия работы медицинского персонала и постановка лечебного дела в исправдоме оставляли желать лучшего²⁵⁴.

На лечебные цели этого исправительного учреждения в 1926 году было выделено 200 рублей, при этом ежемесячно расходовалось не более 15–16 рублей. Выделенных средств хватало лишь на приобретение самых необходимых медицинских препаратов. Указанная сумма не позволяла производить покупку инструментов, дезинфицирующих средств, перевязочного материала, больничного белья и инвентаря²⁵⁵. Отсутствовала карантинная камера, что не позволяло вновь прибывшим заключенным отбывать двухнедельный срок в изоляции для профилактики различных заболеваний, хотя сам медицинский осмотр обеспечивался²⁵⁶.

Помещение, выделенное для больничной камеры, было недостаточно теплым. Для заключенных, находящихся в нем, были установлены четыре

²⁵² ГАРФ Ф. А–482. Оп. 12. Д. 23. Л. 148.

²⁵³ ГАСО. Ф. Р–42. Оп. 1. Д. 3. Л. 325.

²⁵⁴ ГАСО. Ф. Р–1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ ГАСО. Ф. Р–1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

железных кровати с матрасами «уже не из соломы, а соломенной трухи»²⁵⁷, имелось четыре порванных ватных одеяла. Простыни, наволочки, подушки, полотенца, отдельные столовые приборы, табуретки, халаты и туфли отсутствовали. Подушками служила одежда самих больных. Для питьевой воды имелась деревянная шайка, которую во время амбулаторного приема приносили в амбулаторную, где из нее пили больные с различными заболеваниями. После завершения приема ее возвращали в больничную камеру²⁵⁸. В итоге увеличивалась вероятность распространения различных заболеваний на территории исправительного учреждения.

Следственные и срочные тяжелобольные заключенные помещались в городскую больницу: следственные при условии согласия органов, за которыми они числились; срочные только те, которые не внушали опасения в плане побега²⁵⁹.

Баня для заключенных организовывалась два раза в месяц. Больные заразными болезнями не допускались в баню для помывки даже отдельно от здоровых заключенных, чтобы не допустить распространения заболеваний²⁶⁰.

За 1926 календарный год услугами амбулаторного лечения заключенные Велижского исправительного дома воспользовалось 9 959 раз, из которых первичных посещений было 1 994 и повторных 7 965. В среднем в день амбулаторию посещало по 25–30 человек. В больницу было отправлено 8 человек. Поводом для обращения были как обычные болезни, так и болезни, требующие небольшого хирургического вмешательства²⁶¹. Общая дезинфекция тюремных камер за 10 месяцев проводилась 3 раза примитивными методами.

²⁵⁷ ГАСО. Ф. Р–1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ ГАСО. Ф. Р–1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 41.

Больницы всех исправительных учреждений были переполнены, также как и сами места лишения свободы. Больница при Смоленском губернском доме заключения в 1920 году была рассчитана на 45 человек, а реальная наполняемость доходила до 100 больных. Схожая ситуация сложилась в больнице Смоленского ДОПра, где штатное количество коек составляло 80 штук, при этом в реальности лечилось около 200 заключенных. В уездных больницах при исправительных учреждениях ситуация была такая же²⁶².

Численность заключенных являлась немаловажным фактором, поскольку от нее рассчитывалась зарплата врачей и медицинских работников. Согласно положению Смоленского губернского карательного отдела при количестве заключенных до 200 штатных единиц врачи получали 1/3 от своего оклада. Например, в Бельском ДОПре разрешенная численность заключенных на 1920 год составляла 73 человека, в то время как реальная доходила до 250²⁶³. Но зарплату медицинские работники получали, исходя из официальной предельной численности заключенных, то есть врачам приходилось работать в тяжелых условиях и при всем этом они не получали положенную им зарплату.

В Брянской губернии медико-санитарное обслуживание также было разным в каждом отдельном исправительном учреждении.

Так, летом 1923 года прокуратура отмечала плохое медико-санитарное обслуживание заключенных в больнице Брянского исправительного дома. Амбулатория функционировала постоянно, за исключением выходных и праздничных дней. Ежедневно она пропускала около 50–60 больных. Но по причине отсутствия или нехватки медикаментов в медсанчасти даже для простой перевязки больных приходилось отправлять в больницу. Получалось, что больница помимо амбулаторного и стационарного лечения занималась элементарными

²⁶² ГАРФ. Ф. А–482. Оп. 12. Д. 20. Л. 64.

²⁶³ Там же. Л. 65.

вещами, которыми должен был заниматься фельдшер. Сама больница исправительного учреждения была небольшой, рассчитанной на 15 человек. Имелся свой зубной кабинет²⁶⁴. Сюда поступали заключенные с различными заболеваниями, в том числе и с брюшным тифом. За 1924 год каждый месяц в больницу Брянского исправдома направлялось от 1000 до 1500 заключенных²⁶⁵.

На территории исправительного учреждения имелась специальная изоляционная камера для больных, зараженных инфекционными болезнями, где они проходили лечение. Выздоровление подтверждалось тщательным медицинским осмотром, после чего вылечившиеся проходили дезинфекционную обработку в специально выделенной ванне.

Несколько облегчала медико-санитарное положение имевшаяся баня, в которой в 1923 году произвели ремонт крыши, заменили стекла в окнах, установили вешалки в раздевалках, починили полки, смонтировали три водосточные трубы²⁶⁶. Одновременно была введена в строй и прачечная, хотя уже в 1924 году прокуратура фиксировала ее нерабочее состояние. Однако отсутствие дезинфекционных материалов и сменного белья приводило к ситуации, когда практически все заключенные имели вшей.

Все усилия руководства учреждения, направленные на улучшение положения заключенных, сводились на нет из-за его переполненности, когда половина заключенных спала на полу без какой бы то ни было подстилки. Особенно тяжелая ситуация складывалась в одиночных камерах, в которые размещали до четырех человек. В отчете прокуратуры читаем: «В большинстве камер атмосфера настолько удушливая, что дышать в них чрезвычайно трудно. Особенно тяжелое впечатление производят камеры, рассчитанные для одиночного заключения. Расположены они были на 3 этаже. В большинстве из них находиться 4 человека, двоим из которых приходится спать на влажном асфальтном

²⁶⁴ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 10.

²⁶⁵ Там же. Д. 166. Л. 2.

²⁶⁶ Там же. Д. 30. Л. 81.

полу. В день ревизии камеры были не топлены и сырость была такая, что на потолке были видны капли воды»²⁶⁷. Все это не способствовало улучшению эпидемиологической ситуации в исправительном доме.

Согласно отчету Брянского исправительного дома, в 1921 году в штате тюремной больницы находились следующие медицинские работники: один врач с зарплатой 6300 рублей в месяц; два лекпома, каждый получал 3920 рублей в месяц; четыре медсестры – 3640 рублей в месяц; шесть сиделок – 2604 рубля в месяц; два санитары – 2604 рублей в месяц. Кроме того были уборщики, дворники, посудомойки и другой вспомогательный персонал²⁶⁸. На работу данной больницы в 1921 году предполагалось выделить 1 761 430 рублей. Из них 187 500 рублей шло на отопление помещений (10 печей различного типа). Освещение требовало 27 000 рублей, данная сумма тратилась на закупку керосина. Стирка белья требовала около 7 517 рублей в год. При условии использования ассенизационного обоза один раз в неделю стоимость уборки грязи, снега и других нечистот выходила в сумму 20 796 рублей в год. Важной статьей расходов являлась закупка медицинских препаратов. На 50 коек выделялось 279 000 рублей в год, из расчета 12 рублей в день и еще 5000 для амбулаторных рецептов. перевязочные материалы обходились в 1 100 000 рублей²⁶⁹.

В 1925–1926 году санитарные мероприятия в Брянском исправительном доме предполагали уже более тщательные медико-профилактические процедуры. Вновь прибывший заключенный подвергался телесному осмотру, стрижке, а одежда и нижнее белье проходили паровую дезинфекцию. Сам заключенный направлялся в карантинную или пересыльную камеры на 14 дней. После прохождения карантина он повторно подвергался телесному осмотру и только после

²⁶⁷ ГАБО. Ф. Р–2374. Оп. 1. Д. 166. Л. 3.

²⁶⁸ ГАРФ. Ф. А–482. Оп. 12. Д. 22. Л. 153.

²⁶⁹ Там же. Л. 154–155.

этого направлялся в общую камеру. Паровой дезинфекции регулярно подвергалась одежда и белье заключенных, а с начала 1925 года стала применяться серная дезинфекция камер. После нее регулярно проводились уборки помещений хлорной известью и карбоновой кислотой. Баня предоставлялась один раз в три недели, иногда один раз в две недели. Больные заключенные, в том числе и венерические, мылись два раза в месяц в специально отведенном для них месте. Но из-за нехватки белья не все могли получить новое после прохождения банных процедур²⁷⁰.

В 1926 году в исправительном учреждении в штате имелся только один врач на более чем 800 заключенных, который физически не мог обслужить всех²⁷¹.

В Жиздринском исправительном доме медицинскую помощь заключенным оказывал судебный врач, который посещал данное место лишения свободы два раза в неделю. Поэтому он не всегда мог оказать экстренную помощь, тем более, если находился на выезде за городом²⁷².

В Орловской губернии ситуация с медицинским обслуживанием в учреждениях исполнения наказаний была похожей: малая пропускная способность больниц, нехватка квалифицированных медицинских работников, недостаток средств на лекарства и др. Так, например, больница при уездном исправительном учреждении в Ельце в штате имела врача, фельдшера и две медсестры, а весь объем годового финансирования составлял 205 632 рубля, из которых 34 942 рубля уходило на зарплаты работникам²⁷³.

Ситуация в изучаемых регионах не слишком отличалась от других субъектов РСФСР. Так, А.В. Быков оценивает общее медико-санитарное состояние Омской губернии как неудовлетворительное. Бани могло не быть по несколько месяцев, вследствие чего у заключенных массово

²⁷⁰ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 11.

²⁷¹ Там же. Д. 204. Л. 32.

²⁷² Там же. Д. 94. Л. 129.

²⁷³ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 12. Д. 22. Л. 205.

имелись вши. На одного заключенного здесь в среднем приходилось около 1 кубического метра пространства, в то время как норма составляла около 9 метров. Причины типичные – плохое техническое состояние помещений, переполненность и недофинансирование²⁷⁴. В эпидемиологическом отношении в лучшей ситуации находились уездные исправительные учреждения, что, скорее всего, объяснялось меньшей плотностью заключенных. Среди заболеваний наиболее распространенными были тиф, дизентерия, туберкулез и холера²⁷⁵.

В ряде исправительных учреждений на территории Западной Сибири в первой половине 1920-х годов вообще не было медицинского персонала. Так, в Томской губернии из-за нехватки квалифицированных врачей и медикаментов больным не оказывалось вообще никакой помощи, даже дети-заключенные не получали ее²⁷⁶. В Омском доме лишения свободы существовали тюремная больница и аптека. В штате больницы был врач, три фельдшера и несколько сестер милосердия, но при этом больница испытывала большие затруднения с поставкой медикаментов. В Новосибирском ИТД № 1 больница вообще отсутствовала, а было лишь амбулаторное лечение. В уездных же исправительно-трудовых учреждениях ситуация с медпунктами была еще хуже²⁷⁷.

С установлением советской власти начался постепенный процесс формирования новой пенитенциарной политики государства. В первые годы использовались многие нормы царской системы исполнения наказаний, но в то же время активно разрабатывалась своя нормативно-правовая база.

Временная инструкция 1918 года стала документом, который определял вектор развития советской пенитенциарной системы. Были установлены

²⁷⁴ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 152.

²⁷⁵ Там же. С. 155.

²⁷⁶ Там же. С. 157.

²⁷⁷ Там же. С. 161.

виды исправительных учреждений, введены меры поощрения заключенных и дисциплинарного воздействия. В сравнении с предыдущим периодом отсутствовали физические наказания и были введены реформатории – исправительно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних.

Положительные изменения происходили и в части условно-досрочного освобождения. С 1918 года решение по данному вопросу на основании личного заявления заключенного либо его родственника принимали народные суды или революционный трибунал, исходя из подсудности правонарушения. Если ранее заключенный был полностью зависим от руководства исправительного учреждения, то теперь многие вопросы решались более демократично.

Значительным шагом в вопросе регулирования жизни заключенных стало введение прогрессивной системы отбывания наказания, которая позволяла арестантам самим облегчить свою жизнь в исправительном учреждении. Перевод осужденных из разряда в разряд осуществлялся с учетом их поведения и успехов в трудовой деятельности. Таким образом, складывалась система, при которой заключенный был заинтересован в соблюдении установленных правил и в добросовестном труде, что позволяло ему получить определенные привилегии и в дальнейшем рассчитывать на досрочное освобождение.

Принятием в 1920 году «Положения об общих местах заключения РСФСР» закреплялись на всероссийском уровне основные практики, сложившиеся к этому времени в пенитенциарной сфере. В Положении подробно регламентировался процесс отбывания наказания, устанавливались нормы трудовой деятельности, питания и организации быта, более детально описывались условия реализации прогрессивной системы отбывания наказания.

Менялась система управления: все исправительные учреждения были переданы в 1922 году в ведение Главного управления мест заключения при НКВД РСФСР (ГУМЗ).

Исправительно-трудовой кодекс 1924 года закреплял роль труда в пенитенциарной системе как главного средства исправления заключенного. Трудовая деятельность становилась обязательной для осужденных. При этом условия и нормы труда должны были соответствовать всероссийскому трудовому законодательству. В решении задач воспитательного воздействия на заключенных вспомогательная, но не менее важная роль отводилась культурно-просветительской работе в учреждениях исполнения наказаний.

Законодательство также требовало создавать приемлемые материально-бытовые условия для пребывания заключенных в исправительных учреждениях. Советской власти досталось от царского времени тяжелое «пенитенциарное наследство»: исправительные учреждения требовали значительных материальных вложений для проведения капитального ремонта и обустройства быта заключенных. В начальный период эта задача решалась крайне сложно, существенные улучшения произошли лишь во второй половине 1920-х годов, когда нэповская экономика позволила оздоровить финансовое положение местных бюджетов, на которые с 1922 года была переложена ответственность за содержание мест заключения в регионах. Особенно трудно приходилось учреждениям, расположенным в уездах, до которых доходили лишь незначительные суммы выделяемого скудного местного и центрального финансирования мест лишения свободы. В 1928 году на съезде административных работников РСФСР было принято решение о необходимости перевода всех мест заключения на государственное финансирование²⁷⁸.

Материально бытовые условия не позволяли в полной мере реализовать нормы и принципы нового исправительно-трудового законодательства. Большинству исправительных учреждений необходим был капитальный ремонт, особенно в Орловской губернии, как регионе наиболее пострадавшем от Гражданской войны. Сложная экономическая ситуация в

²⁷⁸ Дедков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России (к 120-летию Главного тюремного управления России). М., 1999. С. 133.

стране и недостаток финансирования пенитенциарных учреждений не позволяли провести нужные ремонтные работы и обеспечить заключенным должные бытовые условия. Проводившийся косметический ремонт не давал существенного улучшения материальной базы системы исполнения наказаний.

Значительно осложняла бытовые условия заключенных и постоянная переполненность мест лишения свободы: в середине 1920-х годов она составляла в среднем 30% от нормативной численности. Законодательство позволяло применять меры принудительных работ без содержания осужденного под стражей, что способствовало бы разгрузке мест заключения, однако судебная система предпочитала метод лишения свободы (даже в 1927–1928 годах численность заключенных со сроком наказания до одного года составляла 43% всего контингента в местах лишения свободы).

Недостаточное финансирование приводило к нехватке вещевого довольствия. Одежда приходила в негодность намного ранее установленных сроков. Инфляция первой половины 1920-х годов, особенно в начале десятилетия, не позволяла в условиях фиксированного и недостаточного финансирования осуществлять закупку должного количества вещевого довольствия для осужденных.

На учреждениях исполнения наказаний лежала ответственность за организацию питания заключенных. Общую калорийность в целом выдерживать удавалось; оснований к утверждениям о том, что осужденные держались на голодном пайке нет. Однако меню было скудным и качество питания в значительной степени зависело от производственной деятельности каждого конкретного исправительного учреждения. В вопросах питания зачастую худшее положение наблюдалось в наиболее крупных исправительных учреждениях регионов, так как именно там концентрировалась большая часть заключенных, и имело место значительное превышение реальной численности контингента над нормативной, под которую только и выделялось финансирование на организацию питания.

Главной проблемой медико-санитарного обслуживания учреждений исполнения наказаний на всем протяжении 1920-х годов оставались инфекционные и эпидемиологические заболевания, а также острая нехватка медицинских кадров. Смоленская губерния была в данном отношении в несколько лучшем положении в сравнении с Брянском и Орлом благодаря местному медицинскому институту. Однако заполнение даже малого числа штатных единиц медицинских работников для исправительных заведений оставалось трудноразрешимой задачей.

В целом советская пенитенциарная система формировалась в 1920-е годы в сложных условиях постоянного значительного недофинансирования, особенно в период перевода исправительных учреждений на местный бюджет при большой их «перенаселенности», создававшей дополнительные трудности с организацией быта заключенных, обеспечением их вещевым довольствием, питанием и медицинским обслуживанием. Положительная динамика на протяжении десятилетия отмечалась в основном в исправительных учреждениях губернского уровня, уездные же дома заключения продолжали в большинстве своем пребывать в неприглядном состоянии.

Глава 2. Учреждения исполнения наказаний как исправительно-трудовые заведения в пенитенциарной системе советского государства

2.1. Трудовая функция учреждений исполнения наказаний

Начиная со второй половины XVIII века в уголовном праве формируется новый взгляд на цели наказания. Согласно теории Ч. Беккариа, цель наказания заключалась «не в истязании и мучении человека, а в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удерживать других от совершения того же»²⁷⁹. Такая формулировка цели наказания дала новый толчок в развитии пенитенциарной системы России. Начинают использоваться методы, преследующие цель исправления заключенного. Постепенно основным способом воздействия на заключенных становится трудовая деятельность, главной задачей которой являлось приучение арестантов к труду и зарабатыванию денежных средств честным путем, предоставление им возможности овладеть какими-либо профессиональными навыками. Это было необходимо для того, чтобы по отбыванию наказания они могли легче адаптироваться к жизни за пределами исправительного учреждения. В результате должно было уменьшиться количество рецидивов. В советский период привлечение заключенных к трудовой деятельности являлось основным направлением в процессе их исправления, для реализации которого необходимо было организовать различные виды производства.

Воспитательно-исправительное значение труда заключенных нашло отражение в «Положении об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 года, где перед учреждениями исполнения наказаний

²⁷⁹ Беккариа Ч. О преступлении и наказаниях. М., 2004. С. 89–157.

ставилась цель «приучить и приохотить» к труду заключенных, дать им возможность по выходе на свободу жить трудовой жизнью. При этом труд являлся обязательным для любого гражданина РСФСР, в том числе и для лишенных свободы, отбывавших наказание по приговору суда. Подследственным предлагалось по своему усмотрению выбрать, какой работой заниматься из перечня имевшихся возможностей в месте лишения свободы²⁸⁰.

Законодатель предоставлял, таким образом, некий выбор для заключенного в части возможных видов работ. Администрация должна была учитывать склонность заключенного к той или иной деятельности, его познания, прежнее занятие, общее состояние здоровья и возможность продолжения этого рода деятельности после отбывания наказания. Не допускалось использование арестанта на работах, которые были противопоказаны ему врачом²⁸¹.

Все работы для заключенных делились на две категории: внутренние и внешние. Внутренние, в свою очередь, подразделялись на хозяйственные и на работу в мастерских. Работа в мастерских была организована хозяйственным способом, здесь труд в первую очередь был направлен на удовлетворение внутренних потребностей самого исправительного учреждения, других тюрем и государственных органов. Заказы от Центрального карательного отдела для удовлетворения нужд других госучреждений республики должны были выполняться в первую очередь. Руководство организовывало производства, при работе на которых заключенные могли получить знания и приобрести навыки, полезные им после освобождения. При организации работ в исправительных учреждениях обязательно учитывалась необходимость в их продукции в конкретно взятой местности для обеспечения потребности местного

²⁸⁰ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959). М., 1959. С. 74.

²⁸¹ Там же. С. 75.

населения. Работа мастерских предполагала обязательное осуществление надзора и контроля на производстве.

На внешние работы назначались заключенные, которые не проявляли склонности к побегу. В местах, где выполнялись работы, требующие длительного нахождения заключенных за пределами территории исправительного учреждения, или возникали трудности по их ежедневному возвращению, должны следовало подготовить специальные помещения для их размещения, соответствующие санитарным нормам и оборудованные всем необходимым для предотвращения побегов. Наружная и внутренняя охрана организовывалась так, чтобы надзиратели имели возможность исполнять свои обязанности по окарауливанию²⁸². Данное правило было еще ранее утверждено циркуляром Центрального карательного отдела № 53 от 25 июня 1919 года «О принятии мер по сокращению побегов». Согласно данному циркуляру вводились правила, по которым заключенные на внешние работы выбирались так, чтобы снизить число побегов²⁸³.

Направлялись на внешние работы арестанты в сопровождении конвоя, число конвоирующих определялось заранее начальником места лишения свободы. В каждой такой партии должен был быть один заключенный, который назначался старшим. В его обязанности входило наблюдение за поведением сокамерников, усердностью их работы и учет объема произведенной каждым в отдельности работы.

Назначенные на внешние работы снабжались одеждой, которая соответствовала времени года. Оплачивался их труд, как правило, по ставкам, согласованным с местными профсоюзами. Выполнение хозяйственных работ оплачивалось по особо установленным ставкам. В

²⁸² Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С. 75–76

²⁸³ Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела Н.К.Ю за 1917–1920 гг. М., 1921. С. 74.

качестве средства повышения производительности труда рекомендовалось использовать урочную и сдельную системы оплаты труда²⁸⁴. Такой подход демонстрирует стремление государства улучшить жизнь заключенных, а не использовать их как бесплатную рабочую силу. Стимулирующая оплата позволяла заинтересовать заключенных в эффективности труда. Использовать труд заключенных администрация могла только для удовлетворения нужд места лишения свободы и ни в коем случае для личной выгоды, например в качестве домашней прислуги. За порчу, по небрежности или намеренно, определенных материалов и инструментов у виновных в этом заключенных производилось удержание их стоимости из заработной платы или из личных средств. В некоторых случаях виновных могли подвергнуть дисциплинарному взысканию²⁸⁵.

С целью наладить эффективную работу на местах Центральный карательный отдел РСФСР в январе 1920 года издал рекомендации по улучшению трудовой деятельности в местах заключения²⁸⁶. Так, если в учреждении не было возможности установить оборудование и станки в мастерские (слесарно-кузнечные, столярные, швейные, сапожные и другие), то следовало вводить кустарное производство по актуальным для каждой местности направлениям. Если при организации внешних работ имелись проблемы с охраной заключенных, то необходимо было прибегать к помощи конвойной службы. Но объяснять плохую производственную деятельность учреждения недостаточностью заказов и нарядов было, по мнению Центрального карательного отдела, недопустимо попустительским отношением к делу²⁸⁷.

В начале 1920 года общество в целом столкнулось с нехваткой профессионалов и специалистов во многих отраслях. Подтверждением

²⁸⁴ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. С. 76–77.

²⁸⁵ Там же. С. 77.

²⁸⁶ ГАСО. Ф. Р–1465. Оп. 1. Д. 12. Л. 99.

²⁸⁷ Там же. Л. 99.

тому служит циркуляр Центрального карательного отдела НКЮ № 12 от 28 апреля 1920 года, в котором говорится, что участились случаи запроса различными учреждениями командирования заключенных-специалистов к ним в рамках внешних работ. В исключительных ситуациях разрешалось с согласия судебных органов отправлять таких заключенных без конвоя, но под ответственность запрашивающего. Они гарантировали, что заключенный будет возвращаться каждый день по истечении рабочего времени в распоряжение исправительного учреждения. Для более эффективного использования заключенных карательный отдел предлагал вести их учет и регистрацию наподобие того, как это было принято ранее с врачами²⁸⁸. Наиболее востребованными профессиями для запросов в учреждения отбывания наказаний были сапожники, бондари, столяры, слесари, токари, портные, белошвейки, паяльщики, лапотники, колесники, химики, механики, электромонтеры, инженеры, сельскохозяйственные техники и специалисты печатного дела²⁸⁹.

Несколько сложнее обстояло дело с использованием на работах подследственных заключенных. В циркуляр Центрального карательного отдела НКЮ от 1 июля 1920 года говорится, что к тому времени в исправительных учреждениях сложилась практика непривлечения данной категории к работам. Карательный же отдел настаивал, что вне зависимости от категории работать должны были все заключенные, поскольку это являлось неотъемлемой частью пенитенциарной политики государства.

Для оперативного разрешения данного вопроса ответственные государственные органы, за которыми числились следственные заключенные, должны были впредь разделять всех своих подопечных на три категории.

²⁸⁸ Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела Н.К.Ю за 1917–1920 гг. М., 1921. С. 143.

²⁸⁹ Там же. С. 175.

К первой категории относились лица, которые по характеру совершенных ими преступлений должны были содержаться под стражей, в условиях строжайшей изоляции, и не могли быть допущены не только к выполнению внешних работ, но и к работе в мастерских на территории исправительного учреждения. Они могли трудиться только в самих камерах.

Вторая категория это заключенные, для которых общение с другими заключенными не являлось запретным и не служило препятствием для вывода их на хозяйственные работы или в мастерские, расположенные на территории исправительного учреждения. Единственное, что им не позволялось, – принимать участие во внешних работах.

Третью категорию следственных заключенных составляли те, кто совершил незначительные проступки или преступления, не требующие особого расследования. Они могли принимать участие в различных видах работ, как внутренних, так и внешних²⁹⁰.

Продолжительность работы заключенных составляла 8 часов в сутки. Увеличение количества рабочих часов допускалось в летнее время на сельскохозяйственных работах, а на других работах лишь в случаях, предусмотренных Кодексом законов о труде²⁹¹. Согласно ему, в исключительных случаях допускалось превышение нормы рабочего времени, а именно:

а) при производстве работ, необходимых для предотвращения общественных бедствий и опасностей, грозящих существованию советского строя и жизни людей;

б) при производстве общественно необходимых работ по водоснабжению, освещению, обеспечению функционированию

²⁹⁰ Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917–1920 гг. М., 1921. С. 155–156.

²⁹¹ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С. 67–68.

канализации и транспорта, для устранения случайных или неожиданных обстоятельств, нарушивших их правильное функционирование;

в) при необходимости закончить начатую работу, которая вследствие непредвиденной и случайной задержки по техническим условиям производства не могла быть закончена в нормальное рабочее время, если прекращение этой работы может повлечь за собой порчу материалов и машин;

г) при производстве временных работ по ремонту и восстановлению механизмов или сооружений в тех случаях, когда расстройство таковых вызывает прекращение работы значительного количества трудящихся²⁹².

Большинство работ, на которых использовались заключенные в первые годы советской власти, имели целью возобновление, переустройство и создание мастерских внутри исправительных учреждений; снабжение их надлежащим оборудованием, инструментами и материалами²⁹³.

В целом трудовая деятельность заключенных должна была подготовить их к тому, чтобы после освобождения они «вошли в общество трудящихся как равноправные строители социализма»²⁹⁴.

Нормативная база пенитенциарной системы свидетельствует, что трудовая деятельность в исправительных учреждениях не имела никаких черт эксплуатационного характера. Именно такой точки зрения придерживаются М.В. Исаков и Е.В. Мельник, говоря об использовании труда заключенных в местах лишения свободы в изучаемый период. Заключенные пользовались всеми гарантиями, установленными Кодексом законов о труде, такими как 8-часовой рабочий день и обеденный перерыв,

²⁹² Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 87–88. С. 905.

²⁹³ Циркуляр Карательного отдела НКЮ от 7 августа 1918 г. № 32.

²⁹⁴ От тюрем к воспитательным учреждениям / под. ред. А.Я. Вышинского, М., 1934. С. 73.

оплата труда заключенных²⁹⁵. Один из руководителей Главного управления принудительных работ В. Ушацкий считал, что труд заключенных необходимо рассматривать «не как нормальное экономическое явление, а как средство борьбы с преступностью»²⁹⁶.

В течение первых лет советской власти был накоплен практический опыт обучения заключенных, с учетом которого ГУМЗ в январе 1926 года издал инструкцию «Общее положение о проведении профобучения в местах заключения»²⁹⁷. Согласно инструкции, работающие в мастерских заключенные должны были подразделяться на группы (категории) согласно их квалификации: ученики, подмастерья (могли выполнять самостоятельно самую легкую работу), мастера (могли выполнять самостоятельно любой вид работы). Количество групп и подгрупп устанавливалось на усмотрение администрации исправительного учреждения. В группы, как правило, старались зачислять заключенных с одинаковым сроком отбывания наказания либо же с учетом оставшегося им срока, что могло способствовать формированию слаженного трудового коллектива. Такое деление было актуально для работы, требующей профессиональных навыков и определенной квалификации, а для выполнения простейшей работы, будь то клейка пакетов или нашивка пуговиц, такое разделение было не обязательно²⁹⁸.

Перевод из одной категории в другую производился на основании ходатайства заведующего работами и утверждался начальником исправительного учреждения. На крупных производствах перевод заключенных между группами осуществлялся по результатам

²⁹⁵ Исаков В.М., Мельник Е.В. Правовые основы и организация трудоустройства заключенных в местах лишения свободы в период 1917–1930 гг. // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-i-organizatsiya-trudoispolzovaniya-zaklyuchennyh-v-mestah-lisheniya-svobody-v-period-1917-1930-gg> (дата обращения: 04.02.2021).

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 2. Л. 99.

²⁹⁷ ГАСО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 577. Л. 44.

²⁹⁸ Там же. Л. 44.

проверочного испытания. Оно проходило в присутствии специально сформированной комиссии, в которую были включены начальник места заключения, заведующий работами, инструктор мастерской и представитель профсоюза²⁹⁹.

Профессиональное обучение должно было производиться инструкторами, которые присутствовали в каждой мастерской. По мнению ГУМЗ, привлечение большего количества инструкторов гарантировало лучшее качество выпускаемой продукции³⁰⁰ и, как следствие, повышение спроса на нее и прирост прибыли. Это могло помочь исправительным учреждениям справиться с постоянным дефицитом денежных средств. В особых случаях в роли инструктора мог выступать квалифицированный и опытный заключенный³⁰¹.

Если производственный процесс подразумевал коллективное исполнение, то необходимо было соблюдать определенные условия: привлекать учеников; конечный продукт должен был сдаваться под ответственность возглавлявшего работу мастера или подмастерья; работа оплачивалась сдельно и доля участия конкретно взятого работника в производстве любого продукта должна была устанавливаться заранее³⁰².

Таким образом достигалось сразу несколько положительных эффектов: ученики выполняли свою часть работы, фактически приобретая профессиональные навыки; произведенные изделия сдавались под ответственность более опытного работника, который постоянно должен был контролировать работу учеников, чтобы в итоге не допустить снижения качества изделия; сдельная оплата труда позволяла избегать конфликтов между рабочими и справедливо оценивать вклад конкретного работника в конечный продукт.

²⁹⁹ ГАСО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 577. Л. 45.

³⁰⁰ Там же. Л. 44.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же. Л. 45.

Для поднятия трудовой дисциплины устанавливались нормы выработки. В основном они применялись при выполнении коллективных работ либо же на конкретном, отдельно взятом производстве. Их устанавливали заведующие работами, а утверждал начальник исправительного учреждения. После чего приказ размещался для всеобщего обозрения на видном месте в помещении мастерской³⁰³.

После отбывания наказания и освобождения из места лишения свободы заключенные, работавшие на производстве, могли получить удостоверение, в котором указывались такие данные: вид трудовой деятельности, количество отработанных часов, отношение к труду³⁰⁴.

Труд в местах заключения был обязательным, а заключенные, которые отказывались работать, могли быть подвергнуты различным дисциплинарным наказаниям, согласно постановлению Народного комиссариата юстиции от 23 июля 1918 года «О мерах репрессии к заключенным»: ужесточение режима (лишение свиданий, права на переписку и прочих привилегий), изоляция (одиночное заключение, карцер на 14 дней), перевод в специальные тюрьмы, изоляторы³⁰⁵.

В 1920 году в мастерских Смоленского губернского дома заключения были предусмотрены следующие профессии: 2 кузнеца, 4 плотника, 2 слесаря, 7 портных и сапожников. Кроме того, на внешних работах 10 заключенных занимались заготовкой дров и вывозом нечистот³⁰⁶. В 1921 году на территории домзака стали функционировать мастерские: сапожная, столярная, портняжная и шапочная, лапотная, жестяная и слесарная, печатная и кузница. В общей сложности в мастерских было занято 26 человек³⁰⁷. Отдельно для женского труда были открыты белошвейная, портняжная, вышивальная и чулочные мастерские. С этого

³⁰³ ГАСО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 577. Л. 45.

³⁰⁴ Там же. Л. 46.

³⁰⁵ Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 1497. Л. 204.

³⁰⁶ ГАСО. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 39. Л. 297-297 об.

³⁰⁷ Там же. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 26 (1921). Л. 27.

момента производственная деятельность, реализуемая в домзаке с использованием труда заключенных, стала неуклонно расти. Если в начале 1921 года трудилось несколько десятков заключенных, то уже к лету численность занятых на таких работах увеличилась до 303, при этом общая численность заключенных на тот момент составляла 427 человек³⁰⁸.

В мастерских был разнообразный ассортимент производимой продукции. Сапожники изготавливали мужскую, женскую и детскую обувь. Здесь шили пальто, шубы, шинели, френчи, пиджаки, гимнастерки, брюки, рубахи, кальсоны и одежду для самих заключенных. Столяры делали столы и табуретки, оконные рамы, шкафы и комоды, лари, ящики, бочки, колеса и экипажи и многое другое. В кузнечной мастерской осуществляли оковку телег, бочек, ковку лошадей, производили строительные и другие инструменты. Хлебопекарня давала продукцию не только для исправительного учреждения, но и на продажу³⁰⁹.

В дальнейшем был разработан план работ заключенных в Смоленском губернском доме заключения на 1922 год (см. *Приложения, док. № 7*). Данный план содержит исчерпывающий перечень видов рабочей деятельности заключенных, с которых места заключения могли иметь доход. В то же время видно, что вся производимая работа относилась к низкоквалифицированной, а механизация труда, по сути, отсутствовала. Такая организация производства вряд ли могла существенно улучшить материальное положение исправительного учреждения. К тому же ситуация осложнялась спецификой работы в таких учреждениях: происходила постоянная смена заключенных; как только осужденный приобретал хорошие навыки, подходил конец срока отбывания наказания. Большая же часть рабочих рук использовалась на городских объектах, преимущественно на уборке улиц и их благоустройстве. В зимний период

³⁰⁸ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 26 (1921). Л. 27.

³⁰⁹ Там же. Л. 57–58.

заключенных регулярно выводили для уборки железнодорожных путей от снега.

В пояснительной записке к отчету за финансовый 1924–1925 год деятельности Смоленского губернского дома заключения ситуация с тюремным производством вполне показательна. Главной проблемой развития производственной деятельности в данном исправительном учреждении называлось недостаточное количество финансовых средств. Одновременно с этим говорится о нехватке площадей для мастерских и скудном оборудовании. На тот момент на слесарную мастерскую отводилось 7 кв. саж. (1 сажень = 2,13 метра), на слесарно-плотницкую – 13,53 кв. саж., на сапожную – 13,32 кв. саж., на портняжную 10,09 кв. сажень. Кузница занимала отдельное каменное здание³¹⁰. В дальнейшем столярная мастерская будет расширена до 22 кв. саж., в основном за счет площади, выделенной под сапожников. Под слесарную мастерскую вообще использовалась часть жилых камер. Причем принятые меры не решали проблему санитарных условий в мастерских: «помещения тесны, сыры и в отношении самых элементарных требований гигиены труда оставляют желать лучшего»³¹¹.

Оборудование также было не лучшего качества. В 1924–1925 году приняли решение переоборудовать столярную мастерскую, установить циркулярную пилу и строгальный станок на общую сумму около 5000 рублей³¹². Скорее всего, это так и осталось в планах, поскольку, когда смоленский губернский инспектор в 1926 году писал ответ ГУМЗу на запрос выслать образцы производства мест заключений, он констатировал, что Смоленский губернский дом заключения не располагал развитыми мастерскими и потому он не мог прислать требуемые образцы³¹³. Реальное производство было очень незначительным. По отчетам за первое

³¹⁰ ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 2. Д. 20 (1922). Л. 1–1об.

³¹¹ Там же. Л. 1 об.

³¹² Там же. Л. 2–2 об.

³¹³ Там же. Д. 123 (1926). Л. 229.

полугодие 1926–1927 года, доход тюремных мастерских составил 645 рублей 23 копейки³¹⁴.

За работу в мастерских осужденные получали заработную плату согласно ведомости (см. *Приложения, док. № 8*). В 1924–1925 бюджетном году среднегодовая заработная плата служащих, занятых в мастерских на территории Смоленского губернского дома заключения, составляла 75 рублей. Они выполняли, как правило, работу мастеров и инструкторов, которые отвечали за обучение заключенных. Сами же заключенные находились на сдельной оплате труда. По данным из документа трудно выяснить по какой системе распределялись деньги. Можно предположить, что размер оплаты зависел от нескольких факторов: трудность производства, навыки, качество, объем производства и доходность. Например, в чулочной мастерской работало двое заключенных. За указанный период они произвели продукции на 174 рубля, а зарплату получил каждый чуть более 9 рублей. Это примерно 5,25% от суммы заработанных денег. Двое заключенных в белошвейной мастерской за тот же год сделали продукции на 225 рублей и заработали по 38 рублей, что составило примерно 17% от заработанных мастерской денег.

Из всех внутренних работ самую большую прибыль приносили слесарно-кузнечная (16 заключенных), портняжная (12 заключенных), сапожная (17 человек) мастерские. За год каждая заработала более 2000 рублей. Здесь установили и самые большие зарплаты: 30 рублей, 73 рубля и 53 рубля соответственно. В первую очередь это объясняется востребованностью производимой ими продукции не только у пенитенциарных учреждений, но и у гражданского населения.

В дальнейшем некоторые виды производств в местах исполнения наказаний все же открывались. Но с немалым количеством нарушений. Так, например, в Смоленском изоляторе в 1925 году предполагалось открыть «колбасное заведение». Для этого требовалось провести

³¹⁴ ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 2. Д. 123 (1926). Л. 279.

обследование выделенного помещения и получить заключение от санитарной комиссии³¹⁵. Все было сделано. Производство запустили. Но позже, согласно заключению губернского ветеринарного отдела, выяснилось, что ветеринарно-санитарный контроль производства не проводился, а деятельность «колбасного заведения» осуществлялась без соблюдения санитарных норм. Мясо, необходимое для производства колбасных изделий, получали из неизвестных источников, на скотобойне самого изолятора убой скота не производился. В итоге мясо закупалось в других местах и поступало в переработку без ветеринарно-санитарного заключения³¹⁶.

В Смоленской каторжной тюрьме было организовано производство туфель. Сюда поступали заказы от различных государственных учреждений для удовлетворения нужд сотрудников³¹⁷. Также на территории тюрьмы находилась мастерская плотника, где можно было заказать оконные рамы или отремонтировать мебель³¹⁸.

Были случаи, когда помещения, принадлежащие местам заключения, сдавались в аренду гражданским лицам для ведения частного бизнеса. Так, в марте 1925 года Смоленский изолятор сдал в аренду во временное пользование кожевенную мастерскую гражданину Нейману со всем имеющимся в ней оборудованием и инвентарем сроком на 4 года. В договоре указывались цели аренды и количество производимых кож: в первый год – 1500 шт., второй год – 2500 шт., третий год – 4000 шт., четвертый год – 6000 шт. Арендатор обязывался использовать труд заключенных и выплачивать им жалованье за проделанную работу в соответствии с законодательством, производить за свой счет ремонт в

³¹⁵ ГАСО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 123.

³¹⁶ Там же. Л. 1006.

³¹⁷ Там же. Д. 431. Л. 3

³¹⁸ Там же. Л. 119.

помещении. Арендная плата за месяц в натуральном выражении составляла 10 фунтов кожи³¹⁹.

Продажа продукции, изготовленной заключенными, в отдельных случаях приносила хороший доход. Примером может служить открытие сапожной и столярной мастерской в Смоленском ДПЗ в 1925 году. Для этого был произведен ремонт помещения и закуплено оборудование за счет средств от выполнения принудительных работ заключенными³²⁰, что указывает на определенную доходность тюремного производства.

Согласно архивным документам, на 30 октября 1919 года на бесплатных работах в Смоленском губернском доме заключения арестанты убирали двор и улицу – 4 человека, камеры и тюремные коридоры – 7 человек, в то время как на платных работах были зарегистрированы 2 кашевара, 3 хлебопека, 6 прачек и 2 больничных служителя³²¹.

Заклученных нередко использовали для выполнения канцелярской работы. Так, распределительная комиссия в августе 1920 года поручила откомандировать заключенного, знакомого со счетоводством на работу в карательный отдел. Два заключенных, М.Н. Александров и П.И. Вежанский, осужденные на 5 лет и 1 год соответственно³²², были направлены для ведения канцелярской работы в первый участок народного суда города Смоленска. Если учитывать, что имелись рекомендации направлять на внешние работы заключенных, осужденных на срок не более двух месяцев, приведенные примеры говорят о том, что образованных людей не хватало. Кадровые проблемы заставляли государственные органы использовать заключенных для ведения делопроизводства.

Образованные заключенные и сами стремились попасть на канцелярскую работу, так как этот труд был намного легче и денежней

³¹⁹ ГАСО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 367–369.

³²⁰ Там же. Л. 461.

³²¹ Там же. Ф. Р-1591. Оп. 1. Д. 39. Л. 297–297 об.

³²² Там же. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 226. Л. 132.

других видов работ. Так, например, Н. Назаревский два раза за год подавал заявления в распределительную комиссию с просьбой отослать его в государственное учреждение для исполнения канцелярской работы. Первый раз ему было отказано ввиду необходимости его присутствия в месте лишения свободы и выполнения там аналогичной работы. Однако спустя некоторое время эта задача была перепоручена другому заключенному и Н. Назаревский смог подать повторное прошение. В своем заявлении он указывал мотивы, побудившие его подать очередное обращение в распределительную комиссию: его семья остро нуждалась в денежных средствах, так как он имел престарелых родителей (отцу было 70 лет, матери 65), брат на тот момент находился в рядах Красной армии; ввиду такой жизненной ситуации им была необходима «какая-нибудь материальная поддержка»³²³.

В других регионах ситуация складывалась по-разному. Так, в Орловской губернии, согласно отчету за 1923–1924 финансовый год, в уездных местах заключения имелись «кое-какие мастерские», но далеко не в каждом. Они, как правило, работали на внутренние потребности исправительного учреждения. Всего по губернии за отчетный период было заработано 3842 рубля³²⁴. На этом фоне выделялся Орловский изолятор специального назначения, в котором действовало 8 мастерских. В марте 1924 года в изоляторе количество работающих в мастерских заключенных было следующим: столярная – 8 человек, бондарная – 2 человека, токарная по дереву – 2 человека, слесарная – 5 человек, жестяная – 5 человек, кузнечная – 2 человека, токарная по металлу – 1 человек, портновская – 10 человек, сапожная – 12 человек, ткацкая – на момент написания отчета не было рабочих, типография – 8 человек, переплетная – 5 человек,

³²³ ГАСО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 226. Л. 145.

³²⁴ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 1.

ремонтная – 10 человек. Общая численность заключенных, занятых на всех производствах, составляла около 90 человек³²⁵.

За 1923–1924 финансовый год столярной мастерской изолятора было изготовлено 45 столов, 89 табуреток, 12 сундуков, 57 скамей, 12 кроватей, 11 портсигаров, 8 кадок, 8 ушатов, 12 баков, 25 больших кадушек, 51 различная полка, 15 черпаков, 22 носилок, 2 лохани, 10 стеллажей, 8 плевательниц, отремонтировано 4 бочки, 7 столов, 6 лоханей, 40 кадок, 40 форточек, 11 стульев и «множество разной мелочевки». Слесарная мастерская дала 62 железных печи, 291 железную трубу, 194 ведра, 113 больших и 25 малых параш, 100 угольников, 62 самоварных трубы, 13 пар вьюшек, 11 фонарей, 11 ассенизационных черпаков, 67 колен к трубам, 25 молотков, 25 секир; кроме того были отремонтированы 1 печатная машинка, 2 токарных станка по металлу, 2 токарных станка по дереву и 52 кровати.

Результат работы кузнечной мастерской: подковано 586 конских ног, отремонтировано 28 больших замков, 38 малых замков, 78 ключей к ним, 57 медных кувшинов, 58 медных тарелок, 32 медные миски, 25 самоваров, 32 железные печки и 26 различных баков, не считая различной мелкой работы.

Портновская мастерская изготовила 57 шинелей, 12 полушубков, 20 шуб, 22 пальто, 74 бушлата, 400 телогреек на вате, 1770 кальсон, 1010 брюк, 884 рубашки, 2 френча, 8 костюмов, 12 гимнастеров, 4 кепки и 2 женские юбки³²⁶. Ткацкая мастерская изготовила 1967 аршин (1 аршин = 0,71 метра) подкладочного холста. Сапожная мастерская пошила 83 пары мужских сапог, 45 пар дамских сапог, 15 пар дамских бот, 109 пар разной обуви, 11 пар дамских сандалий и починила 598 пар различной обуви. Типографии отпечатала 2569 различных конторских книг, было

³²⁵ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 11.

³²⁶ Там же.

переплетено и сброшюровано 2796 книг, 67060 тетрадей, изготовлено спичечных коробок 61500 штук³²⁷.

В уездных местах заключения мастерские в указанный период в большинстве своем отсутствовали. Губернская инспекция главной причиной этого называла недостаточное финансирование. Изменений ситуации в лучшую сторону не предполагалось, поскольку Орловский губисполком вообще не включал такую статью расходов в смету бюджета на 1923–1924 финансовый год³²⁸.

В ведомости (см. *Приложения, док. № 9*) отражена информация по испрашиваемым кредитам для уездных мест заключения Орловской губернии, которые состояли на местном бюджете в 1923–1924 финансовом году. Цифры желаемых кредитов наглядно подтверждают тезисы руководителей региональной инспекции мест заключения о недостаточном финансировании. В процентном соотношении к общей сумме на деятельность производств при исправительных учреждениях выделялось от 3 до 11 % (455 рублей общего бюджета в 4030 рублей). Здесь на общем фоне выделялся лишь Елецкий исправительный дом, на производственные нужды которого в 1923–1924 году уходило чуть более 1000 рублей. Эта цифра была в среднем в два раза, а в отношении некоторых исправительных учреждений даже в пять раз, выше других. В то же время, если сравнивать с местами лишения свободы, которые финансировались из государственных средств, то цифры будут совершенно иными. Как видно из ведомости, на оборудование и ремонт мастерских Орловского изолятора специального назначения выделялось около 600 червонцев (один червонец равнялся десяти рублям золотом казначейскими билетами³²⁹), это было примерно в пять раз больше, чем

³²⁷ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 12.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М.: Экономика, 1928. С. 262.

получили уездные исправительные учреждения, находившиеся на местном бюджете по данной статье расходов.

Общий доход от внутренних и внешних работ основных исправительных учреждений в Орловской губернии в 1923 году составил 1 159 308 рублей (*см. Приложения, док. № 8*). Большую часть, конечно, давал Орловский изолятор специального назначения, годовой доход которого составил 73% от всей сети исправительных учреждений губернии, а по внутренним работам – 98% от общей суммы губернии в этой категории.

На какие нужды расходовать полученные от производственной деятельности средства, каждое исправительное учреждение решало само. Так, например, Орловский изолятор направил 10% от всей заработанной суммы на улучшение питания заключенных, в то время как Елецкий исправительный дом выделил на эти цели меньше одного процента. Ливенский исправдом отчислил около 15% заработанных денег на оплату труда инструкторов, Елецкий исправдом израсходовал на данные цели 11% от заработанных средств³³⁰.

Из этих же денег выплачивалась и заработная плата заключенным. Из ведомости ассигнований для Орловского изолятора в 1923 году видно (*см. Приложения, док. № 9*), что фонд заработной платы для заключенных составлял 24–25% от средств, заработанных исправительными учреждениями губернии. В расходы также входили деньги, выделяемые для улучшения содержания заключенных, они составляли от 15 до 41%. Отчет Орловского изолятора за 1927 год показывает, как была распределена прибыль в размере 28 679 рублей: 11 830 рублей – на расширение производств, 3764 – на улучшение питания заключенных, 3047 – на вознаграждения, 4301 – комитету помощи заключенным, 5735 – в пенитенциарный фонд³³¹.

³³⁰ ГАРФ. Ф. Р–4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 23.

³³¹ ГАОО. Ф. Р–1151. Оп. 1. Д. 323. Л. 26.

Дополнительный доход от работы мастерских напрямую зависел и от состояния последних. Орловский изолятор выделил на эти нужды 35% от суммы заработанных средств. Находясь в губернском центре, где экономика и потребности граждан развивались быстрее, чем в уездах, изолятор поэтому и вкладывал в производства существенную долю заработанных средств. Из всех уездных исправительных учреждений самая лучшая прибыль по внутреннему производству была у Елецкого исправдома. И на его развитие учреждение выделяло 17% от прибыли. Видя такие возможности, Ливенский исправдом решил вложить в формирование мастерских, которых практически не было, половину заработанных денег³³².

Среди местного населения Орловской губернии большой спрос имелся на кузнечные и плотницкие работы: ковку лошадей, починку повозок, оковку колес, починку сельскохозяйственного инвентаря и другие подобные работы. Всеми исправительными учреждениями были предприняты определенные действия с целью расширения количества внешних заказов. В первую очередь была произведена закупка необходимого инструмента и материалов, причем для некоторых мастерских были приобретены на 100% новые предметы оборудования. За 1923 год в некоторых исправительных учреждениях Орловской губернии удалось расширить производства: в слесарном, столярном, кузнечном, печатном. Расширение было настолько большое, что перестало хватать квалифицированной рабочей силы, а общее количество рабочих увеличилось с 80 до 130 человек. Все восстановление и ремонт мастерских производились силами заключенных³³³.

Согласно отчету Орловской губернской инспекции мест заключения за 1923–1924 годы, внешние работы в учреждениях исполнения наказаний не были развиты, меры по их расширению предпринимались. Так,

³³² ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 23.

³³³ Там же. Л. 36.

например, исправительные учреждения губернского центра взялись за работу по ремонту здания типографии «Труд» и помещения издательства «Красная книга» на общую сумму в 3000 рублей. Исправительные учреждения готовы были взять на себя и другие объекты, но губернские власти не находили для этого нужных средств.

Особое внимание в отчете уделялось Орловскому изолятору, как главному исправительному учреждению региона, в котором на 1 мая 1924 года содержалось 1116 заключенных. Работоспособными были признаны только 716 человек. Из них на внешних работах было занято 74 человека, на внутренних – 250³³⁴. С 1 октября 1924 года были взяты работы по очистке базарных площадей сроком на 6 месяцев с уплатой 1100 рублей. В том же месяце был приобретен ассенизационный обоз небольшого размера для выполнения ассенизационных работ, договор о которых был заключен с Орловским жилищным товариществом на сумму 1200 рублей. Ассенизацию, как наиболее перспективное с коммерческой точки зрения дело, было выгодно развивать, поэтому изолятор планировал расширить это направление с одного обоза до 20 лошадей³³⁵.

Уже в 1925 году инспекция мест заключения отмечала, что в Орловском изоляторе активно работала механически-слесарная мастерская, которая получила заказы на ремонт и переделку весов у почтового округа. Помимо этого был получен заказ на производство болтов для плугов. Данное производство оценивалось как очень выгодное из-за неограниченных потребностей в изделиях. Но все упиралось в нехватку средств: для развития производства надо было закупить пресс для болтов и другие инструменты, однако отсутствие средств ограничивало работу ручным способом, что очень осложняло и задерживало производство³³⁶.

³³⁴ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 45.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же. Д. 180. Л. 8.

Слесарная и жестяная мастерские изолятора обслуживали потребности преимущественно нужд мест заключений. В первой работало 29 человек, во второй 4. Столярная мастерская с 19 работниками изготавливала сани, классные доски, топчаны, столы, скамейки. Кузнечная мастерская с персоналом в 7 человек производила полки, сани и ремонтировала ассенизационный обоз. Сапожная мастерская «несколько оживилась» после поступивших заказов на производство одежды и обуви³³⁷.

Если в 1924 году в мастерских Орловского изолятора было занято около 90 человек, то уже в 1925 году расклад был такой: портновская – 14 человек, сапожная – 23 человека, столярная – 28 человек, слесарная – 27 человек, типографии – 28 человек, коробочная – 13 человек, пакетная – 7 человек, папиросная – 22 человека, кузнечная – 6 человек, весовая – 6 человек, медно-жестяная – 7 человек, рабочих на капитальном ремонте – 27 человек, сельскохозяйственное отделение – 19 человек, ассенизационный обоз – 14 выездов. Кроме того, на поденных работах было занято 6 человек. Итого в трудовой деятельности было занято 247 человек³³⁸. Из перечня (см. *Приложения, док. № 11*) работ, производимых Орловским изолятором в 1925 году видно, какой был доход от того или иного вида работы. Строительство и ремонт приносили больше всего средств.

В каждой мастерской имелись инструкторы-специалисты, которые были приглашены со стороны и находились на процентном обеспечении от прибыли их мастерской³³⁹.

Строгого разбора заключенных на категории не производилось, но заключенный высшего разряда получал в среднем 98 копеек, среднего – 28 копеек и низшего – 14 копеек ежедневно. Обучающиеся работали

³³⁷ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 9.

³³⁸ Там же. Д. 289. Л. 23

³³⁹ Там же. Л. 24.

бесплатно, получая добавки к еде в виде 1 фунта хлеба³⁴⁰. Зарплата выдавалась один раз в месяц. Квалифицированным работникам из числа заключенных изолятора ежедневно выдавалось дополнительно 2 фунта хлеба³⁴¹.

В Брянской губернии дела обстояли несколько иначе, чем в Орле. В самом начале развернуть эффективную производственную работу исправительных учреждений не получалось по нескольким причинам: отсутствие постоянных работников в мастерских из-за текучести заключенных; нехватка денежных средств для развития производственной базы. Помимо этого вплоть до 1922 года имела место и постоянная сменяемость начальников мест заключения, каждый из которых предпринимал определенные попытки по налаживанию эффективной производственной работы, но всем им не хватало опыта и времени из-за краткосрочности пребывания в должности. Лишь в 1923 году с приходом более «стабильных» и подготовленных руководителей «в тяжелых материальных условиях работа мастерских стала налаживаться»³⁴².

Способствовала повышению эффективности работы и новая система оплаты труда. В 1923 году в учреждениях исполнения наказаний губернии была введена так называемая сдельная оплата: заключенным выдавалась зарплата пропорционально произведенным продуктам или проделанной работе.

Процесс организации мастерских, как и в соседних Смоленской и Орловской губерниях, проходил в обстановке дефицита денежных средств. Местный бюджет смог выделить только 30 000 советских знаков, в условиях гиперинфляции это были мизерные деньги. Ввиду этого руководители исправительных учреждений вынуждены были активно использовать внешние работы для изыскания денежных средств. Половина

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 289. Л. 26.

³⁴¹ Там же. Л. 24.

³⁴² ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 115. Л. 70 об.

заработанных денег уходила на оборудование мастерских. Благодаря этому были обустроены некоторые мастерские.

На территории Брянского исправдома работало несколько мастерских: кузнечная, столярная, слесарная, портняжная, сапожная, токарная по дереву и по металлу. Общая трудоемкость мастерских составляла около 70 заключенных. Кроме того, в своем подчинении Брянский исправдом имел два кирпичных завода. До 1922 года завод был в распоряжении губернской инспекции, так как исправдом в тот период был «слишком занят» тремя находившимися в его ведение сельскохозяйственными фермами. До 1923 года на нем работали в основном заключенные из концентрационного лагеря принудительных работ, который располагался в Брянске³⁴³.

На начало 1922 года первый кирпичный завод не имел машинной выработки сырца, и потому вручную было сделано лишь 9000 заготовок. На втором заводе было две очень ослабленные лошади и разбитый обоз. К концу года, после пяти лет простоя, на заводе было выработано 246 720 штук сырца, из которых получилось 232 035 штук строительного кирпича. Другие 11 185 штук были бракованные. Кроме того, за год, к 1923 году, завод был переоборудован и пополнен обоз: имелось семь лошадей, дроги на железном ходу и на деревянном ходу, две коломахи и одна двуколка для подвоза глины, двое саней, двое подсанок и ко всему обозу соответствующее число лошадей и полный комплект упряжи. На приобретение мертвого инвентаря был потрачен 91 рубль, на живой – 462 рубля золотом, обоз обошелся в 204 рубля. Всего же на расходные материалы и оборудование было потрачено около 2490 рублей³⁴⁴.

Дополнительно на 1923 год были запланированы следующие виды работ: постройка двух новых сараев, увеличение числа рельсовых линий, капитальный ремонт казарм для заключенных, установка деревянной

³⁴³ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 115. Л. 70 об.

³⁴⁴ Там же. Л. 71.

ограды по периметру завода. Эти планы не удалось реализовать в полной мере ввиду постоянного движения контингента рабочей силы, так как заключенные постоянно менялись либо по причине окончания срока наказания, либо по причине амнистии, приходили новые. Поэтому ремонтные работы были перенесены на 1924–1925 годы.

Осложнялась работа кирпичного завода и трудностями с добычей глины, так как мощностей имеющегося 30-сильного мотора не хватало, а запасы доброкачественной глины постепенно истощались. В связи с этим удалось наработать только 246 720 штук сырца вместо запланированных 600 000. Однако руководство завода все же разрешило эту проблему и на замену старому мотору нашли другой, 50-сильный. Кроме того открыли новый карьер для добычи глины³⁴⁵. В таких условиях на 1924 год планировалось изготовить уже 700 000 сырца машинной выработки и 200 000 ручной, а обжечь 900 000 кирпича³⁴⁶.

Уже в 1924 году в Брянском губернском исправительном доме были организованы следующие мастерские: портновская, сапожная, слесарная, кузнечная, малярная, плотницкая. В августе заработала колбасная мастерская. Но, по оценке руководства исправительного учреждения, внутреннее производство нельзя было назвать удовлетворительным, так как организованы мастерские были кустарным способом и ни одна из них не была оборудована механическими машинами. Работы в первую очередь выполнялись по заказам губернского исправдома, а также для государственных учреждений, и только потом исполнялись частные заказы, но они были преимущественно мелкие³⁴⁷. От учреждений иногда поступали и крупные заказы, как, например, договор на изготовление 437 топчанов для военного ведомства или заказ от Госспирта на изготовление ящиков.

³⁴⁵ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 115. Л. 71 об.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. Д. 255. Л. 3.

Ассенизационный обоз имел шесть подвод, которые все были в удовлетворительном состоянии. За 1924–1925 год им было выполнено работ на сумму 3955 рублей. Главной его задачей, по сути, являлось обслуживание самого исправдома, так как последний не имел канализации и все отходы вывозились лошадьми. Кроме того, обоз обслуживал административный отдел ГИКа, городской милиции, резерва милиции, губернский отдел народного образования и выполнял частично мелкие заказы. От заработанных денег на расходы, обслуживание обоза и зарплату работникам ушло 2308 рублей, чистая прибыль составила около 1676 рублей³⁴⁸.

Что же касается кирпичных заводов, то первый был ориентирован на производство строительного кирпича, второй производил гжельский кирпич. Уже в отчете за 1924–1925 год губернская инспекция мест заключения фиксировала, что завод № 1 все еще работал преимущественно ручным способом, второй использовал примитивные машины на лошадиной силе. За указанный промежуток времени было произведено 481 750 штук строительного и 204 000 штук гжельского кирпича. Себестоимость строевого кирпича составляла 27 рублей за 1 тыс., гжельского – 25,5 рубля. Продажная цена была 35 и 38 рублей, соответственно.

Материальная база кирпичных заводов постепенно модернизировалась. В середине 1920-х годов на заводе № 1 была возведена новая напольная печь для обжига кирпича вместимостью 46 тыс. штук, поставлен новый сарай и отремонтирован старый, построено жилое помещение и конюшня. На втором заводе были произведены отдельные ремонтные работы. Сбыт гжельского кирпича не задерживался, покупатели иногда даже ожидали выхода кирпича из обжига и записывались в очередь. На строительный кирпич спрос был небольшой и его сбыт задерживался. На момент написания отчета оставался запас в

³⁴⁸ ГАБО. Ф. Р–2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 4.

размере 250 тыс. штук. Ввиду такого спроса звучали рациональные предложения по расширению производственных мощностей на втором заводе, но сделать это не получилось из-за недостатка денежных средств³⁴⁹.

На внешние работы из числа заключенных губернского исправительного дома назначались главным образом крестьяне и рабочие, но не из числа социально-опасных, а благонадежные, которые, по мнению администрации исправительного учреждения, были неспособны совершить побег. Работы в основном выполнялись на прикрепленных к губернскому исправительному дому предприятиях (кирпичные заводы и фермы), а кроме того, в лесничестве, на мехартзаводе, артскладе, частные плотнические работы и т.д. Всего на них было занято около 130–150 человек. За отчетный 1924–1925 год на внешних работах, не считая своих предприятий, было заработано 1978 рублей, из которых было израсходовано на разные нужды 1647 рублей и чистая прибыль составила 281 рубль³⁵⁰.

В части простого увеличения доходов благодаря обязательному привлечению заключенных к труду на базе создаваемых мастерских в 1924–1925 году Брянская губернская инспекция мест заключения отмечала положительную динамику по сравнению с предыдущим периодом. Деятельность всех мастерских оценивалась как удовлетворительная, за исключением таковых в Почепском доме заключения, который находился на стадии организации и еще не смог оборудовать мастерские. Не справлялся с поставленными задачами и Севский исправдом, где была сокращена должность инструктора по работе, вследствие чего производительность упала. Системной оставалась и проблема с оплатой труда: ГИК и другие учреждения задерживали оплату счетов по выполненным заказам, отсюда происходили перебои в работе производств,

³⁴⁹ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 4 об.

³⁵⁰ Там же.

поскольку не за что было приобретать материалы. Для решения этой проблемы предпринимались меры даже на уровне губисполкома³⁵¹.

В 1925 году у некоторых губернских исправительных учреждений появились новые виды внешних работ: в Карачеве – лесные разработки и чистка железнодорожных путей от снега, в Брянске – чистка железнодорожных путей от снега, в Жиздре – заготовка металлических обручей³⁵². Появлялись новые мастерские: ложечная, оружейная, женская портновская в Брянске и прядильная в Карачеве. Их работа в большинстве случаев также сводилась в первую очередь к обслуживанию нужд мест заключения, а затем к выполнению заказов госучреждений, предприятий и частных лиц³⁵³. Хотя в Карачеве было организовано веревочное производство для выполнения заказов для Ленинградского пенько-треста, Губсельпромсоюза и Утекстиля. Брянский исправдом заключил договор с Моспогрузом на разборку старых паровозов и разгрузку вагонов. Из выполненных наиболее крупных заказов следует отметить работы в Брянске для воинских частей на сумму 1960 рублей. Кроме того, было изготовлено строевого кирпича 93 454 шт., гжельского 92 779 шт., в Карачеве произведены ассенизационные работы на сумму 4071 рубль, а также продано веревок на 621 рубль³⁵⁴.

Но, видимо, производственная деятельность учреждений исполнения наказаний в Брянской губернии шла не совсем гладко. В 1927 году были сняты с должностей начальник Брянского губернского исправдома, его помощник, отвечающий за рабочую часть, главный бухгалтер, инструктор и заведующий городским сельскохозяйственным отделением. Против последнего было возбуждено уголовное дело. В это же время Брянский исправдом окончательно «уходит в монопрофильность» – в сторону фабричного производства кирпича. Было изготовлено 630 тыс. штук

³⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 148. Л. 3.

³⁵² Там же. Д. 265. Л. 5.

³⁵³ Там же. Д. 148. Л. 3.

³⁵⁴ Там же. Д. 265. Л. 13–14.

кирпича, что составляло 80% от возможной производительности заводов. Дальнейший рост производства осложнялся изношенностью оборудования³⁵⁵. Хотя, по утверждению руководства губернской инспекции, качество кирпича, выпускаемого на заводе при исправдоме, ничем не отличалось от других заводов Брянской губернии³⁵⁶.

Помимо заводов, у Брянского исправдома было восемь мастерских: деревообрабатывающая, сапожная, портновская, малярная, переплетная и ассенизационная. В Карачеве – столярная, слесарно-кузнечная, сапожная, портновская, переплетная, веревочная и ассенизационная мастерская, а также в течение года была организована гарнизонная прачечная. Все вышеуказанные мастерские были ремесленного типа и работали исключительно на заказы³⁵⁷. Качество выпускаемой продукции в мастерских было значительно лучше продукции, представленной на местном рынке³⁵⁸.

Средний заработок заключенного, занятого на производстве, по всей губернии составлял около 36 копеек в день. На кирпичных заводах оплата исчислялась исходя из разряда рабочего, в то время как в мастерских на оплату труда уходило от 20 до 60% заработанных средств. В 1926-1927 финансовом году на кирпичных заводах трудилось около 120 заключенных со средней оплатой труда 3 рубля 85 копеек в месяц. В мастерских Брянского губернского исправдома трудилось в среднем 70 человек. Зарплата значительно отличалась от ставки работников завода, так и сотрудников разных мастерских. Так, в столярной средний заработок составлял 12 рублей в месяц, в сапожной – 18 рублей, а в кузнечной всего 2 рубля 88 копеек³⁵⁹.

³⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 301. Л. 17.

³⁵⁶ Там же. Л. 18.

³⁵⁷ Там же. Л. 17.

³⁵⁸ Там же. Л. 18.

³⁵⁹ Там же. Д. 313. Л. 5

Вся сумма заработанных средств за 1926–1927 бюджетный год составляла около 66 506 рублей, из которых кирпичный завод № 1 дал 21 106 рублей, кирпичный завод № 2 – 10 306 рублей, столярная мастерская – 26 763 рубля, сапожная – 4795 рублей, портняжная – 1214 рублей, кузнечная и слесарная – 2320 рублей. Главный доход, безусловно, обеспечивали два кирпичных завода, максимальная выработка которых в отчетном году, согласно отчету губернской инспекции, составляла 2 000 000 шт. строительного и 300 000 шт. гжельского кирпича³⁶⁰. Достичь такого прироста производства на первом кирпичном заводе стало возможным благодаря начавшемуся в 1926 году постепенному переоборудованию: была отремонтирована гофманская печь, старые сараи, построены новые. Ремонт будет завершен лишь весной 1928 года, хотя из-за проблем с кирпично-делательной машиной отказаться полностью от ручного производства не получилось³⁶¹. Не соответствовали своей должности и приглашенные для настройки и отладки производственного процесса мастера, в силу чего производилось много бракованного кирпича. Снижало производительность и нежелание заключенных заниматься тяжелой работой за небольшую заработную плату³⁶².

Отдельным направлением производственной деятельности мест заключения являлась сельскохозяйственная отрасль. Задача заключалась в производстве сельхозпродукции для нужд самих учреждений исполнения наказаний. Для организации этой работы начальник ДПЗ изначально подавал заявку в отдел госимущества на предоставление земли для сельскохозяйственных работ.

28 ноября 1918 года циркуляром Центрального карательного отдела НКЮ были введены в практику земледельческие колонии как отдельный

³⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 313. Л. 5.

³⁶¹ Там же. Л. 6.

³⁶² Там же.

вид исправительного учреждения³⁶³. Их организация должна была осуществляться за счет закрытия мелких тюрем. Позже Исправительно-трудовой кодекс 1924 года установил различные формы организации отбывания наказаний, среди которых были сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные колонии. В них должны были направляться заключенные, приговоренные к лишению свободы без строгой изоляции на срок не более 5 лет, если приговором суда будет установлено, что, принадлежа к трудящимся, они по неосознанности совершили преступление в первый раз, случайно или вследствие тяжелых материальных условий, и если они не внушают опасений в смысле побега³⁶⁴. Несомненно, в таких колониях основным видом деятельности заключенных являлся труд. Нередко они были прикреплены к более крупным местам заключения, которые совместно должны были обеспечивать друг друга продовольствием и другими видами производимой продукции.

Очевидно, что ни о какой самоокупаемости мест заключения в части обеспечения продуктами питания собственного производства говорить не приходится. Однако общие показатели оказались не такими уж и незначительными. В 1923 году в колониях Смоленской губернии были засеяны большие площади земли и получен общий урожай: ржи – 766 п. 30 ф.; ячменя – 461 п. 20 ф.; овса – 3365 п. 33 ф.; пшеницы – 212 п. 25 ф.; гречихи 423 п.; моркови – 515 п.; брюквы – 1629 п.; капусты 4587 п.; яблок – 1637 п.; клевера – 5665 п.; сена – 17813 п.; картофеля – 9790 п. и других сельскохозяйственных культур. В колониях имелись 51 лошадь, 82 коровы, 43 свиньи и 104 овцы³⁶⁵.

³⁶³ Циркуляр Центрального карательного отдела НКЮ от 28 ноября 1918 года «Об организации сельско-хозяйственных колоний для лишенных свободных» // Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917–1920 гг. М., 1921. С. 48.

³⁶⁴ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 11.11.2016).

³⁶⁵ ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 2. Д. 5. (1923). Л. 60.

Колонии значительно различались по своей производительности. Здесь многое зависело от состояния выделенных земель, их местонахождения, имевшихся построек, организации работ и других факторов.

Одной из примерных смоленских колоний, где активно велись сельскохозяйственные работы, была «Астрогань» (ныне деревня в Кардымовском районе Смоленской области). Данная сельхозколония являлась образцом на протяжении всех 1920-х годов. Прибыль колонии за 1927–1928 финансовый год составила 2024 рубля 85 копеек, на 66 % превысив показатели предыдущего года³⁶⁶. В 1929 году в колонии имелось 40 взрослых коров, 2 взрослых быка, 2 бычка, 11 телят. На момент осмотра доилось около 20 коров, общий объем получаемого молока составлял 109 литров в день, при среднем удое с головы 5 литров. Также помимо собственного производства молока производилась его закупка у гражданских лиц. За год колонией было произведено и закуплено 59 566 литров молока, из которых на продажу ушло 43 942 литра³⁶⁷; изготовлено 22,5 кг сливочного масла³⁶⁸.

Смоленский дом заключения изначально получил в свое пользование сельскохозяйственное отделение «Привет», которое специализировалось только на овощах и корнеплодах, как огородническое производство. При передаче данного отделения в ведение места заключения оно находилось в запущенном состоянии, и администрации исправительного учреждения удалось отремонтировать только часть построек и приобрести небольшое количество инвентаря. Для производства других сельскохозяйственных культур и фуража Смоленский дом заключения получил земли находящегося рядом со Смоленском совхоза «Печерск». Он обладал хорошими угодьями, пахотными площадями, которые представляли из

³⁶⁶ ГАСО. Ф. Р-788. Оп. 1. Д. 400. Л. 35.

³⁶⁷ Там же. Л. 34.

³⁶⁸ Там же.

себя «ровные поля с плодородной почвой с уклоном на восток»³⁶⁹. За 1924 год было заготовлено 13 тыс. пудов сена для фуража, 700 пудов овса, 3,5 тыс. пудов картофеля. Из этого часть фуража была направлена на продажу, а на вырученные деньги приобретен рогатый скот и лошади, что, по мнению администрации, позволяло бы вести нормальное, полноценное хозяйство в будущем³⁷⁰. Здесь колонисты активно принимали участие в различных видах работ: косили, сушили и собирали сено, вывозили навоз на поля и вспахивали землю, помогали ухаживать за свиньями и курами, также привлекались для уборки урожая³⁷¹.

В 1923 году при Орловском изоляторе имелась одна ферма и два небольших совхоза. Ферма «Образцово» находилось в 6 верстах (около 6,4 км) от совхоза «Журавлево». Ферма имела два участка по 70 и 1000 десятин пахотной земли, 5 лошадей, 1 корову, 6 ягнят и 31 поросенка. Жилые постройки находились в удовлетворительном состоянии, хотя и требовали некоторого ремонта. Большинству хозяйственных строений нужен был срочный капитальный ремонт³⁷².

Уже в 1924 году общее количество земли фермы «Образцово» уменьшилось и составляло 56 десятин. Живым инвентарем ферма была обеспечена на 50%, другим – на 60%. Состояние жилых помещений оценивалось как хорошее, надворных – среднее. При ферме были подсобные предприятия: молочное (4 коровы, 1 сепаратор), свиноводство (5 свиней), кузнечная и плотницкая мастерские. Все продукты, получаемые с полевой фермы, шли на питание заключенных. В планах на 1925 год руководство фермы ставило перед собой задачи довести до 100% обработки садово-огородническое дело, увеличить до 200 голов молочное стадо, расширить деятельность имеющихся предприятий³⁷³.

³⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 3. Д. 229. Л. 2.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ ГАСО. Ф. Р.-42. Оп. 1. Д. 3. Л. 304.

³⁷² ГАРФ. Ф. Р.-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 13.

³⁷³ Там же. Л. 44.

Однако в 1925 году ферма, по всей видимости, была реорганизована и разбита на три отдельные усадьбы: Телегинская усадьба имела фруктовый сад на 22 десятины и 2175 яблонь, 124 груши, 7 десятин под огороды и 10,5 десятины под распахку. Зарубинская усадьба содержала небольшой сад на 203 фруктовых дерева (яблони и груши), 6 десятин огородов и немного под постройки. Нарышкинская усадьба состояла из сада площадью 6 десятин (940 плодовых деревьев), $1\frac{1}{4}$ десятины пашни, $1\frac{3}{4}$ десятины под постройками. Всего годной к эксплуатации земли у сельскохозяйственного предприятия было 13 десятин под огородами, $11\frac{3}{4}$ под полевые работы, $29\frac{3}{4}$ занимали сады, и на 2 десятинах располагались постройки³⁷⁴.

Живым инвентарем все сельхозотделения были обеспечены на 90%: имелось 6 лошадей, 4 коровы, 1 телка, 1 бычок, 1 теленок, 2 свиньи. Жилые постройки были в хорошем состоянии, надворные – в среднем. Имелся сепаратор, из произведенного молока делались сливки и масло³⁷⁵. С 1 февраля 1926 года, согласно приказу ГУМЗ, бывшая сельскохозяйственная ферма Орловского изолятора была преобразована в сельскохозяйственную колонию³⁷⁶.

Совхоз «Журавлево» имел 2,5 десятины земли, задействованные под сад, 28 десятин под пахотные и 5 десятин под луговые земли. Жилые и хозяйственные помещения находились в удовлетворительном состоянии, требовали небольшого ремонта³⁷⁷.

Совхоз «Шеншино» располагал усадебным участком вместе с садом площадью около 5 десятин земли, в 1923 году было 9 десятин пахотной земли, но в отчетный период эта часть земли отсутствовала, так как уездный земельный отдел (далее УЗО) не выделил участков. В связи с данным обстоятельством губинспекция предлагала ликвидировать данный

³⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 10.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Там же. Д. 289. Л. 38.

³⁷⁷ Там же. Д. 105. Л. 13.

совхоз. В совхозе имелась 1 лошадь, 1 повозка, 1 сани и 1 борона. Жилищные и хозяйственные постройки находились в «очень ветхом состоянии»³⁷⁸.

В Брянской губернии в 1924 году в распоряжении Брянского исправительного дома были три фермы: Мякишево, Морачево и Горферма. Мякишево находилось примерно в 35 верстах, Морачево в 55 верстах, Горферма вблизи Брянска. Мякишево имело 90 десятин пашенной земли, 1 десятину под огороды, 15,5 десятины занимали сады, 40 десятин – луга, 0,9 десятины были под усадьбой всего более 152 десятины земли. Морачево имело около 68 десятин под пашней, 5 под садами, 5 под огородами, 18,5 десятины занимали луга, 15 было под усадьбой, а общая площадь составляла 101,5 десятины земли³⁷⁹.

Горферма занимала 71 десятину под пашней, 4 десятины использовались под огороды, усадьба занимала 1 десятину, неудобной земли было 14 десятин, и в общей сложности – около 90 десятин³⁸⁰.

Удаленность от Брянска и от станции железной дороги Морачевской фермы в итоге, привела к ее ликвидации в апреле 1924 года³⁸¹. Постройки и земля передавались в губернское земельное управление, при этом Брянскому исправному позволено было снять урожай озимых. Весь имевшийся на ферме инвентарь был распределен между фермой в Мякишево и городской³⁸².

На базе Мякишево в это время планировалось организовать образцово-показательное сельское хозяйство³⁸³ с уклоном в полеводство и огородничество, с развитием подсобных отраслей – овцеводства и свиноводства³⁸⁴. Однако осуществить такие планы не удалось. Более того,

³⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р.-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 13.

³⁷⁹ Там же. Д. 148. Л. 4

³⁸⁰ Там же.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же. Л. 10.

³⁸³ Там же. Л. 4.

³⁸⁴ Там же.

по причине убыточности фермы было принято решение о ее ликвидации в течение 1926 года.

Городская ферма продолжала давать хорошие показатели: в отчетном финансовом 1925–1926 году ферма имела жилые помещения на 30 человек, достаточный инвентарь: 6 плугов, распашник, 35 деревянных борон и одну пружинную борону, 4 деревянных плуга, 3 сеялки, 2 конных грабель, 2 жнейки, 2 сенокосилки, молотилку, веялку, сортировку и другое оборудование. Хотя при всем многообразии инвентаря губернская инспекция считала, что городская ферма «была оборудована только на 75%»³⁸⁵. Из скота на городской ферме имелось 22 молодых лошади, 5 жеребят, 12 поросят. Для обслуживания нужд фермы работала небольшая кузница кустарного типа.

В периодических изданиях исправительных учреждений иногда публиковались материалы о сельскохозяйственных фермах. Д.В. Ливенцев приводит отрывок из литературно-научно-художественного журнала Царицынского губернского исправительного дома: «Нет сомнения, что каждый, хотя бы поверхностно проследивший жизнь на фермах Исправдома, жизнь и настроение тамошних заключенных, стремления и видимые добрые результаты физических и нравственных трудов, тот унесет с собой лучшие впечатления виденного, и почем знать, – не заронят ли эти впечатления в его сомневающуюся мысль проблеска той светлой жизни, к которой так неудержимо стремится все человечество»³⁸⁶. Если в целом рассматривать отношения заключенных к трудовой деятельности, замечает Д.В. Ливенцев, то некоторые из них высказывали идеи, что такой труд будет иметь воспитательный эффект только в том случае, если будет оплачиваться, а не будет рабовладельческим. Кроме того оплата должна

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р.–4042. Оп. 3. Д. 301. Л. 19.

³⁸⁶ Ливенцев Д.В. Требования советских заключенных по либерализации режима содержания в 20-х гг. XX в // Границы прав и свобод личности с точки зрения либертарно-правовой теории (к 80-летию академика РАН В.С. Нерсисянца): сборник трудов международной научной конференции, Воронеж, 2018. С. 261.

производиться только заключенным, приговоренным до 3 лет лишения свободы. Это побудило бы судебные органы выносить мене строгие приговоры³⁸⁷.

В части трудовых земледельческих колоний следует заметить, что никакой прибыли колонии не приносили, однако в некоторой степени снабжали местные исправительные учреждения продуктами. Их производительность сильно различалась: все зависело от выделенных земель, их местонахождения, имевшихся построек, организации работ и других факторов. Наиболее успешными были колонии, которые прикреплялись к исправительным учреждениям региональных центров: например, «Печерск», принадлежавший Смоленскому дому заключения, «Образцово» при Орловском изоляторе и городская ферма вблизи Брянска.

Похожая ситуация в организации трудовой деятельности заключенных была зафиксирована исследователями в других регионах РСФСР. Как отмечает А.В. Быков, сфера применения труда арестантов была очень широкой в исправительных учреждениях Западной Сибири. Заключенные-специалисты могли направляться на рядовые технические, канцелярские (бухгалтер, инженер и т.д.) и вполне ответственные должности (например, помощник заведующего, главный бухгалтер).

На внешних работах, как правило, требовался неквалифицированный труд. В целом были распространены погрузочно-разгрузочные работы на железнодорожных и речных станциях, ассенизационные работы, чистка улиц от снега в зимний период. Как и в изучаемых регионах, внешние работы активно развивались в региональных центрах и крупных городах, где была большая сфера применения дешевого труда заключенных. Кроме того, на перечень работ сильно влияли географические условия и инфраструктура.

³⁸⁷ Ливенцев Д.В. Требования советских заключенных по либерализации режима содержания в 20-х гг. XX в. С. 260.

Однако развивать это направление мешало отсутствие одежды и обуви для заключенных³⁸⁸.

Отличительной особенностью Западной Сибири от изучаемых регионов является то, что на внутренних работах было задействовано больше заключенных, нежели на внешних. Согласно данным А.В. Быкова, в Омском доме принудительных работ в 1922 году 58,5% трудового времени заключенных уходило на внутренние работы. В Новониколаевском исправительном доме данный показатель составлял 47,3%. Однако исследователь обращает внимание на то, что большинство внутренних работ были направлены на удовлетворение собственных нужд заключенных и не приносили прибыли³⁸⁹. В то же время, согласно сведениям К.А. Пименова, Челябинскому исправительному дому весной 1923 года был сдан в аренду Трехсвятительский золотой прииск для организации там работ для заключенных, а добываемое золото сдавалось в Екатеринбургский госбанк. Первоначально данное внешнее производство считалось убыточным, но в скором времени исправдому был выдан специальный кредит на обустройство прииска, и постепенно добыча золота была увеличена³⁹⁰. В результате успешность и прибыльность трудовой деятельности заключенных во многом зависела от географических особенностей региона, как это видно на примере Брянской и Челябинской губерний, где природные ресурсы позволяли активно развивать внешние работы для заключенных.

Построить мастерские было затруднительно, так как здания большинства исправительных учреждений изначально не предполагали такого вида деятельности. Проблема устройства мастерских сохранялась не только в изучаемых регионах, но и на территории Сибири вплоть до конца 1920-х годов. В основном это были производства ремесленного типа, не

³⁸⁸ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 205–206.

³⁸⁹ Там же. С. 207.

³⁹⁰ Пименов К.А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1917–1930-е гг.: историко-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2010. С. 182.

требующие больших денежных затрат и квалифицированной рабочей силы: швейные, портняжные, сапожные, слесарные, кузнечные и столярные мастерские. Среди мастерских, требующих квалифицированных работников, было распространено типографское дело³⁹¹.

Такая же ситуация с трудовой деятельностью заключенных наблюдалась и в Уральском регионе. На внешних работах арестанты использовались для рубки дров, заготовки древесины и уборки мусора. Внутренние работы производились в различного рода мастерских: сапожной, слесарной, столярной, кузнечной, портновской и санной. Они, как и во всех выше представленных регионах, в первую очередь работали на обеспечение нужд самих мест лишения свободы³⁹².

Таким образом, процесс организации труда заключенных в исправительных учреждениях Смоленской, Брянской и Орловской губерний принципиально не отличался от общероссийской практики того времени.

Руководство системы исполнения наказаний придавало огромное значение трудовой деятельности заключенных и всячески старалось регламентировать этот процесс. Заключенный должен был почувствовать себя в естественных трудовых условиях и привыкнуть к ним, чтобы после освобождения продолжить честно трудиться. Человек, попавший в исправительное учреждение, имел шанс получить профессию, например кузнеца или плотника, и после отбывания наказания мог бы трудиться по полученной профессии. Все это соответствовало концепции исправления заключенного через труд.

На практике дела обстояли несколько сложнее. Приведенные тезисы были актуальны для внутренних работ, с организацией которых многие исправительные учреждения регионов имели затруднения. Главная

³⁹¹ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 208–210.

³⁹² Пименов К.А. Советская пенитенциарная система на Урале в 1917–1930-е гг.: историко-правовое исследование: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2010. С. 156.

проблема – отсутствие должного финансирования. Существовала тенденция, когда первоначальный капитал для организации мастерских большинство мест лишения свободы находили за счет внешних работ. Поэтому в лучшем положении находились тюрьмы, расположенные в региональных центрах, так как они имели больше заказов на строительные, ремонтные и ассенизационные работы.

Общая эффективность трудовой деятельности не была высокой. Как правило, большинство заказов поступало от пенитенциарных учреждений для удовлетворения собственных нужд, что не приносило большого дохода. Это позволяло системе снизить расходы на простые бытовые вещи, например одежду для заключенных и ремонт инструмента. Тем самым удавалось достичь улучшения условий для арестантов. Некоторым исключением среди всех изучаемых регионов являлся Брянский исправдом, который имел в пользовании два кирпичных завода. Это стало возможным благодаря географическим особенностям местности и предприимчивости руководства Брянского губернского управления мест заключения.

2.2. Культурно-просветительская работа в местах лишения свободы

В XX веке происходит переосмысление целей наказания. Неотъемлемой частью уголовно-исправительной системы становится труд. Одновременно используются и другие средства воздействия на заключенных. Возрастает роль культурно-просветительской работы в местах лишения свободы. Хотя опыт этот уходит своими корнями еще в самое начало XIX века, когда Александр I утвердил «Правила для Попечительного Общества о тюрьмах», где перед пенитенциарной системой ставилась задача организации библиотек в местах заключения, а также провозглашалась необходимость обучения заключенных грамоте³⁹³.

В Общей тюремной инструкции 1915 года тоже уделялось внимание духовному и нравственному воспитанию заключенных. Арестанты в специально отведенное время должны были посещать богослужения.

В первом документе советского периода, который регламентировал деятельность исправительных учреждений (указанное ранее постановление Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 года «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)»)³⁹⁴, ничего не говорилось о каких-либо формах культурно-просветительской деятельности. В циркуляре Центрального карательного отдела от 20 ноября 1918 года уже были обозначены первоочередные задачи для местных отделений карательного отдела. Среди прочего было сказано, что необходимо организовать школьное обучение и осуществить правильную

³⁹³ Петренко Н.И., Никифорова И.А. Влияние Общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obschestva-popechitel'nogo-o-tyurmah-na-otekchestvennuyu-penitentsiarnuyu-sistemu-v-pervoy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 19.08.2017).

³⁹⁴ Постановление Наркомюста РСФСР от 23.07.1918 «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_325.htm (дата обращения: 10.11.2016).

постановку библиотечного дела в трудовых колониях³⁹⁵. А после принятия 26 декабря 1919 года декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР»³⁹⁶ в деятельности ИТУ учебно-воспитательная работа, в первую очередь школьная, стала первоочередной задачей.

Почти через год в «Положении об общих местах заключения РСФСР» от 15 ноября 1920 года уже отдельный раздел был посвящен организации и деятельности учебно-воспитательной части в местах заключения. Для содержащихся под стражей заключенных должны были обязательно организовываться школьные занятия, на проведение которых отводилось специальное время в расписании дня исправительного учреждения. Заведующий учебно-воспитательной частью руководил всеми преподавателями, воспитателями, а в некоторых местах заключения мог выполнять обязанности учителя-воспитателя. На эту должность могли назначить человека, обладающего педагогическим стажем не менее трех лет, со специальной пенитенциарной подготовкой³⁹⁷. Заведующий председательствовал в педагогическом коллективе, членами которого являлись все преподаватели и воспитатели конкретного места заключения. Коллектив в своей деятельности руководствовался распоряжениями Центрального карательного отдела и директивами губернского карательного отдела. Они разрабатывали программы по отдельным предметам, учебные планы, расписания занятий, которые утверждались коллегией места заключения, распределяли людей по учебным группам и перемещали их из одной группы в другую, соответственно их школьным успехам. Также обсуждали возможность применения к лишенным свободы различных мер воспитательного воздействия. Посещение школьных занятий было обязательным для всех лиц, не достигших 50-летнего

³⁹⁵ Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917–1920 гг. М., 1921. С. 40.

³⁹⁶ СУ РСФСР. 1919. № 67. С. 592.

³⁹⁷ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959) г. М., 1959. С. 78.

возраста. Освободить от обязательного посещения могла коллегия места заключения. Занятия проходили по два часа и проводились не реже двух раз в неделю. Количество обучающихся в группе не могло превышать 40 человек на одного преподавателя.

В целях улучшения учебно-воспитательной работы в исправительных учреждениях 30 июля 1920 года был издан декрет СНК «О передаче Народному комиссариату просвещения культурно-просветительской работы в местах лишения свободы». В рамках своей подведомственной деятельности Наркомпрос совместно с ЦКО разработал Положение о просветительской работе в местах заключения. В нем повторялись уже известные цели и задачи просветительской работы, а также подчеркивалось, что заключенные являлись «тяжелыми объектами» для обучения и воспитания, поэтому в местах лишения свободы лучше было бы иметь наиболее квалифицированные кадры³⁹⁸. Очень скоро станет ясно, что Наркомат просвещения не может обеспечить надлежащее качество деятельности в учебно-воспитательной сфере из-за недостатка педагогических работников. В связи с этим в апреле 1922 года очередным декретом СНК культурно-просветительская работа «вернулась» в Наркомат юстиции³⁹⁹.

Наиболее наглядные результаты были заметны в практике учреждений исполнения наказаний по ликвидации безграмотности среди заключенных. В 1925–1926 годах в местах лишения свободы работал 291 пункт ликвидации безграмотности. По официальным данным ГУМЗ, ежемесячно в школах для неграмотных обучалось от 3000 до 3600 заключенных, для малограмотных – примерно 2000 человек, а в школах повышенного типа – около 700 человек⁴⁰⁰.

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. А.–2306. Оп. 1. Д. 318. Л. 152–152 об. Копия.

³⁹⁹ Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). М., 1959. С. 98.

⁴⁰⁰ Ширвиндт Е. Г. Пенитенциарное дело в РСФСР в 1924–25 году // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 50/51. С. 1531.

Кроме непосредственных занятий, преподаватели организовывали проведение лекций, бесед и занятий по отдельным предметам, как в учебных помещениях, так и в камерах. Их предмет, темы и объем определялись и утверждались собственно педагогическим коллективом. Предполагалось, что сам образовательный процесс будет максимально индивидуализированным. Также в обязанности учителя входили наблюдение за тем, какую литературу читает арестант, советы относительно выбора книг и контроль усвоения прочитанного. С этой целью он мог посещать камеры⁴⁰¹. В целом, считает Е.Г. Михеенков, вопросам обучения осужденных, и прежде всего ликвидации безграмотности среди них, в рассматриваемый период уделялось значительное внимание⁴⁰². Хотя идеализировать данную работу также не приходится. Особенно в вопросе кадрового ее обеспечения.

В это же время впервые в отечественной пенитенциарии были установлены и обязанности воспитателя⁴⁰³. Причем требования к воспитателю были более высокие, чем к учителю. Воспитателем могло быть лицо не только с образованием не ниже среднего, но и с пенитенциарной подготовкой и на практике знакомое с режимом заключения. Он обязан был изучать личность и характер каждого заключенного, наблюдать за их межличностными отношениями, за поведением во время работы и в свободное от работы время, отмечать происходившие изменения в процессе воспитательного воздействия. Свои

⁴⁰¹ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959). М., 1959. С. 79.

⁴⁰² Михеенков Е. Г. Воспитательная работа с заключенными в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири в эпоху нэпа // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2(85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnaya-rabota-s-zaklyuchennymi-v-penitentsiarnoy-sisteme-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-epohu-nepa> (дата обращения: 04.02.2021).

⁴⁰³ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 155.

пометки и замечания воспитатель должен был делать на листках характеристик установленного образца⁴⁰⁴.

Кроме лекций и бесед, в общих местах заключения администрация могла организовывать концерты, спектакли и иные образовательно-культурные мероприятия. К подготовительным работам, связанным с организацией этих развлечений и участием в них, по возможности, должны были привлекаться и заключенные. Общее руководство возлагалось, по общим правилам, на заведующего учебно-воспитательной частью. Программа каждого мероприятия предоставлялась на согласование коллегии места заключения⁴⁰⁵.

Вопросы образования заключенных нашли свое развитие и в исправительно-трудовом кодексе 1924 года. Главная задача определялась в виде поднятия «интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных путем сообщения им как общеобразовательных, так и профессиональных знаний, а также ознакомления с основами советского строя и правами и обязанностями гражданина Союза ССР»⁴⁰⁶. Основной задачей школьных занятий объявлялась как минимум ликвидация общей и политической безграмотности. Обучаться должны были все неграмотные и малограмотные заключенные, не достигшие 50-летнего возраста⁴⁰⁷. Данные положения ИТК соответствовали общему курсу страны, направленному на ликвидацию безграмотности, который был установлен декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 26 декабря 1919 года «О ликвидации безграмотности среди населения Р.С.Ф.С.Р.»⁴⁰⁸.

⁴⁰⁴ Постановление НКЮ от 15 ноября 1920г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959). М., 1959. С. 78.

⁴⁰⁵ Там же. С. 80

⁴⁰⁶ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 11.11.2016).

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Декрет Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. от 26 декабря 1919 года «О ликвидации безграмотности среди населения Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 67. С. 592.

В связи с развитием культурно-просветительской работы в местах заключения циркуляром ГУМЗ № 297 от 2 августа 1926 года были введены новые должности камерных или коридорных культурников⁴⁰⁹, а также утверждена инструкция по организации их работы. Они должны были привлекать как можно большее количество заключенных к культурно-просветительской работе, направленной на борьбу со старым бытом и его пережитками, а также содействовать организации надлежащей педагогической среды непосредственно в тех условиях, в которых живут заключенные, то есть в отдельных камерах и на этажах⁴¹⁰.

Камерные и коридорные культурники выбирались самими заключенными либо внутри отдельно взятой камеры, либо на этаже на срок до трех месяцев, после чего их состав обновлялся. При этом на 15 арестантов должен был приходиться один камерный культурник, а коридорный выбирался на один коридор. Список выбранных культурников из числа заключенных предоставлялся заведующему учебно-воспитательной работой, который, в свою очередь, утверждал его у начальника исправительного учреждения⁴¹¹.

В обязанности камерных и коридорных культурников входили получение и распределение газет и журналов между заключенными; организация громкого чтения газет и журналов с последующим обсуждением по затрагиваемым в них общественно-политическим, научным и хозяйственным вопросам; проведение громких чтений литературно-художественных произведений, биографий вождей революции, выдающихся деятелей искусства и науки и других выдающихся личностей; вовлечение заключенных в культурно-массовую работу путем товарищеского влияния, а также приучение к систематическому посещению мастерских, школьных и курсовых занятий, различных кружков, библиотеки, лекций, докладов, концертов и других

⁴⁰⁹ ГАСО. Ф. Р.-437. Оп. 1. Д. 577. Л. 107.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Там же. Л. 108.

мероприятий; пропагандирование идеи самообразования в среде малообразованных; устройство в часы досуга культурных развлечений, например игр в шахматы, шашки и др., не носящих денежного или азартного характера; проведение мероприятий санитарно-просветительского характера среди заключенных для улучшения общего состояния камер и тюрьмы⁴¹².

В целях повышения эффективности усиления работы по самообразованию среди заключенных ГУМЗ в письме от 11 января 1928 года в адрес руководителей мест лишения свободы предписывало правила по улучшению и активизации самообразовательной деятельности арестантов⁴¹³. К письму прилагался циркуляр № 461 от 23 декабря 1927 года с «Инструкцией ГУМЗ РСФСР по организации самообразования и заочного обучения в местах лишения свободы»⁴¹⁴. По сути, руководителям учреждений исполнения наказаний полагалось включить работу по организации самообразования в план внешкольной работы учебно-воспитательной части мест заключения и руководствоваться при этом указанной инструкцией⁴¹⁵. Особенностью последней было провозглашение в ней новой концепции устройства внешкольной культурно-просветительской работы, в основу которой должна была поставлена «исключительно самостоятельность заключенных». В силу этого учебно-воспитательная часть оставляла за собой «общее наблюдение и руководство делом самообразования» и должна была всячески его поощрять, оказывая при этом полное содействие в организации занятий, практических работ и приобретении учебных пособий и принадлежностей⁴¹⁶.

⁴¹² ГАСО. Ф. Р.-437. Оп. 1. Д. 577. Л. 108.

⁴¹³ Там же. Л. 20.

⁴¹⁴ Там же. Л. 21.

⁴¹⁵ Там же. Д. 573. Л. 21.

⁴¹⁶ Там же. Л. 22.

В первую очередь речь шла о вовлечении как можно большего числа заключенных в «планомерные самообразовательные чтения и изучение различных отраслей знаний» и о приглашении на заочные курсы. Важной составляющей работы учебно-воспитательной части оставалась кружковая деятельность⁴¹⁷. Отметить, что если ранее работа в кружках преимущественно проводилась сотрудниками исправительного учреждения или приглашенными лицами, например преподавателями образовательных учреждений, то теперь официально весь процесс организации деятельности кружков возлагался на плечи самих арестантов из числа содержащихся в местах лишения свободы образованных людей (врачей, агротехников, педагогов и др.), знаний которых было достаточно для этого.

Согласно «Инструкции ГУМЗ РСФСР по организации самообразования и заочного обучения в местах лишения свободы» от 1927 года, большая роль отводилась местным политпросветам, на которые возлагался контроль за культурно-просветительской деятельностью в местах лишения свободы⁴¹⁸. На важность работы местных отделов политпросветов по содействию в организации самообразовательной деятельности в местах заключения указывает и письмо ГУМЗ от 15 декабря 1927 года, адресованное всем старшим инспекторам политпросвета. Работникам политпросветов предписывалось оказывать всяческое содействие учебно-воспитательным частям мест лишения свободы в вопросах, так или иначе связанных с самообразованием арестантов, например, путем организации различных конференций, совещаний, курсов и т.п.; направлять своих консультантов в кружки в тех случаях, когда нельзя было назначить кого-нибудь из заключенных; рекомендовать учебные пособия по отдельным темам и предметам знаний; руководить библиотечными работниками мест заключения в вопросах

⁴¹⁷ ГАСО. Ф. Р.-437. Оп. 1. Д. 573. Л. 22.

⁴¹⁸ Там же. Л. 30.

организации самообразовательной деятельности вокруг библиотеки; предпринимать различные действия, направленные на повышение уровня самообразования в исправительных учреждениях⁴¹⁹.

Еще одной формой организации внешкольной культурно-просветительской работы была деятельность клубно-уголковых работников, для регулирования которой 31 января 1928 года было подготовлено ГУМЗ «Положение о совещаниях клубно-уголковых работников»⁴²⁰. На клубно-уголковые совещания возлагалось решение повседневных вопросов, связанных с организацией деятельности клубов, уголков отдыха и развлечений заключенных, кооперативного и производственного просвещения и самообразования, библиотечной работы и др.⁴²¹

Практика реализации имевшейся нормативной и методической базы по культурно-просветительской деятельности в учреждениях исполнения наказаний была разной, что объяснялось разными материально-бытовыми условиями, составом контингента заключенных, кадровым обеспечением и иными факторами.

В 1922 году в Смоленском губернском доме заключения функционировала школа и имелась библиотека с книжным фондом в количестве 1962 тома, которыми воспользовалось в течении года две тысячи заключенных. В это же время школу здесь посещали от трети до половины неграмотных заключенных (см. *Приложения, док. № 12*). Охватить большее количество было затруднительно в основном из-за их процессуального статуса: следственные заключенные долго не задерживались, поскольку они либо после суда были оправданы и возвращались к обычной жизни, либо после вынесения приговора пересылались в другие исправительные учреждения. Сказывалась нехватка учебных помещений и работников, которых всего по учебно-

⁴¹⁹ ГАСО. Ф. Р.-437. Оп. 1. Д. 573. Л. 33–34.

⁴²⁰ Там же. Л. 42.

⁴²¹ Там же. Л. 44.

воспитательной части насчитывалось 6–8 человек в разные месяцы. К ним относились учителя, культурные работники и библиотечные работники.

Иногда кадровый вопрос решался за счет бывших заключенных. Так, например, 7 сентября 1922 года к руководителю учреждения обратился с письмом бывший заключенный Н.К. Стефаницкий. Он просил назначить его на должность заведующего учебно-воспитательной частью Смоленского губернского дома заключения. В письме говорилось, что 5 сентября он был полностью освобожден от наказания. Во время отбывания приговора он все время работал в культпросвете заключенных по линии театра, библиотеки, редактировал журнал. За это время успел полюбить данную работу, привыкнуть к ней. Н.К. Стефаницкий имел незаконченное высшее образование (второй курс Варшавского политехнического института)⁴²². В итоге бывший заключенный получил данную работу. Данный факт подтверждает тезис о том, что в начале 1920-х годов профессиональные качества и опыт пенитенциарных педагогов имели большее значение, нежели их идеологическая подготовленность. Хотя, конечно, основным являлся фактор кадрового голода.

В Смоленском губернском доме заключения организовывались концерты, поставленные в основном силами самих заключенных. Как правило, на них пели песни, декламировали стихи и другие произведения. Посещаемость была достаточно высокой: на двух концертах присутствовало 200 зрителей, на трех численность доходила до 500 человек. В ходе такой самодеятельности возникла своя театральная группа, которая поставила 3 спектакля – «Хирургия», «Золушка» и «Злоумышленники»⁴²³. В отчетной документации заведения отмечалось, что «несколько десятков активных участников привлекали сотни

⁴²² ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 1. Д. 5 (1923). Л. 247.

⁴²³ ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 2. Д. 16 (1922). Л. 27.

зрителей». Мероприятий проводилось немного, одно-два в неделю, но компенсировалось это их «яркостью и неординарностью»⁴²⁴.

Несколько иначе обстояли дела в Смоленском доме принудительных работ. Начиная с 1918 года данное исправительное учреждение регулярно получало периодические печатные издания, такие как «Известия ЦИК Советов», «Беднота», «Голос крестьянства», «Правда», «Звезда», «Красная армия» и другие издания, в том числе польские⁴²⁵. Такого рода литература в первую очередь была призвана решить задачу политического образования заключенных.

Библиотека имелась, но с плохим книжным фондом (586 томов). Книги выдавались заключенным три раза в неделю. Школа отсутствовала из-за недостатка педагогического персонала. Хотя лекции, преимущественно на политические и сельскохозяйственные темы, проводились, концерты и спектакли организовывались⁴²⁶. В 1923 году из числа заключенных была образована собственная театральная группа. Был создан музыкально-хоровой кружок. Местом для проведения всех мероприятий, как правило, являлось помещение бывшей тюремной церкви, которое имело название «аудитория им. К. Маркса»⁴²⁷. Музыкально-хоровой кружок ежемесячно проводил концерты и выступления, за 1922 год их было 57. В составе кружка числилось 25 заключенных⁴²⁸.

Драматический кружок тоже имел большой охват вовлеченных заключенных: труппа состояла из 26 человек, из них 22 были заключенными. Репертуар был достаточно разнообразным, при этом затрагивал социальные проблемы. Наиболее популярными были постановки «Каторжане», «Осы», «Голод», «Пролетариат», «Лебединая песня» и другие. Всего за 1922 год было поставлено 97 спектаклей⁴²⁹.

⁴²⁴ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 156 (1922). Л. 264.

⁴²⁵ ГАСО. Ф. Р-42. Св. 20. Д. 1501. Л. 21.

⁴²⁶ Там же. Д. 11 (1920). Л. 57.

⁴²⁷ Там же. Д. 26 (1921). Л. 23.

⁴²⁸ Там же. Д. 1501. Л. 21.

⁴²⁹ Там же. Л. 18-19.

Разработка любой из постановок начиналась с получения на то разрешения начальника исправдома. Для этого режиссер и руководитель по учебно-воспитательной части делали краткий сценарий-конспект. Он представлял из себя рукописный текст объемом в одну страницу, где отражалось краткое содержание спектакля. Вот так выглядел конспект на пьесу Н. Лернера «Распятая»: «Известный московский архитектор Шебуев, сделавший себе имя на постройке музеев, мирно и счастливо живет с женой. Но однажды к нему обратилась с просьбой дать ей какую-нибудь работу молодая девушка, окончившая гимназию; положение ее было критическое. Она должна была или кончить жизнь самоубийством или продавать себя за деньги. Шебуев принял участие в ее судьбе, дал место, потом вступил с ней в связь, последствие чего был ребенок. Девушка из провинции принесла ребенка жене Шебуева. Жена в порыве безумной ревности открыла форточку... и ребенок умер. Но совесть, этот беспощадный судья человеческих поступков, осудил Шебуеву, распял ее мукой сознания совершенного ею поступка и с седьмого этажа, в то же самое окно, которое она когда-то открыла, чтобы умертвить ребенка, выбросилась на мостовую»⁴³⁰. Весь описанный сюжет укладывался в четыре действия, а так как данная постановка часто исполнялась, то можно предположить, что она пользовалась особой популярностью среди заключенных.

В 1923 году уже работала школа. Все учащиеся были разбиты на три группы: неграмотные, малограмотные и грамотные. За весь год школу посетило около 1300 человек, среди которых 250 были обучены грамоте. При этом полный учебный курс успели закончить только 26 человек. На такое количество обучающихся было всего 8 учителей, 6 из которых являлись заключенными⁴³¹.

⁴³⁰ ГАСО. Ф. Р-42. Св. 20. Д. 7 (1924). Л. 273.

⁴³¹ Там же. Д. 1501. Л. 21.

Книжный фонд библиотеки был значительно увеличен – до 2815 томов⁴³².

По имеющимся сведениям о количестве неграмотных и прошедших обучение в Смоленском доме общественно-принудительных работ в 1923 году (см. *Приложения, док. № 13*) видно, что школу грамоты посещали 20–25 человек ежедневно, в первой ступени учились 10–18 человек, во второй ступени 12–13 человек. Ежемесячно на школьные занятия ходило 180–200 заключенных с объемом учебной нагрузки 150 часов⁴³³.

Эффективность работы учебно-воспитательной части Смоленского дома общественно-принудительных работ высоко оценивала губернская инспекция мест заключения. В отчете за 1923 – начало 1924 года отмечалось, что в исправдомах и колониях культурно-просветительская работа проводилась по-разному: ставили спектакли, читали лекции, проводили школьные занятия, организовывали библиотеки и др., но особенно хорошо была поставлена культурная деятельность в Смоленском исправительном доме⁴³⁴.

Очевидно, что, как и любая другая деятельность, культурно-просветительская работа требовала определенного финансирования. Но первые годы НЭПа полностью исключили такую возможность из государственных средств. Летом 1922 года Наркомюст распорядился переложить расходы на учебно-воспитательскую работу на местные бюджеты. Это еще больше усугубило ситуацию. Местные власти вынуждены были сокращать численность начальных школ, вводить платное обучение в обычных школах, решать вопросы о создании так называемых договорных школ за счет средств местного населения. Им явно было не до финансирования культурно-воспитательной работы в среде заключенных. Хотя высшее руководство продолжало требовать от местных властей исполнения обязательств в этом вопросе:

⁴³² ГАСО. Ф. Р-42. Св. 20. Д. 1501. Л. 21.

⁴³³ Там же. Д. 20 (1923). Л. 12, 122.

⁴³⁴ Там же. Д. 1501. Л. 21.

«...губисполкомы нередко отказываются от ассигнований на культурно-просветительскую работу в местах заключения или отпускают кредиты недостаточных размеров, упуская из виду, что надлежащая постановка просветительской работы является необходимым условием для достижения того исправительно-трудового воздействия на преступника, которое УК РСФСР ставит целью наказания»⁴³⁵. Подобные строки в циркулярах были не редкость, но они не давали никаких положительных результатов, так как средств в местных бюджетах не было.

В такой ситуации исправительным учреждениям приходилось идти на «уникальные» меры: они были вынуждены устраивать платные концерты, спектакли и другие культурные мероприятия, доходы с которых шли полностью на содержание учебно-воспитательной части⁴³⁶. Иногда это приводило к нелепым ситуациям, когда за посещение концерта брали деньги не только с «внешних» зрителей, но и с заключенных, а если у последних денег не было, то их не пускали в зал. ГУМЗ отреагировал на такое положение циркуляром, в котором ему пришлось «приземлять» руководителей мест заключения, напоминая им, что просветительская деятельность является частью процесса исправления заключенных, и недопуск на концерт может быть применен только в виде дисциплинарного наказания⁴³⁷. Смоленский губернский дом заключения тогда нашел другой способ самофинансирования в этой сфере: здесь на культурно-просветительскую работу стали расходовать конфискованные у заключенных деньги⁴³⁸.

В середине 1920-х годов ситуация с финансированием начала меняться в лучшую сторону. В ходе переписки ГУМЗа и Наркомата просвещения в октябре 1926 года на культурно-просветительскую работу была установлена норма финансирования в размере 1 рубля 50 копеек на

⁴³⁵ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 156 (1922). Л. 25.

⁴³⁶ Там же. Л. 18.

⁴³⁷ Там же. Л. 146.

⁴³⁸ Там же. Д. 2 (1923). Л. 15.

одного арестанта в месяц⁴³⁹. Для сравнения, как уже отмечалось, на вещевое довольствие норма составляла 8 рублей на человека в месяц, хотя она и не выполнялась.

Что же было в учебно-воспитательной сфере? Смоленский изолятор, например, на полгода в 1927 году получил финансовые средства в объеме 630 рублей⁴⁴⁰. На данный период тут содержалось около 1 тысячи заключенных; то есть получалось приблизительно 10 копеек на человека. При таком объеме выделяемых денежных средств можно считать, что места заключения со своей работой справлялись без должного финансирования.

Хотя в ходе многочисленных проверок выводы обычно делались негативные. Так, очередная инспекция Смоленского губернского дома заключения в 1926 году отмечала, что учебно-воспитательная часть ведет свою деятельность в отрыве от методических центров, горпросвета и нет связи с другими общественными и партийными организациями. А школой политграмоты вообще руководит заключенный без какой-либо проверки⁴⁴¹.

Как распределялись денежные средства по учебно-воспитательной части, видно из сметы расходов по воспитательно-учебной части Смоленского губернского дома заключения на 1927–1928 годы (см. *Приложения, док. № 15*). Данная смета дает представление не только о том, на что тратились деньги, но и о существующих направлениях культурно-просветительской деятельности. Интересно, что в местах лишения свободы вводилось такое новшество для того времени, как радио. По смете видно, что в Смоленском губернском доме заключения уже существовал радиокружок, но занималось в нем мало человек, радиофикация камер только начиналась. ГУМЗ планировало к десятой

⁴³⁹ ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 2. Д. 122 (1926). Л. 264.

⁴⁴⁰ Там же. Д. 12 (1927). Л. 119.

⁴⁴¹ Там же. Ф. 2360. Оп. 3. Д. 2. Л. 120–124.

годовщине Октябрьской революции провести массовую радиофикацию мест лишения свободы⁴⁴².

Иногда в губернских местах лишения свободы организовывались небольшие специфические мероприятия, такие как выставки по санитарно-просветительской работе, уголки здоровья, уголки по борьбе с пьянством, венерическими болезнями. Практиковалось проведение кампаний за здоровый санитарный быт, так называемые «недели чистоты», с лозунгами типа: «Туберкулез – общественное бедствие», «Борьба за здоровый быт – все болезни победит» и др. Создавались санитарные отряды из заключенных для проведения санитарных мероприятий на территории места лишения свободы. Культурники устраивали конкурсы на лучшую в санитарном отношении камеру⁴⁴³.

В Велижском исправительно-трудовом доме осенью 1926 года работало пять кружков: драматический, политический, естественнонаучный, правовой и сельскохозяйственный. Каждый кружок насчитывал по 25–40 человек. Некоторые заключенные посещали несколько кружков. Библиотека не имела собственной литературы, но заключенные обменивались литературой между собой, а также посильную помощь в этом вопросе оказывал помощник прокурора по Велижскому уезду, который, помимо своей основной работы, руководил одним из кружков. Остальные кружки вели сами заключенные, и их сменяемость ввиду объективных причин никак не влияла на качество работы кружков. Арестантов больше интересовала сельскохозяйственная и политическая литература, а также газеты⁴⁴⁴.

Организованные в исправдоме кружки ставили перед собой разные задачи: знакомить лишенных свободы с законами, правами и обязанностями граждан СССР; давать знания в вопросах научного ведения сельского хозяйства; расширять кругозор заключенных в области

⁴⁴² ГАСО. Ф. Р–161. Оп. 2. Д. 8 (1927). Л. 338.

⁴⁴³ Там же. Ф. Р–437. Оп. 1. Д. 573. Л. 6.

⁴⁴⁴ Там же. Ф. Р–1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 41–42 об.

естественнонаучных знаний; вовлекать заключенных в драматическую самодеятельность; изжить неграмотность среди заключенных. Помощь в реализации поставленных задач была организована культурно-просветительской комиссией⁴⁴⁵.

Вяземский исправдом значительно выделяло наличие в нем бюро юридической помощи заключенным, которое только за период с 28 ноября 1926 года по 8 декабря 1927 года оказало содействие 583 заключенным, 178 человек из которых подали кассационные жалобы, 124 в итоге были помилованы, а 282 стали вести переписку с различными судебными учреждениями. Также заключенные активно обращались в бюро с целью разъяснения различных положений советского законодательства⁴⁴⁶.

В политическом кружке за 6 месяцев второй половины 1926 года было проведено 68 лекций⁴⁴⁷, что в среднем составляет три лекции в неделю. Лекции в большинстве своем были посвящены основам организации советской власти, выборам в советские органы власти, целям и задачам кооперации и работе кооперативных сельскохозяйственных товариществ⁴⁴⁸.

В сельскохозяйственном кружке за тот же период была проведена 81 беседа. На них слушатели были ознакомлены со способами ведения культурного хозяйства, преимуществами трехполья перед двуполем, условиями правильного содержания скота и т.д.⁴⁴⁹

В естественнонаучном кружке в ходе 58 бесед обсуждались вопросы происхождения и устройства мира, солнечной системы, способы образования планет, в том числе и Земли, новейшие открытия в области радиотехники, химии, задачи проведения электрификации в СССР⁴⁵⁰.

⁴⁴⁵ ГАСО. Ф. Р-1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 42.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 42 об.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же.

Драматический кружок был организован раньше других, и с сентября 1925 года было поставлено более 40 спектаклей. Ставились пьесы как революционного, так и бытового характера. Негативно сказывались на работе кружка отсутствие декораций, малый размер сцены и ее непригодность к такой деятельности, но, несмотря на это, было отмечено постоянное вовлечение новых заключенных в деятельность кружка⁴⁵¹.

Вполне удовлетворительно проходила в исправительном доме и работа по ликвидации неграмотности, несмотря на отсутствие учителя-воспитателя. Большинство заключенных смогли научиться писать и читать и на экзамене в сентябре 1926 года показали хорошие результаты⁴⁵².

Помимо всего прочего, силами заключенных выпускалась газета с символическим названием «Осознание и труд». С момента начала публикации газеты вышло 16 номеров, а с июля 1926 года она стала издаваться регулярно. Всего в качестве корреспондентов было привлечено 126 арестантов⁴⁵³.

Необходимо отметить, что в середине 1920-х годов в Велижском уезде так и не нашлось желающего из гражданского населения занять должность заведующего по культурно-просветительской работе в исправдоме. И его обязанности исполнял заключенный, имевший определенный опыт и знания⁴⁵⁴. Как видно из отчетных и проверочных материалов, в целом работа в Велижском ИТД была организована на приемлемом уровне, а культурное развитие заключенных, как отмечено в одном документе, повлекло за собой и улучшение бытового и санитарного состояния всего исправительного учреждения.

В Орловской губернии в культурно-просветительской работе на фоне других выделялся губернский изолятор специального назначения.

⁴⁵¹ ГАСО. Ф. Р-1465. Оп. 1. Д. 136. Л. 42 об.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 41–42 об.

Наиболее активно здесь действовали разного рода кружки. А самым известным стал кружок Ленина, организованный летом 1924 года. Его работа строилась в формате бесед с членами кружка два раза в неделю по политическим вопросам, связанным с жизнью и учением Ленина. До ноября 1924 года было проведено 32 заседания. Так как кружок только набирал популярность и с каждым разом увеличивалась численность его участников, предлагалось организовать политэкзамен для выявления наиболее политически грамотных, чтобы с их помощью создать новый кружок по изучению основ марксизма повышенного типа⁴⁵⁵.

Литературно-научный кружок был организован в изоляторе в 1923 году. Занятия в нем проходили два раза в неделю. К 1 ноября 1924 года было проведено 36 собраний, а количество членов составляло 84 человека.

Хоровой кружок был организован также в 1923 году. В нем занимались 23 человека. Они выступали с музыкальными номерами на концертах, которые устраивались в клубе изолятора. Музыкальный кружок работал с 1922 года. Занимались в нем три раза в неделю, члены кружка участвовали во всех концертах и спектаклях.

Драматический кружок состоял из двух секций: первая была организована в начале 1923 года, вторая – в июле 1924-го. Репетиции обеих секций проходили ежедневно. Спектакли устраивались не менее четырех раз в месяц. Всего было поставлено 46 представлений со средней посещаемостью в 550 человек. Основная секция устраивала 16 спектаклей вне стен изолятора. Все вырученные суммы шли на увеличение бюджета учебно-воспитательной части.

На регулярной основе работал шахматный кружок.

В изоляторе имелась школа, учащиеся которой были разбиты на три группы: неграмотные, малограмотные и грамотные. Весь контингент мест заключения в Орловской губернии представлял из себя в этом отношении

⁴⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 47.

следующую картину: 8% неграмотных, 43% малограмотных, 49% грамотных. При этом среди грамотных 83% были с низшим образованием, 14% – со средним, 2% – с высшим⁴⁵⁶. Школа губернского изолятора в среднем обслуживала около 190 человек. В расписании учебно-воспитательной работы (см. *Приложения, док. № 14*) вообще не было выходных дней. Самую большую нагрузку имели неграмотные заключенные: у них занятия проходили каждый день. Особое внимание уделялось общеобразовательным лекциям, которые проводились ежедневно.

Изолятор имел достаточно хорошую библиотеку в количестве 2956 томов, но при этом 25% книг были уже в ветхом состоянии, почти половина не отвечала содержательно запросам нового времени⁴⁵⁷. В 1925 году удалось пополнить политический отдел библиотеки⁴⁵⁸.

Стенная газета изолятора «Голос стен» выходила регулярно два раза в месяц. Она освещала быт заключенных. Выходила в трех экземплярах на листе ватманской бумаги. Интерес к газете среди заключенных был большой. Ко дню годовщины смерти В.И. Ленина – 21 января 1925 года – был выпущен первый печатный номер газеты «Голос стен», отпечатанный в типографии изолятора в количестве 240 экземпляров, 200 из которых были розданы бесплатно заключенным, а 40 использовались для обмена изданиями с другими местами лишения свободы. Газета состояла из 4 страниц, по 400 строк на каждой странице⁴⁵⁹.

В изоляторе стал выходить свой журнал «Всюду жизнь». Идея его создания появилась в 1923 году, но отсутствие денежных средств не позволяло реализовать данный проект. Благодаря взносам различных государственных органов стало возможным закупить весь необходимый материал, первый номер был напечатан осенью 1924 года в небольшом

⁴⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 60.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 7.

⁴⁵⁸ Там же. Д. 180. Л. 4.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 180. Л. 4.

количестве и оказался полностью раскуплен⁴⁶⁰. В конце февраля 1924 года был выпущен второй номер журнала «Всюду жизнь» уже в количестве 10 тыс. экземпляров⁴⁶¹.

Имелась в Орловском изоляторе и своя читальня, которая открылась в июле 1924 года. Там выписывалось 24 экземпляра газет, как центральных, так и местных. Помимо этого имелось 200 различных брошюр. Проводилась ежедневная читка газет вслух с разъяснением прочитанного.

Работу более чем с 1300 заключенными изолятора вели три штатных воспитателя. С каждым прибывшим заключенным воспитатель проводил беседу и заполнял на каждого карточку. На воспитателях также лежала ответственность готовить представления на заключенных, которые были достойны досрочного освобождения, основываясь на отзывах об их поведении и индивидуальном развитии⁴⁶².

Всего в Орловской губернии в 1924 году было 14 штатных сотрудников, которые занимались культурно-просветительской работой в местах лишения свободы, при этом 8 из них были заключенными.

В уездных исправительных учреждениях Орловской губернии в 1923–1924 году культурно-просветительская работа оценивалась надзорными органами как очень слабая. Основной причиной такого положения дел являлось отсутствие во многих местах лишения свободы педагогов-воспитателей, которые могли бы руководить учебно-воспитательной работой среди заключенных: уездные исполнительные комитеты не давали денег для найма воспитателей, уездные политпросветы не могли прикомандировать своих штатных преподавателей в исправительные учреждения на постоянной основе за почти полным отсутствием таковых. Небольшая библиотека в 120 томов имелась только в Ливенском

⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 47.

⁴⁶¹ Там же. Д. 180. Л. 4.

⁴⁶² Там же. Д. 105. Л. 48.

исправительном доме, остальные уездные учреждения пользовались передвижными библиотеками от политпросвета⁴⁶³.

В то же время в Елецком, Ливенском и Болховском исправительных домах культурно-воспитательная работа проводилась в формате лекций, докладов, постановки спектаклей, и в каждом из этих мест заключения имелась школа для неграмотных. Плохая постановка учебно-воспитательной работы объяснялась отсутствием денежных средств. За 1923–1924 финансовый год было отпущено 38 рублей 35 копеек: Елецкому исправдому 8 рублей 33 коп., Ливенскому 30 рублей. Остальным уездным местам заключения не было выделено таких средств вообще⁴⁶⁴. В уездных исправительных учреждениях также имелись кружки: в Ельце – драматический и хоровой (18 и 8 человек соответственно), в Болхове – политический (11 человек), в Ливнах – «Безбожник» (15 человек), но работа в них была слабой⁴⁶⁵.

В Кузнецком исправдоме культурно-воспитательную работу проверяющие признали удовлетворительной. В 1926 году клуб вмещал до 60–70 человек, в нем проводились лекции, ставились спектакли. При этом школа ликбеза в исправдоме отсутствовала. Руководство объясняло такое положение нежеланием самих заключенных «проводить ликвидацию своей безграмотности». При формальном наличии своей библиотеки книги в учреждение поставлялись из местной библиотеки⁴⁶⁶.

В Брянском губернском исправдоме по состоянию на 1923 год имелась своя небольшая библиотека в количестве 370 томов. Для заключенных функционировала читальня, которая работала три дня в неделю. Кроме газет, в ней находились различного рода брошюры и книги, организовывались читки газет для заключенных, в первую очередь для не умеющих читать. Также три раза в неделю проводились лекции,

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 1.

⁴⁶⁴ Там же. Д. 180. Л. 5.

⁴⁶⁵ Там же. Д. 289. Л. 20.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 11.

посвященные как специальным вопросам, так и общенаучным, например, географии, математике. Не менее двух раз в месяц здесь силами заключенных ставились спектакли.

Организовывались и школьные занятия, хотя на всех заключенных было только два учителя. Занятия проводились два раза в день: с 10:00 до 12:00 и с 14:00 до 17:00⁴⁶⁷. В следующем году учебно-воспитательная часть продолжила ликвидацию неграмотности, но уже добавив к заключенным неграмотных надзирателей. Всего было организовано четыре группы: три из заключенных, одна из служащих. В отчетном 1924-1925 году занятия, как утверждалось, также проходили удовлетворительно: ежедневно и регулярно, без перебоев, но, как только учителя были отпущены на два месяца в отпуск, работа остановилась. С сентября учеба возобновилась.

Школьная работа осложнялась простыми бытовыми вопросами. Часть заключенных не могла посещать занятия по причине отсутствия обуви. Группе малограмотных занятия были поставлены по расписанию в то время, когда заключенным раздавали вечерний кипяток и ужин, а перенести занятия на другие часы не представлялось возможным⁴⁶⁸. Не хватало рабочих мест: имелось только три стола, за которыми в тесноте можно было разместить максимум 18–20 человек, а все помещение было рассчитано на 40 учащихся. Помимо этого нужны были карандаши и бумага для проведения занятий. Тем не менее после сдачи соответствующих испытаний в конце 1925 года удостоверения о ликвидации неграмотности получили 8 человек, об окончании школы малограмотных – 36 человек⁴⁶⁹.

Всю внешкольную работу администрация исправдома делила на отдельные направления: чтение лекций, кружковые занятия, стенгазета, библиотека. Основной формой работы являлись лекции, поскольку считалось, что именно они обеспечивали поднятие общекультурного

⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 4. Д. 22. Л. 11.

⁴⁶⁸ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 5.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 5.

уровня заключенных. В отчетном 1924–1925 году было проведено 276 лекций: по общеполитическим вопросам – 93, по сельскому хозяйству – 12, по математике – 3, по кооперации – 2, по гигиене – 110, по лесоводству – 4, по метрической системе мер – 7, по ИТК – 6, по счетоводству – 22 и другие. Такое большое количество лекций говорило о хорошо поставленной работе всей учебно-воспитательной части Брянского исправительного дома⁴⁷⁰.

Кружков в учреждении было всего два: драматический и хоровой. Первый насчитывал в своем составе около 30 человек, и заключенные занимались исключительно постановкой спектаклей. За год было представлено публике 55 спектаклей, 6 из которых платные. В среднем в месяц было по четыре постановки. Сложность организации данного кружка заключалась в отсутствии подходящих пьес, которые соответствовали бы исправительно-трудовой политике, для такого контингента как заключенные. Отсутствие достаточного финансирования не позволяло сделать нормальные декорации. При этом драматический кружок работал полностью на основе самоокупаемости.

Всего учебно-воспитательная часть заработала за отчетный 1924–1925 финансовый год 538 рублей, расходы составили: 96 рублей на выпуск газет, 98 рублей на школьные принадлежности, на драматический кружок – 218 рублей и др. Наиболее убыточной являлась стенгазета, задолженность по которой составляла уже 126 рублей, и вставал вопрос о возможном прекращении ее выпуска⁴⁷¹. Стенгазета выпускалась достаточно регулярно, 7 и 22 числа каждого месяца. В последнее время, как отмечало руководство Брянской губернской инспекции, постановка дела значительно ухудшилась ввиду определенной пассивности воспитателя, которому было поручено руководить заключенными. При газете был кружок корреспондентов, эффективность работы которого была

⁴⁷⁰ ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

⁴⁷¹ Там же. Л. 6 об.

тоже неудовлетворительной по причине отсутствия своего помещения. С другой стороны, выпускать заключенных из камер для ведения корреспондентской деятельности не представлялось возможным по соображениям безопасности⁴⁷².

Хоровой кружок занимался разучиванием хоровых пьес для концертных выступлений и декламаций. Работа кружка велась с перебоями по причине частого отсутствия руководителя. Некоторое время функционировал спортивный кружок, но перестал работать также по причине отсутствия руководителя⁴⁷³.

Согласно отчету губернской инспекции, в 1924 году общая постановка учебно-воспитательной работы в отдельных уездных исправительных учреждениях была очень слабой. Это объяснялось недостаточным финансированием и нехваткой, а то и полным отсутствием подготовленных работников. Не последнюю роль играла и низкая оплата труда учителей и воспитателей, которая составляла на 1924 год 20 руб. 15 коп.; за такое жалование найти опытных и энергичных работников не представлялось возможным. Поэтому в значительной своей части занимавшие эти должности сотрудники работали только по совместительству и не могли уделять заключенным должное время, работа велась шаблонным путем и урывками⁴⁷⁴.

В Севском исправдоме, например, была полностью сокращена должность учебно-воспитательного работника, и вести эту работу было просто некому, поскольку уездный исполком не выделял на нее средств. Почти никакой работы не велось и в Почепском доме заключения. Из общей картины уездных учреждений исполнения наказаний Брянской губернии несколько выделялся Карачевский исправдом⁴⁷⁵.

⁴⁷² ГАБО. Ф. Р-2374. Оп. 1. Д. 255. Л. 6 об.

⁴⁷³ Там же. Л. 6.

⁴⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 148. Л. 7.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 2.

Так, в Карачевском исправдоме уже в 1922 году были организованы школьные учебные группы для неграмотных в количестве 22 человек. За год через школу прошло 66 обучающихся, из них переведено в группу малограмотных 12 человек, а грамотными стало 28. Занятия проводились в исключительно свободное от работы время. Также функционировала своя собственная библиотека. В ней было более 400 книг, из которых половина была по общественно-политическим наукам, остальное составляла художественная литература. Силами работников политпросвета было проведено 24 лекции. Главную «развлекательную» роль играл театр. Исключительно силами заключенных были поставлены спектакли «Я умер», «Красный генерал», «Пассажир», «Злоумышленник» А.П. Чехова, «Красивая женщина» и др. Всего более 20 постановок⁴⁷⁶.

В сельскохозяйственных колониях ситуация с ведением культурно-просветительской работы была иной. Это видно на примере колонии «Астрогань» Смоленской губернии.

В данной колонии учебные занятия могли проводиться только в обеденное время по причине отсутствия специального помещения для них. Заключенные были распределены по группам и занимались в «общежитиях» колонистов⁴⁷⁷. Неоднократно направлялись запросы в губернский отдел народного образования для прикомандирования учителя к месту лишения свободы, а в помощь ему выделялся заключенный, обладавший «соответствующими познаниями»⁴⁷⁸. Но все запросы оставались без реализации. Администрация колонии «Астрогань», идя навстречу одному из арестантов, пригласила в качестве учителя его жену, которая работала учителем в Пречистенской школе I ступени⁴⁷⁹. Такое решение можно расценивать как стремление руководства колонии выполнять соответствующие требования центральных властей в вопросе

⁴⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.

⁴⁷⁷ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1026. Л. 2.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же.

культурно-просветительской деятельности и по мере возможности поощрять стремление части заключенных к самообразованию. Для начала занятий в группе численностью 30 человек необходимо было приобрести должное количество учебников, тетрадей, чернил, ручек, перьев, карандашей, грифельных досок, карту полушарий, классные счеты⁴⁸⁰. Что и было частично реализовано.

В колонии «Астрогань» библиотека номинально имелась, но книги в ней полностью отсутствовали. В связи с этим руководство просило губернский отдел народного образования укомплектовать колониистскую библиотеку подходящей литературой, а для проведения спектаклей выделить грим, шпалеры, картон, костюмы и парики во временное пользование⁴⁸¹. В колонии был организован хор. Его руководителем стал колониист, обладавший способностями к преподаванию пения и музыки. Музыкальные инструменты выдавались во временное пользование и подлежали возврату: гитары, балалайки, мандолины и пианино. Лекции по общенаучным темам проводились в колонии силами самих заключенных, среди которых были агрономы, врачи и «другие образованные люди»⁴⁸².

Схожая ситуация в вопросе образования и просвещения в местах лишения свободы наблюдалась и в других регионах РСФСР. В своем исследовании уголовно-исполнительной системы Западной Сибири А.В. Быков утверждает, что основной проблемой развития культурно-просветительской работы среди заключенных являлось недостаточное финансирование. В первую очередь из-за того, что большинство исправительных учреждений было переведено на местный бюджет⁴⁸³. В результате этого не хватало учебных пособий, письменных принадлежностей, а местные органы политпросвета были не готовы

⁴⁸⁰ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1026. Л. 2.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же. Л. 2 об.

⁴⁸³ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 224.

оказать хоть какую-нибудь помощь. Реакция представителей администраций регионов Западной Сибири в сфере образования выражалась либо в полном молчании в ответ на просьбы об оказании помощи в организации работы, либо в безоговорочном отказе⁴⁸⁴.

Отсутствие специально отведенных помещений под учебную и просветительскую деятельность тоже негативно сказывалось на процессе перевоспитания заключенных. Отчасти на эту проблему влияла переполненность исправительных учреждений, о чем уже говорилось ранее. Не было помещений не только под школьные классы, но и под различные кружки и клубы, а в некоторых исправительных учреждениях театральные представления проводились в камерах, отчего назывались «камерными»⁴⁸⁵. Общей и слабо разрешимой проблемой оставалось почти полное отсутствие квалифицированных педагогических работников.

В целом же в исследуемых Смоленской, Брянской и Орловской губерниях культурно-просветительская работа была организована в рамках общероссийской практики, имела такие же формы работы, однотипные проблемы и механизмы их преодоления.

Очевидно, что в исправительно-трудовой системе происходили значительные изменения в сфере культурно-просветительской работы. Главной задачей являлась ликвидация безграмотности среди заключенных. Для этого проводились как школьные, так и внешкольные занятия. В совокупности все формы организации просвещения были призваны поднять общеобразовательный уровень в исправительных учреждениях, перевоспитать преступников и вернуть их в общество законопослушными гражданами.

В исследуемый период государство придавало большое значение трудовой деятельности заключенных в учреждениях исполнения

⁴⁸⁴ Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2004. С. 225.

⁴⁸⁵ Там же. С. 226.

наказаний, максимально регламентируя этот процесс. Труд представлялся не средством эксплуатации, а орудием воспитания и исправления человека, преступившего закон. К трудовой деятельности допускались лишь здоровые арестанты. Их права защищались Кодексом законов о труде. За свою работу заключенные получали заработную плату. Человек, попавший в исправительное учреждение, имел шанс получить профессиональные навыки и после отбывания наказания мог продолжить трудиться по полученной профессии. Все это соответствовало концепции исправления заключенного через труд.

Производственная деятельность исправительных учреждений делилась на внутренние и внешние работы. Первые предполагали организацию разного рода мастерских внутри самого места заключения; вторые – работу заключенных на объектах вне территории исправительного учреждения.

Организация эффективной деятельности мастерских сдерживалась почти полным отсутствием финансирования для приобретения необходимого оборудования и материалов. Негативно отражалась на ней и постоянная текучесть кадров по причине ротации контингента заключенных. Внутренние мастерские выполняли в основном заказы самого исправительного учреждения или работали на исполнение внутрисистемных потребностей. Гораздо большим экономическим подспорьем являлись внешние заказы на разного рода строительные, ремонтные, уборочные и иные работы. Здесь большие возможности заработать получали места заключения, расположенные в региональных центрах. Это позволяло им направлять часть доходов и на развитие материальной базы внутренних мастерских. В результате исправительно-трудовая политика в таких учреждениях реализовывалась более эффективно. Возможностей расширения производственной деятельности в уездных местах заключения было гораздо меньше.

В целом экономическая эффективность трудовой деятельности заключенных не была высокой. Как правило, большинство заказов поступало от пенитенциарных учреждений для удовлетворения собственных нужд, что не приносило большого дохода. Неким исключением здесь был Брянский исправдом, имевший два кирпичных завода и большие внешние заказы на производимую продукцию. Тем не менее, производственная деятельность учреждений исполнения наказаний позволяла системе за счет внутренних ресурсов улучшать бытовые условия заключенных, особенно в части пошива и ремонта одежды и обуви, изготовления постельных принадлежностей, ремонта инструмента и др.

Трудовые земледельческие колонии не приносили какой-либо прибыли, но способствовали снабжению исправительных учреждений продуктами. Эффективность их деятельности сильно разнилась; многое зависело от выделенных земель, их местонахождения, имевшихся построек, организации работ и других факторов. Более успешными были колонии исправительных учреждений региональных центров, например, «Печерск» Смоленского дома заключения, «Образцово» Орловского изолятора, Городская ферма Брянского исправдома.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что в производственной деятельности исправительных учреждений была задействована меньшая часть контингента заключенных, следовательно, воспитательный эффект от труда осужденных, к чему призывала пенитенциарная политика власти, не мог быть значительным. А рост количества рецидивов в исследуемый период свидетельствует о том, что система трудового использования заключенных в перевоспитании последних работала малоэффективно: в 1923 году среди всех заключенных страны рецидивисты составляли от 5 до 7% из них 60% попадали в места лишения свободы более двух раз⁴⁸⁶; в

⁴⁸⁶ Отчет ГУМЗ РСФСР на XI съезде Советов // Пенитенциарное дело в 1923 году. М., 1924. С. 28.

1926 году количество рецидивистов выросло до 13%, из которых 57% пребывали в местах лишения свободы более двух раз⁴⁸⁷.

На основе новой концепции пенитенциарной политики происходят значительные изменения в культурно-просветительской работе в местах лишения свободы. После издания декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» в 1919 году на первое место выходит школьная работа. В 1925–1926 годах в местах заключения РСФСР действовал 291 пункт ликвидации неграмотности, 198 школ для малограмотных, 39 школ повышенного типа⁴⁸⁸. В 1925 году ежемесячно в школах грамоты обучалось от 3000 до 3600 человек, в школах для малограмотных – около 2000, а в школах повышенного типа – до 700 заключенных⁴⁸⁹. Альтернативой было обучение на заочных курсах, список которых ГУМЗ регулярно рассылал в места лишения свободы. Около 6% обучающихся арестантов получали образование таким образом⁴⁹⁰.

Помимо школьных занятий, в исправительных учреждениях активно развивались внешкольные занятия. Самыми распространенными формами работы стали кружки и лекции. В середине 1920-х годов были популярны кружки по политграмоте, составлявшие примерно 30% от всех кружков во всех исправительных учреждениях страны, театральные – 25%, музыкально-вокальные – 16% и общеобразовательные – 10%. За 1925 год было прочитано около 35,5 тыс. лекций, из которых 52% отводились под общественно-политические вопросы⁴⁹¹. Постепенно развивалось библиотечное дело, в этом направлении нередко помогали отделения политпросвета. В некоторых исправительных учреждениях выпускались

⁴⁸⁷ Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР // РСФСР. Нар. ком. внутр. дел. М., 1927. С. 109.

⁴⁸⁸ Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. С. 163.

⁴⁸⁹ Ширвиндт Е.Г. Пенитенциарное дело в РСФСР в 1924-25 году // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 50/51. С. 1531.

⁴⁹⁰ Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР // РСФСР. Нар. ком. внутр. дел. М., 1927. С. 111.

⁴⁹¹ Там же. С. 112.

стенгазеты, печатные издания, как, например, в Вяземском и Брянском исправдомах. Успешность внешкольной работы во многом зависела от заинтересованности и активности самих заключенных.

Серьезной проблемой оставался кадровый вопрос: идти на педагогическую работу в места лишения свободы желающих было мало и функции педработников нередко перекладывались на образованных заключенных. Так, например, в 1923 году в исправительных учреждениях страны из 1921 должности культурно-просветительских работников 1478, или 78%, занимали заключенные⁴⁹².

В части организации школьной работы несколько в лучшей ситуации были исправительные учреждения Смоленской губернии, поскольку постоянная подготовка учителей на базе имевшегося здесь педагогического института сделала менее заметным кадровый голод и к середине 1920-х годов практически везде были организованы школьные занятия, в том числе в уездных исправительных учреждениях, например в Велижском исправдоме. Хотя и здесь в 1922 году в Смоленском губернском доме заключения ответственную должность заведующего учебно-воспитательной частью занял только что освободившийся заключенный.

Не отвечала нормативным требованиям и материально-техническая база просветительской работы. Финансирование на эти цели было мизерным. Это приводило к необычной практике, когда исправительные учреждения были вынуждены перейти на самоокупаемость в части культпросветработы и устраивали платные концерты, спектакли, лекции, доходы от которых шли на содержание учебно-воспитательной части. Такое положение сохранялось на протяжении фактически всего исследуемого периода.

⁴⁹² Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР // РСФСР. Нар. ком. внутр. дел. М., 1924. С. 45.

При этом в 1920-е годы количество грамотных в контингенте заключенных росло, например с 82,0% в 1923 году⁴⁹³ до 88,0% в 1926 году⁴⁹⁴, и вести культработу с более грамотными осужденными было несколько проще. Однако рост численности тюремного «населения» свидетельствует о ее незначительной эффективности: так, если в 1924 году количество заключенных в стране составляло 45 646 человек⁴⁹⁵, то в 1926 году уже 108 231 человека⁴⁹⁶.

Анализ деятельности учреждений исполнения наказаний Смоленской, Брянской и Орловской губерний в 1920-е годы демонстрирует малую эффективность в достижении поставленных в пенитенциарной политике целей воспитательного воздействия на заключенных через их трудовую деятельность и культурно-просветительскую работу в исправительных заведениях.

⁴⁹³ Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР // РСФСР. Нар. ком. внутр. дел. М., 1925. С. 62.

⁴⁹⁴ Там же. М., 1927. С. 180.

⁴⁹⁵ Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР // РСФСР. Нар. ком. внутр. дел. М., 1924. С. 34.

⁴⁹⁶ Там же. М., 1927. С. 98.

Заключение

С установлением советской власти начался активный процесс формирования новой пенитенциарной политики государства. Были установлены виды исправительных учреждений, определены меры поощрения заключенных и меры дисциплинарного воздействия.

Новшеством стало введение прогрессивной система отбывания наказаний, позволявшей значительно облегчить жизнь заключенным, которых могли переводить из разряда в разряд в зависимости от успехов и достижений в трудовой и культурно-просветительской деятельности. Предложенная советским правительством система создавала условия, при которых сам заключенный был заинтересован в соблюдении установленных правил и в добросовестном труде. Это давало ему определенные привилегии, и в дальнейшем он мог рассчитывать на досрочное освобождение.

Важной составляющей системы исполнения наказаний являлись материально-бытовые условия содержания заключенных. Большинству исправительных учреждений требовался капитальный ремонт. Однако сложная экономическая ситуация в стране не позволяла в кратчайшие сроки провести все необходимые ремонтные работы. Более того в целях экономии государственного бюджета исправительные учреждения в начале 1920-х годов были переведены на местное финансирование. Результатом стало массовое недофинансирование исправительно-трудовой системы, а сами места лишения свободы были вынуждены полагаться только на собственные ресурсы. При этом все возможные действия по улучшению материально-бытовых условий в местах лишения свободы предпринимались со стороны местных руководителей, условия жизни заключенных постепенно улучшались.

Недостаточное финансирование было главным тормозящим фактором

для реализации задач исправительно-трудового законодательства. Ситуация значительно осложнялась постоянной переполненностью мест лишения свободы. Начиная с середины 1920-х годов постоянно фиксировалась переполненность исправительных учреждений в среднем на 30% выше нормативной численности. Выходом из сложившегося положения могло стать введение такого вида наказания, как принудительные работы без содержания под стражей. Но судебная практика складывалась иначе: и даже в 1927–1928 годах численность заключенных со сроком наказания до одного года составляла 43% всего контингента в местах лишения свободы.

Отсутствие должного финансирования приводило к нехватке вещевого довольствия. Одежда приходила в негодность намного раньше установленных нормативных сроков.

Инфекционные и эпидемиологические заболевания были обычным явлением в исправительных учреждениях того времени. Оснований к этому было достаточно: плохие санитарные условия, нехватка медикаментов и перевязочного материала, некомплектованность медицинским персоналом. Последнее обстоятельство было напрямую связано не только с реальным отсутствием должного количества медицинских работников, но и с низкими ставками заработной платы для них в системе исполнения наказаний. Даже в Смоленской губернии, где имелся свой медицинский институт, у мест лишения свободы не было шансов заполнить малое число своих штатных единиц профессиональными врачами.

В вопросах питания зачастую худшее положение наблюдалось в наиболее крупных исправительных учреждениях регионов, так как именно там концентрировалась большая часть заключенных. Основная проблема заключалась в системе финансирования: деньги выделялись исходя из штатной (расчетной) численности заключенных, а не из фактической, которая всегда по факту была выше. В таком положении руководству

исправительных учреждений было трудно обеспечить общую калорийность питания заключенных согласно установленным нормам. При этом в целом оснований к утверждениям о том, что осужденные держались на голодном пайке, нет. Хотя меню было скудным и качество питания в значительной степени зависело от конкретно взятого места лишения свободы и его возможностей.

Вся производственная деятельность исправительных учреждений делилась на внутренние и внешние работы. Внутренние мастерские выполняли в основном заказы самого исправительного учреждения или восполняли, по мере возможности, внутрисистемные потребности. Это позволяло за счет внутренних ресурсов улучшать бытовые условия заключенных, особенно в части пошива и ремонта одежды и обуви, изготовления постельных принадлежностей, ремонта инструмента и др.

Гораздо большим экономическим подспорьем являлись внешние заказы на разного рода строительные, ремонтные, уборочные и иные работы. Здесь большие возможности заработать имели места заключения, расположенные в региональных центрах. Это позволяло им направлять часть доходов на развитие материальной базы внутренних мастерских. В результате исправительно-трудовая политика в таких учреждениях реализовывалась более эффективно. Возможностей расширения своей производственной деятельности в уездных местах заключения было гораздо меньше.

В производственной сфере мест лишения свободы существовала некая взаимозависимость. Считалось, что несколько больший исправительный эффект на заключенных имели внутренние работы в мастерских. Но их обустройство требовало значительных денежных средств. В условиях отсутствия централизованного финансирования местное руководство производило первоначальное накопление капитала путем активного использования заключенных на внешних работах, часть средств за которые направлялось на развитие внутренних мастерских. Постепенно ситуация

менялась, и если в 1924 году в среднем в мастерских трудилось 23% заключенных, то в 1927 году таких заключенных было уже 30%.

Несмотря на то, что трудовые и земельные колонии не приносили какой-либо прибыли, они в определенной мере способствовали снабжению исправительных учреждений продуктами. Эффективность их деятельности зависела от многих факторов: от выделенной земли и ее качества, местоположения, расположенных на территории построек, способов организации работы и др. В ходе исследования было выявлено, что наибольшую эффективность имели колонии, которые располагались вблизи региональных центров: например, «Печерск» Смоленского дома заключения, «Образцово» Орловского изолятора, Городская ферма Брянского исправдома.

Инфляция первой половины 1920-х годов, особенно в начале десятилетия, не позволяла в условиях фиксированного и недостаточного финансирования осуществлять в полной мере пенитенциарную политику по исправлению заключенного через его труд и участие в культурно-просветительской деятельности. Такое положение сохранялось на протяжении фактически всего исследуемого периода. Особенно трудно приходилось учреждениям, расположенным в уездах, до которых доходили лишь незначительные суммы выделяемого скудного местного и центрального финансирования мест лишения свободы.

Вся культурно-просветительская деятельность в исправительно-трудовых учреждениях разделялась на школьную и внешкольную работу. Школьная работа в первую очередь была нацелена на реализацию общегосударственного курса по ликвидации неграмотности в русле требований декрета 1919 года «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В середине 1920-х годов в местах заключения РСФСР действовала образовательная система, состоявшая пунктов ликвидации неграмотности, школ для малограмотных, школ повышенного типа.

Продуктивность школьных занятий зависела от многих факторов, начиная с материально-бытовых условий и заканчивая квалификацией педагогических работников. Кадровый вопрос стоял также остро, как и с медицинскими работниками. Во многих случаях организацией культурно-просветительской работы занимались сами заключенные без какого-либо педагогического образования. Такое положение наблюдалось на протяжении всех 1920-х годов. В несколько лучшем положении находилась Смоленская губерния, поскольку постоянная подготовка учителей на базе имевшегося здесь педагогического института сделала менее заметным кадровый голод и к середине 1920-х годов практически везде были организованы школьные занятия, в том числе и в районных исправительных учреждениях.

В целом успешность школьной работы в исправительных учреждениях оценить крайне трудно. Статистические данные по учреждениям говорят о росте общей грамотности заключенных, доля образованных заключенных в изучаемый период возросла с 82,0% в 1923 году до 88,0% в 1926 году⁴⁹⁷. Однако за то же время выросла и общая численность тюремного «населения»: с 1924 по 1926 год количество заключенных в местах лишения свободы увеличилось более чем в два раза, в том числе и за счет грамотной части населения страны.

Внешкольная работа была востребована практически во всех исправительных учреждениях, особенно в форме лекций и кружков. Это было обусловлено двумя факторами. Во-первых, для организации таковых не требовался высокообразованный организатор, было достаточно, чтобы он обладал неким опытом в избранной сфере деятельности, что позволяло использовать для этой работы заключенных. Во-вторых, активность того или иного вида работы зависела от заинтересованности самих заключенных: непопулярные кружки или не организовывались вовсе, или

⁴⁹⁷ Статистический обзор деятельности местных административных органов Народного комиссариата внутренних дел РСФСР // РСФСР. Нар. ком. внутр. дел. М., 1925. С. 62.

быстро закрывались по причине их невостребованности. В середине 1920-х годов наиболее популярными в среде заключенных были кружки по политграмоте, театральные и музыкально-вокальные. Лекции для заключенных в большей степени проводились по общественно-политическим вопросам.

Важным направлением в образовании и просвещении заключенных являлось библиотечное дело в исправительно-трудовых учреждениях. Большой наполняемостью и востребованностью книжного фонда отличались места заключения губернского уровня. В некоторых уездных учреждениях отсутствие стационарных библиотек по возможности восполнялось передвижными библиотеками.

Определенный воспитательный эффект имели выпускаемые в некоторых исправительных учреждениях стенгазеты и даже свои печатные издания, как, например, в Вяземском и Брянском исправдомах.

В целом нормативно-правовая база системы исправления наказаний была построена на гуманных принципах и направлена была на исправление заключенных через привлечение их к трудовой деятельности и вовлечение в культурно-просветительскую работу. На практике, однако, она оказывалась малоэффективной по ряду объективных причин. Главная из них – недостаточное финансирование всей системы мест заключения, переведенных государством на местное финансирование, что в значительной степени означало для большинства мест лишения свободы в исследуемых регионах существование через самоокупаемость.

Нехватка финансовых средств не позволяла организовать должным образом быт, труд и просвещение заключенных. Идеи исправления и гуманного отношения к заключенному, заложенные в пенитенциарную концепцию в первые годы советской власти, не просуществовали долго. В 1929 году страна взяла курс на индустриализацию, а вместе с ней началась и перестройка исправительно-трудовой системы: основной задачей стало массовое использование труда заключенных.

Как свидетельствуют материалы о деятельности исправительно-трудовых учреждений трех соседних губерний: Смоленской, Брянской и Орловской, основная задача советской пенитенциарной политики в 1920-е годы — перевоспитание заключенных через труд и культурно-просветительскую деятельность — в полном объеме выполнена не была. Об этом со всей очевидностью, наряду с другими фактами, свидетельствует рост рецидивной преступности: в 1923 году среди всех заключенных страны рецидивисты составляли от 5 до 7 процентов, из них 60% попадали в места лишения свободы более двух раз; в 1926 году количество рецидивистов выросло до 13%, из которых 57% пребывали в местах лишения свободы более двух раз.

Список источников и литературы

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Фонд А. 2306. Министерство просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР). 1917–1988.
2. Фонд А. 259. Совет Министров РСФСР.
3. Фонд Р–4042. Главное управление местами заключения (ГУМЗ) НКВД СССР.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО)

4. Фонд Р–42. Смоленский губернский дом заключения.
5. Фонд 2. Смоленское губернское правление.
6. Фонд 2360. Исполнительный комитет западного областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (запоблисполком).
7. Фонд Р–1465. Велижский исправительно-трудовой дом.
8. Фонд Р–1591. Смоленский губернский дом заключения № 2.
9. Фонд Р–161. Административный отдел Смоленского губернского исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.
10. Фонд Р– 37. Демидовский дом заключения.
11. Фонд Р–788. Трудовая сельскохозяйственная колония «Астрогань» Смоленского уезда.

Государственный архив Брянской области (ГАБО)

12. Фонд Р–2374. Брянская губернская инспекция мест заключения.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

13. Фонд Р–1151. Орловская губернская инспекция мест заключения.

Нормативно-правовые документы и делопроизводственные источники

14. Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. I. – 626 с.

15. Декрет Совета Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. от 26 декабря 1919 года «О ликвидации безграмотности среди населения Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. – 886 с.

16. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16.10.1924. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009071> (дата обращения: 11.11.2016).

17. Общая тюремная инструкция. Петроград, 1916. С. 72.

18. Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). 1959. – 360 с.

19. Постановление Наркомюста РСФСР от 23.07.1918г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_325.htm (дата обращения: 10.11.2016).

20. Постановлении НКЮ от 25 ноября 1918 г. О досрочном освобождении (инструкция) // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. – 360 с.

21. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». // Собрание законодательства РФ. 17.05.2021. № 20. ст. 3397.

22. Постановление НКЮ от 15 ноября 1920 г. Положение об общих местах заключения РСФСР // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. – 360 с.

23. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.».
24. Постановление НКЮ от 25 ноября 1918 г. О досрочном освобождении (инструкция) // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959). М., 1959. – 360 с.
25. Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела Н.К.Ю за 1917–1920 гг. – М., 1921. – 190 с.
26. Сборник материалов Центрального Карательного Отдела. № 1. – М., 1920. – 144 с.
27. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959 гг.). М., 1959. – 360 с.
28. Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857–1868. – 832 с.
29. Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 70.
30. Собрание Указаний и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 87–88.
31. Собрание узаконений и распоряжения правительства РСФСР. 1919. № 126. – 1216 с.
32. СУ РСФСР. М., 1919. № 67. – 886 с.
33. СУ РСФСР. М., 1922. № 15. – 1934 с.
34. Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела Н.К.Ю за 1917–1920 гг. М., 1921. – 204 с.
35. Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 - 2026 годы)» // «Собрание законодательства РФ», 16.04.2018, № 16 (Часть II), ст. 2374.

Периодические издания

36. Пролетарская революция и право. – 1919. – №2–4.

37. Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 4.
38. Еженедельник Советской юстиции. – 1922. – № 6.
39. Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 51.
40. Советское право. – 1924. – № 3(9).
41. Еженедельник советской юстиции. 1922. – № 45–46.
42. Еженедельник советской юстиции. 1922. – № 27.
43. Пролетарская революция и право. 1921. – № 15.

Монографии, статьи

44. Абрамкин В., Чеснокова В. Костер в белой ночи (как зеки себя калечили и как их калечила администрация) // Новое время. – 1991. – № 29. С. 51–55.
45. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. Лекция / – Рязань: НИиРИО РВШ МВД СССР, 1975. – 52 с.
46. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. – 184 с.
47. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства. 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М., 1934. – 618 с.
48. Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 186 с.
49. Березнева Е. Былое и думы тамбовского мужика // Труд. 1997. 10 июня.
50. Васильев Е.А. Тюремные записки. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1928. – 58 с.
51. Васильева С.А., Тарасов О.А. Организация пенитенциарного дела и учебно-воспитательной работы в местах лишения свободы в первые годы советской власти (на материалах Рязанской губернии) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. – С. 135–140.

52. Волков Г.И. Уголовная политика эпохи промышленного капитализма. М.: Гос. изд-во Советское законодательство, 1932. – 104 с.
53. Волошин Д.В. Образовательные взгляды С.В. Познышева на вопросы профессиональной подготовки служащих мест заключения в 1920-е годы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы межрегиональной научно-практической конференции, – Томск, 2017. – С. 217–219.
54. Волошин Д.В. Подготовка служащих мест заключений в Хабаровской школе среднего командного состава НКВД РСФСР (1925-1926 гг.) // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2021. № 3(9). – С. 125–132.
55. Волошин Д.В. Профессиональная подготовка служащих мест заключения в начальные годы советской власти (1917–1924 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. № 9(186). – С. 141–146.
56. Волошин Д.В., Михеенков Е.Г. Подготовка сотрудников исправительно-трудовой системы НКВД РСФСР в Сибири (1920-й–начало 1930-х годов) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. № 11(198). – С. 14–21.
57. Вольский М. В. Проблемы кадрового обеспечения тюремной системы Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, – Воронеж, 2016. – С. 433–436.
58. Вольский М.В. Вопросы подготовки кадров для пенитенциарных учреждений в России в конце XIX – начале XX века // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. № 4. – С. 194–196.
59. Вольский М.В. Использование ремесленного труда заключенных в годы первой мировой войны (1914-1917) // Аграрная история. 2021. № 7. С. 12-19.

60. Вольский М.В. Кадровая политика российского тюремного ведомства в конце XIX - начале XX в. // Защита прав человека как цель и содержание правоприменительной деятельности: сборник трудов Международной научной конференции в формате круглого стола, – Воронеж, 2018. – С. 137–142.
61. Вольский М.В. Кандидаты на пенитенциарные курсы при главном управлении мест заключения в России в 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. № 2(46). – С. 51–55.
62. Вольский М.В. Страницы истории тюремного служения в России на рубеже XIX-XX вв. // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, – Псков, 2020. – С. 88–94.
63. Вопросы кодификации советского исправительно-трудового права: Материалы теоретической конференции. – Саратов, 1961. – 56 с.
64. Вороницын И.П. Из мрака каторги. 1905-1917. – Харків: Державне видавництво України, 1922. – 150 с.
65. Галкин-Врасской М.Н. Записки начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского по командировании его в Сибирь и на о.Сахалин. – СПб., 1883. – 99 с.
66. Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. – Пг.: Гос. издательство, 1922. – 487 с.
67. Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. – М.: Право и жизнь, 1925. – 148 с.
68. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М. 1952. – Т. 3. – 430 с.
69. Гернет М.Н. Смертная казнь. – М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. – 149 с.
70. Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР. – М.: Юридическое изд-во, 1928. – 162 с.

71. Голяков И.Т. Некоторые вопросы науки и судебной практики в решении Пленума Верховного Суда СССР // Советская юстиция. 1940. № 5. – С. 5–10.
72. Гран П.К. Каторга в Сибири. – СПб.: Типо-лит. С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1913. – 53 с.
73. Греков М.Л. Тюремные системы: история и современность. – Краснодар, 1999. – 147 с.
74. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. – 867 с.
75. Дворжецкий В.Я. Пути больших этапов: Записки актера. – М.: Возвращение, 1994. – 118 с.
76. Детков М.Г. Научное и организационно-правовое обеспечение исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы в Российском государстве: исторический аспект и современность (к 200-летию МВД России). – М., 1998. – 294 с.
77. Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства и ее реализация при исполнении наказания в виде лишения свободы в тридцатые-пятидесятые годы. – Домодедово: РИПК работников МВД России, 1992. – 156 с.
78. Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов. – Домодедово, 1992. – 192 с.
79. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России, – М., 1999. С. 120 – 477 с.
80. Доклады теоретической конференции, посвященной вопросам советского исправительно-трудового права. Томск: Томский ун-т, 1959. – 32 с.

81. Евсеев И.В. Пенитенциарный и исправительно-трудовой компонент в истории советской уголовно-исполнительной системы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. №2. – С. 26–29.
82. Еропкин М.И. развитие органов милиции в советском государстве. – М., 1967. – 87 с.
83. Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54–79.
84. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
85. Зубков, А. И. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. – М., 1998. – 170 с.
86. Инсаров А.С. Балтийско-Беломорский водный путь. М. : Гострансиздат, 1934 – 72 с.
87. Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. – М.–Л., 1927. – 140 с.
88. Исаев М.М. Основы пенитенциарной политики. – М.–Л., 1927. – 196 с.
89. Исаков В.М. Труд осужденных в исправительно-трудовых учреждениях Советского государства (1917–1990 гг.). – М.: Изд-во Юрид. ин-та МВД России, 2000. – 217 с.
90. Исаков В.М., Мельник Е.В. Правовые основы и организация трудоиспользования заключенных в местах лишения свободы в период 1917–1930 гг // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-i-organizatsiya-trudoispolzovaniya-zaklyuchennyh-v-mestah-lisheniya-svobody-v-period-1917-1930-gg> (дата обращения: 04.02.2021).
91. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов [и др.]. Москва: Юрид. изд-во, 1948. – 466 с.

92. История советской милиции. – В 2 томах. Т. 2. / под ред.: Щелоков Н.А. – М., 1977. – 388 с.
93. Калинин М.И. Избр. произв. – М., 1960. – 784 с.
94. Карева М.П. Право и нравственность в социалистическом обществе. – М., 1951. – 184 с.
95. Карпец И.И. Индивидуализация наказания. – М., 1961. – 152 с.
96. Кесслер М. Задачи и методы производственно-хозяйственной деятельности в местах заключения. Доклад на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей. – М., 1928.
97. Кирзнер А.С. Наказание как удовлетворение потерпевшего // Социалистическая законность. 1937. № 9. С. 72–74.
98. Киссис М.Т. Основные этапы советской милиции. – М., 1965. – 29 с.
99. Коильев А.П. Кровавые протесты в Бутырках (1911–1913 гг.) – М., 1930. – 77 с.
100. Кокурин А.И. Петров Н.В. НКВД – МВД – МГБ: Структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1997. № 6. С. 105–118.
101. Кокурин А.И., Морукво Ю.Н., ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 108–123.
102. Комолова Э.В. Воронежская тюрьма в 1917 г. // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч., – Воронеж, 2019. – С. 184–186.
103. Комолова Э.В. К вопросу о тюремных беспорядках в Воронежской губернии в 1904-1908 гг. // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Воронеж, 2021. – С. 537–540.
104. Комолова Э.В. О беспорядках в Воронежской губернской тюрьме летом 1908 г. // Общество и власть в контексте истории, политологии,

социологии: Материалы Пятнадцатой региональной научной конференции. – Воронеж, 2021. – С. 75–81.

105. Комолова Э.В. О некоторых мерах гуманизации условий отбывания наказания в Воронежской тюрьме в XIX – начале XX вв. // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч., – Воронеж, 2019. – С. 188–190.

106. Комолова Э.В., Рогачев Д.Р. Из истории Воронежской тюрьмы в начале XX в // I научно-педагогические чтения молодых ученых имени профессора С.В. Познышева: сборник материалов межведомственной научно-практической конференции курсантов и студентов, – Воронеж, 2020. – С. 161–164.

107. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР, 1934–1938. Кн.2. – Пермь, 2002. – 286 с.

108. Кравери М., Хлевнюк О. Кризис экономики МВД (конец 1940-х – 1950-е годы) // Cahiers du Monde russe, XXXVI (1-2), janvier-juin 1995, P.179 – 190.

109. Крахмальник Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. Саратов, 1963. – 96 с.

110. Крупская Н.К. Основы политико-просветительской работы. – М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1959. – 751 с.

111. Крыленко Н.В. Реформа уголовного кодекса. – М., 1929. – 64 с.

112. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. – М., 2000. – 365 с.

113. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). – М., 1991. – 130 с.

114. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. – М., 1998. – 43 с.

115. Курас Л.В. Становление советского законодательства, регламентирующего деятельность мест заключения, в 1918–1920-е годы //

Сибирский юридический вестник. 2010. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sovetskogo-zakonodatelstva-reglamentiruyuschego-deyatelnost-mest-zaklyucheniya-v-1918-1920-e-gody> (дата обращения: 04.02.2021).

116. Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940 гг. – М., 1998. – 230 с.

117. Курс уголовного права в пяти томах. Т. 1: Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002 – 611 с.

118. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. – М., 1948. – 330 с.

119. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. История развития мер взыскания, применяемых к осужденным к лишению свободы, по исправительно-трудовому законодательству России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-mer-vzyskaniya-primenyaemyh-k-osuzhdennym-k-lisheniyu-svobody-po-ispravitelno-trudovomu-zakonodatelstvu-rossii> (дата обращения: 04.02.2021).

120. Кученко Н.М. Укрепление социалистической законности Сибири в первые годы НЭПа. – Новосибирск, 1981. – 272 с.

121. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – Т. 38. – 579 с.

122. Ливенцев Д.В. Исправительно-трудовые работы как этап либерализации пенитенциарной системы в 20-е гг. XX в // Правопорядок и его институциональные основы: сборник трудов международной научной конференции, – Воронеж, 2019. – С. 133–136.

123. Ливенцев Д.В. Правовое явление отпуска крестьян из заключения для осуществления сельскохозяйственных работ как форма либерализации советской исправительной системы в 1920-е гг. // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. 2019. № 3(38). – С. 104–112.

124. Ливенцев Д.В. Сезонный отпуск крестьян из заключения как форма либерализации советской исправительной системы в 20-е гг. XX в //

Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, – М., 2019. – С. 119–121.

125. Ливенцев Д.В. Требования советских заключенных по либерализации режима содержания в 20-х гг. XX в. // Границы прав и свобод личности с точки зрения либертарно-правовой теории (к 80-летию академика РАН В.С. Нерсисянца): сборник трудов международной научной конференции. – Воронеж, 2018. – С. 259–266.

126. Лосев М.П. Содержание заключенных в тюрьмах. – М., 1957. – 27 с.

127. Лучинский Н.Ф. Основы тюремного дела. – СПб., 1904. – 180 с.

128. Макарова А.Б. Норильское восстание // Воля. – 1993. № 1. – С. 68–109.

129. Маньковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. – М., 1949. – 123 с.

130. Материалы научной конференции, посвященной проблемам исправительно-трудового права. – Томск, 1961. – 173 с.

131. Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957 г.) / редкол.: В.Н. Калинин, Л.Д. Лукоянов, В.Н. Роцин, Б.С. Утевский; гл. ред.: С.С. Студеникин - М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1957. – 228 с.

132. Материалы теоретической конференции по вопросам советского исправительно-трудового права (май 1957). – М.: ВШ МВД СССР, 1957. – 228 с.

133. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990. URL: https://legitimist.ru/lib/history/055_s_melgunov_krasnyj_terror_v_rossii.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

134. Меньшагин В.Н. К вопросу об определении наказания по советскому уголовному праву // Ученые записки ВШОН. – Вып. 1. – М., 1940. – С. 43–57.

135. Михайлов В.С. К вопросу о возникновении института условно-досрочного освобождения осужденных и применения к ним мер, не связанных с лишением свободы // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozniknovenii-instituta-uslovno-dosrochnogo-osvobozhdeniya-osuzhdennyh-i-primeneniya-k-nim-mer-ne-svyazannyh-s-lisheniem> (дата обращения: 04.02.2021).

136. Михеенков Е. Г. Воспитательная работа с заключенными в пенитенциарной системе на территории Западной Сибири в эпоху нэпа // Человек: преступление и наказание. 2014. № 2 (85). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitatelnaya-rabota-s-zaklyuchennymi-v-penitentsiarnoy-sisteme-na-territorii-zapadnoy-sibiri-v-epohu-nepa> (дата обращения: 04.02.2021).

137. Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. – 800 с.

138. Мор Т. Утопия. – М., 1978. – 415 с.

139. Наташев А.Е. Неприемлемость «прогрессивной системы» отбывания лишения свободы // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. – Саратов, 1961. – С. 246–251.

140. Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936–38 гг. – М., 2003. – 102 с.

141. Научная конференция по советскому исправительно-трудовому праву // Советское государство и право, – 1957. № 12. – С. 129–132

142. Научный коммунизм: словарь / под ред. А.М. Румянцева. – М., Политиздат, 1983. URL: <http://tapemark.narod.ru/kommunizm/025.html> (дата обращения: 19.01.2021).

143. Никифоров П.М. В годы реакции в Иркутской тюрьме. – М., 1932. – 68 с.

144. Ной И.С. Теоретические вопросы лишения свободы. – Саратов, 1965. – 167 с.

145. Органы и войска МВД России. – М., 1996. – 21 с.

146. От тюрем к воспитательным учреждениям / под ред. А.Я. Вышинского, – М., 1934. – 449 с.

147. Павлушков А.Р. Религиозная жизнь заключенных в переходный (постреволюционный) период (1918 – начало 1920-х гг.): исторические противоречия и попытки их разрешения // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Чебоксары, 2020. – С. 187–190.

148. Павлушков А.Р. Судьба тюремных храмов в период советской антирелигиозной кампании // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): сборник материалов Всероссийской научной конференции, – Чебоксары, 2019. С. 62–65.

149. Пашков А., Дударец Г. Секретная стройка № 506 // Карта. – 1995. № 7–8. – С. 24–25.

150. Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. – М., 1924. – 160 с.

151. Пенитенциарная преступность: история и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Владимир, 2003. – 376 с.

152. Перебинос Ю.А. Организация и функционирование лагерей принудительных работ в советской России в 1919–1921 гг.: региональный аспект (на материалах Вологодской губернии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. – Т. 11. № 11(80). – С. 3012–3017.

153. Петренко Н.И., Никифорова И.А. Влияние Общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX века // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obschestva-popechitel'nogo-o-tyurmah-na-otechestvennuyu-penitentsiarnuyu-sistemu-v-pervoy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 19.08.2017).

154. Пионтковский А.А. Сталинская Конституция и проект Уголовного кодекса СССР. – М., 1947. – 42 с.
155. Пионтковский А.А. Формы уголовного права периода пролетарской диктатуры // Основы и задачи советской уголовной политики. – М., 1929. – С. 43–82.
156. Побожин И. Мертвая дорога // Новый мир. – 1994. № 8. – С. 89–182.
157. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. – М. 1924. – 342 с.
158. Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. – М., 2011. – 295 с.
159. Попков С.А. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929–1941 гг. // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. – Вып.3. – Новосибирск, 1997. С. 37–67.
160. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920гг.). – М., 1962. – 680 с.
161. Пруссак А. Из истории Беломорканала // Вопросы истории. – 1945. № 2. – С. 138–144.
162. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). – Уфа, 1994. – 465 с.
163. Рассказов Л.П., Дьяченко О.В., Упоров И.В. Органы госбезопасности и пенитенциарная политика советского государства в довоенный период: (1917–1941 гг.). – Краснодар, 2003. – 170 с.
164. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. – Краснодар, 1998. – 166 с.
165. Реент Ю.А. Историко-художественное осмысление советской пенитенциарной униформологии 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 55–59.

166. Реент Ю.А. История одной картины, или Взгляд на отечественную пенитенциарную униформологию 1920-х годов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2018. – № 3(190). – С. 39–49.

167. Реент Ю.А. Карательная система Кабардино-Балкарии в период новой экономической политики (1921–1928 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 5 (180). – С. 19–23

168. Реент Ю.А. От тюрем к лагерям: становление исправительно-трудовой системы России (к 100-летию Центрального карательного отдела) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4(44). – С. 270–275.

169. Реент Ю.А. Пенитенциарная система России в условиях кризиса 1917 года (к 100-летию Февральской буржуазно-демократической революции в России) // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25. – № 2. – С. 230–235.

170. Реент Ю.А., Жигалев Ю.А. Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921-1940 гг.). – М., 2018. – 192 с.

171. Репрессии 1930-х годов в Мордовии и их последствия. Материалы республиканской научно-практической конференции, 27 мая 1998 г. – Саранск, 2004. – 214 с.

172. Родионов А.В. Государственная уголовно-исполнительная политика России в сфере организации труда осужденных в период 1917–1922 гг. (историко-правовое исследование) // БГЖ. – 2016. № 4 (17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ugolovno-ispolnitelnaya-politika-rossii-v-sfere-organizatsii-truda-osuzhdennyh-v-period-1917-1922-g-g-istoriko-pravovoe> (дата обращения: 04.02.2021).

173. Рубежи: К 75-летней годовщине уголовно-исполнительной системы Ставропольского края: сборник. – Ставрополь, 1997. – 23 с.

174. Рыкачев Як. Инженеры Беломорстроя. – М., 1934. – 48 с.

175. Саломон А.П. Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалине. – СПб., 1899. – 224 с.

176. Саломон А.П. Тюремное дело в России. – СПб., 1898. – 38 с.
177. Сандомирский Г.Б. В неволе. Очерки и воспоминания. – Л., 1926. – 144 с.
178. Сибиряков С.Г. По пути в Сибирь. – М., 1928. – 16 с.
179. Симанович В.А. В новом Шлиссельбурге. – М., 1934. – 190 с.
180. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: справочник. 1923–1960. – М., 1998. – 597 с.
181. Скобенников А.И. Во Владимирской каторжной тюрьме. – Владимир. 1926. – 23 с.
182. Скоморох О.А. История тюремного служения христианской церкви в связи с пенитенциарными реформами XVIII-XIX вв. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. –Т. 12. № 1. – С. 240–249
183. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы Советской России. – Екатеринбург, 1997. – 364 с.
184. Советская милиция: история и современность. 1917–1985. – М., 1987. – 335 с.
185. Советские исправительно-трудовые учреждения. – М.: Госюриздат, 1960. – 76 с.
186. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современное положение. – СПб., 1900. – 339 с.
187. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений: учеб. пособие / Ф. Х. Ахмадеев, и др. – Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. – 214 с.
188. Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917 г. – 1925 г.). – Выпуск I, часть II. Рязань, 1984.
189. Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917–1925 гг.). / Стручков Н.А. и др. – Рязань, 1977. Ч. 1. – 352 с.
190. Стремоухов А.М. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела за 1900–1905 гг. – СПб., 1905. – 68 с.

191. Стручков Н.А. Полиция и милиция России. Страницы истории. – М., 1995. – 316 с.
192. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. – М., 1961. – 95 с.
193. Тарасов О.А. К вопросу о передаче Рязанского губернского концентрационного лагеря принудительных работ под охрану губернской милиции в 1921–1923 гг. // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, – М., 2019. – С. 188–193.
194. Тарасов О.А. Межведомственная борьба за контроль над местами лишения свободы в советской России в начале 1920-х годов // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4(87). – С. 59–64.
195. Тарасов О.А. Организация содержания и использования труда польских военнопленных в Рязанской губернии в 1920-1921 гг. // IV Международный пенитенциарный форум "Преступление, наказание, исправление": сборник тезисов выступлений и докладов участников, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России, в 10-ти томах, – Рязань, 2019. – С. 138–145.
196. Тарасов О.А. Особенности содержания политических заключенных и рост «тюремного противостояния» в местах лишения свободы советской России // V международный пенитенциарный форум «преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников V Международного пенитенциарного форума (приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий): в 9 т., – Рязань, 2021. – С. 158–164.
197. Тарасов О.А. Система управления уголовно-исполнительными органами на местах в годы Гражданской войны и НЭПа (по материалам Рязанской губернии) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 1(152). – С. 16–21.

198. Тарасов О.А. Учреждение Рязанской губернской тюремной инспекции и деятельность ее руководителей в 1912-1916 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: История. Международные отношения. – 2020. Т. 20. № 1. – С. 9–13.
199. Трайнин А. Уголовное право. Общая часть. – М., 1929. – 511 с.
200. Туманов Г.А. роль режима лишения свободы в достижении задач уголовного наказания // Усиление борьбы с преступностью в свете требований программы КПСС. – М., 1964. – С. 52–56.
201. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв. – СПб., 2004. – 608 с.
202. Упоров И.В. Социально-правовые аспекты уголовно-исполнительной политики советского государства в 1930-1960 гг. – Краснодар, 2003. – 142 с.
203. Утевский Б.С. Система и виды наказаний в Уголовном кодексе // Проблемы социалистического права. – М., 1938. – С. 36–46.
204. Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика – М., 1934. – 253 с.
205. Учреждение ЖХ-385, 70 лет. – Саранск, 2001. – 69 с.
206. Филиппов А.В. О наказаниях по законодательству Петра Великого, в связи с реформой. – М., 1891. – 457 с.
207. Фирсин С. Итоги Беломорстроя: доклад на президиуме Комакадемии. – М., 1934. – 60 с.
208. Фойницкий И.Я. На досуге. Сборник юридических статей и исследований с 1870 года. – СПб., 1898. – 608 с.
209. Хаустов В.Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР, 1934–1941 гг. – М., 1997. – 484 с.
210. Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг. // Свободная мысль. – 1992. № 13. – С. 73–84.

211. Христофорова Е.И. Режим в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР (1929 - 1941 гг.).: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – М., 2002. – 25 с.
212. Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х гг. // Вопросы истории. – 1991. № 4-5. – С. 157–163.
213. Цепковская Н. А., Комолова Э.В. Влияние внутривластной ситуации в России на всплеск волнений в тюрьмах Воронежской губернии в начале XX в. // Россия в контексте мировой цивилизации: философские и исторические проблемы взаимодействия: материалы Международной научно-практической студенческой конференции, – Воронеж, 2019. – С. 152–157.
214. Число выходящих на свободу по УДО в России за последние 5 лет сократилось вдвое // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/2445379> (дата обращения: 15.02.2021.).
215. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. – М., 1958. – Ч. 2. – 238 с.
216. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. – М., 1970. – 207 с.
217. Швец Н.Н. О принудительных работах по месту службы // Социалистическая законность. – 1939. № 5. – С. 72–73.
218. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское пенитенциарное право. – М., 1927. – 276 с.
219. Ширвиндт Е.К. К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. – М., 1957. – 241 с.
220. Шмаров И.В., Мелентьев М.П. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. – Пермь, 1971. – 168 с.
221. Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. – М., 1933. – 244 с.
222. Эстрин А.Я. Уголовное право СССР и РСФСР. – М., 1931. – 134 с.

223. Это нашей истории строки: 120 ГУИН: (Информационно-справочный сборник). – Владивосток, 1999. – 43 с.

224. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917 - 1927). – М.: Экономика, 1928. – 399 с.

225. Якубович М.И. О правовой природе института условного осуждения // Советское государство и право. – 1946. № 11 – С. 55–59.

226. Ястребов А.В. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года. – М., 1997. – 110 с.

Диссертационные исследования

227. Ахмадеев Ф.Х. Становление и развитие режима в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР (1917-1930 гг.) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 – Москва, 1993. – 24 с.

228. Белых Л.М. Развитие организационных форм участия общественности в деятельности исправительно-трудовых учреждений (1917-1933 гг.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – М., 1989. – 20 с.

229. Быков А.В. Становление и развитие пенитенциарной системы Западной Сибири в 1920-е гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук: – Омск, 2004. – 23 с.

230. Детков М.Г. Развитие системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: – М., 1994. – 498 с.

231. Кузьмин М.А. Стимулирование правопослушного поведения заключенных в исправительно-трудовых лагерях посредством реализации поощрительных норм (1930-1956 гг.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – Москва, 1998. – 23 с.

232. Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в Сибири (1917-1924 гг.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – Томск, 1972. – 29 с.

233. Кузьмина О.С. Становление и развитие воспитательной системы исправительных учреждений Советского государства (20-е, 50-70- гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: – М., 1994. – 23 с.

234. Любарский А.Ф. Общественное мнение и его влияние на правовое регулирование исполнения наказания в виде лишения свободы и деятельность исправительных учреждений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – Москва, 1996. – 25 с.

235. Печников А.П. Становление организационно-правовых форм исправления и перевоспитания осужденных в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР: (Октябрь 1917-1925 гг.): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – Москва, 1991. – 24 с.

236. Смыкалин А.С. Пенитенциарная система Советской России 1917 - начала 60-х гг.: Историко-юридическое исследование: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: – Екатеринбург, 1998. – 43 с.

237. Удодов А.Г. Правовое регулирование режима отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях Советского государства: 1929-1941 гг.: автореф. дис. ... кандидат. Юрид. наук: – М., 2003. – 23 с.

238. Упоров И.В. Исторический опыт формирования и реализации пенитенциарной политики России в XVIII - XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: – М., 2001. – 32 с.

239. Христофорова Е.И. Режим в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР (1929 - 1941 гг.).: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: – М., 2002. – 25 с.

Приложения

Док. №1

*Ведомость о числе больных заключенных, находившихся в тюремной больнице Смоленского губернского дома
заключения в 1918 году⁴⁹⁸*

Название болезни	На 1 января 1918 г.		В течении 1918 г.						Остаток на 1 января 1919 г.	
			прибыло		выбыло		умерло			
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Грипп	—	—	71	20	69	13	—	5	2	2
Тиф сыпной	—	—	4	4	4	1	—	—	—	3
Дизентерия	—	—	20	—	7	—	13	—	—	—
Острый ревматизм	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Цинга	—	—	18	—	18	—	—	—	—	—
Крупозная пневмония	—	—	6	1	4	1	2	—	—	—
Бугорчатка легких	—	—	25	—	15	—	8	—	2	—

⁴⁹⁸ ГАСО. Ф. Р–1591. Оп. 1. Д. 18. Л. 58–59 об.

Сифилис кондиллом.	5	—	87	7	92	7	—	—	—	—
Сифилис гуммозный	—	—	2	—	2	—	—	—	—	—
Мягкий шанкр	—	—	6	—	6	—	—	—	—	—
Перебегающая лихорадка и болотная кахексия	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Прочие общезаразные болезни	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Анемия и бледная немощь	8	—	84	21	85	12	—	2	5	9
Душевные болезни	—	—	4	1	4	1	—	—	—	—
Ушибы	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—
Раны:	—	—	5	—	5	—	—	—	—	—
1.Огнестрельные	3	—	2	—	4	—	1	—	—	—
2.Прочие										
Ожеги	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Прочие повреждения	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
Грыжи	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Болезни спинного мозга	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—
Эпилепсия	1	—	2	—	3	—	—	—	—	—

Истерия и неврастения	–	–	5	–	5	–	–	–	–	–
Прочие нервные болезни	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Болезни сердца	–	–	10	–	7	–	3	–	–	–
Болезни сосудов	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Прочие болезни этой группы	–	–	2	–	1	–	1	–	–	–
Воспаление дыхательных путей	–	–	7	1	6	–	–	–	1	1
Катаральной воспаление легких	–	–	6	–	5	–	1	–	–	–
Воспаление плевры	–	–	2	–	2	–	–	–	–	–
Болезни полости рта	–	–	3	1	–	3	–	–	–	1
ЖК катар	–	–	29	2	25	1	–	–	3	1
Болезни печени и желчных путей	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Прочие болезни этой группы	1	–	3	–	4	–	–	–	–	–
Воспаление почек	–	–	9	4	9	2		1	–	–
Болезни мужских половых путей	–	–	3	–	3	–	–	–	–	–
Мышечный ревматизм	–	–	2	–	1	–	–	–	1	–

Сведения о выдаче продуктов в Смоленском доме заключения в 1921 году⁴⁹⁹.

Наименование продуктов	1 февраля				2 февраля				3 февраля				Покупная стоимость продуктов		Стоимость продовольствия на одного человека
	Здоровые		Больные		Здоровые		Больные		Здоровые		Больные				
	Фун.	Зол.	Фун.	Зол.	Фун.	Зол.	Фун.	Зол.	Фун.	Зол.	Фун.	Зол.	Пуды	Руб.	
Хлеб	1		1		1		1		1		1		1	124	Среднесуточная стоимость на одного здорового заключенного – 18руб.11 коп. Больной заключенный- 25 руб.77коп.
Мясо		16		24		16		24		16		24	1	660	
Жиры		3		6		3		6		3		6	1	2140	
Крупа		12		27		12		27		12		27	1	260	
Овощи	1	19	1		1	19	1		1	19	1		1	312	
Мука		2		4		2		4		2		4	1	180	
Соль		2		4		2		4		2		4	1	320	
Сахарный				6				6				6	1	260	

⁴⁹⁹ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.

песок															
Кофе				3/8				3/8				3/8	1	2120	
Фрукты сух.												6	1	8000	
Перец															
Лук				4				1				1	1	810	

*Ведомость вещевого довольствия для заключенных мужского пола в
Смоленском доме заключения в 1923 году*⁵⁰⁰

№ п/п	Название вещей	Полагается по норме на одного человека	Сроки носки одной вещи, сут.	Ежегодно пополняется
1	Рубаха из бельевой ткани	3	180	2
2	Кальсоны из бельевой ткани	3	180	2
3	Блузы зимние	1	360	1
4	Блузы летние	2	180	1
5	Брюки зимние	1	360	1
6	Брюки летние	1	180	1
7	Шапка	1	480	По одной вещи на 2 человека
8	Полупальто на вате	1	900	По одной вещи на 5 человек
9	Телогрейка на вате	1	360 зимних дней	По одной вещи на 2 человека
10	Полушубок	1/5	720	По одной вещи на 10 человек
11	Передник	½	180	По одной вещи на 3 человека
12	Коты	1	180	По две пары на 1 человека
13	Полусапоги или поршни	½	360	По одной паре на 2 человека

⁵⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 18 (1923). Л. 93-94.

Плотность Орловского изолятора специального назначения в отчетный 1923 год⁵⁰¹

Время, к которому относятся сведения	Число штатных мест	Число следст. заключенных	Число сроч. заключенных	Число пересыльных заключ.	Общее число заключенных	Коэффициент плотности, %
Январь	1808	543	866	22	1431	79,1
Февраль	1808	587	896	26	1506	88,2
Март	1688	603	928	39	1570	93
Апрель	1688	524	1239	17	1780	105,4
Май	1598	381	1038	13	1432	89,6
Июнь	1598	630	693	42	1365	85,4
Июль	1598	465	760	89	1314	82,2
Август	1598	519	682	37	1238	77,4
Сентябрь	1598	485	749	18	1252	78,8
Октябрь	1598	466	775	15	1256	78,8
Ноябрь	1598	535	963	30	1548	94,2

⁵⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 48.

Док. № 5

Сведения испрашиваемых и утвержденных кредитов для уездных мест заключения Орловской губернии состоящих на местных средствах за 1923-24 бюджетный год⁵⁰²

Название мест заключения	Испрашивалось/утверждено	Зарплата служащих надзора	Хоз. расходы, отопление, освещение и т.д.	Канцелярские расходы	Расходы производственного характера	Отчисления на социальное страхование	Гигиенические и санитарные расходы
Елецкий исправдом	Испраш.	5506	5991	325	1223	991	-
	Утвержд.	8425	5191	241	1113	991	-
Ливенский	Испраш.	3174	1075	268	-	528	4964
	Утвержд.	3745	633	350	-	564	-
Болховский	Испраш.	1271	3146	168	225	319	-
	Утвержд.	1994	2502	164	225	319	-

⁵⁰² ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 16.

Мценский	Испраш.	1288	1389	195	455	164	-
	Утвержд.	1932	1389	43	455	211	-
Кромский	Испраш.	2871	438	81	354	398	-
	Утвержд.	3484	468	77	-	309	-
Малоархангельс кий	Испраш.	2227	Не видно	120	-	356	150
	Утвержд.	3293	Не видно	126	-	327	120
Дмитровский	Испраш.	998	Не видно	137	-	176	-
	Утвержд.	1498	Не видно	127	-	176	-

Сметная ведомость вещевого довольствия для Смоленского губернского дома заключения 1926-1927 годы⁵⁰³

№ п/п	Наименование предметов	Наличие на 1.10.1926г.			Движение с 1.10.26 по 1.10.27				Расход с 1.04. по 1.10.27			Предполагается к периоду остатков к 1.10.1927г.			Испрашивается к изготовлению на 1927-28 год.	
					Поступило	Израсходовано										
		Новые	Ношенные но годные к носке	Всего	Новых	На выдачу при этапировании	На выдачу при освобождении	Изношено и списано по статье	Выдается отправляемым на этап	Выдается неимущим при освобождении	Изношены заключенными	Новые	Годных с починкой	Всего	Предметов	Материалов для изготовления предметов
1	Кальсоны мужские	82	237	319	200	89	71	180	100	100	300	120	100	220	1883	4010,79
2	Шаровары летние	56	22	78	-	4	4	5	20	20	25	-	-	-	701	1619,31
3	Рубаха мужская	67	276	343	530	102	79	170	150	100	300	400	122	522	1581	4221,27
4	Портянки	244	-	244	-	20	13	20	20	20	50	101	-	101	2242	1591,82
5	Телогрек ватных	22	12	34	217	67	70	2	30	20	15	40	57	97	294	667,38

⁵⁰³ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 12 (1927). Л. 101-102 об.

6	<i>Полупальто</i>	31	21	52	-	3	1	-	5	4	25	4	10	14	376	1921,36
7	<i>Капоты</i>	-	119	119	-	-	1	18	5	10	50	-	35	35	125	622,50
8	<i>Ланты</i>	1703	-	1703	608	70	38	1500	180	100	1200	1253	-	12 53	4000	400 на рык

Программа работ заключенных Смоленского губернского дома заключения на 1922 год⁵⁰⁴.

№ п/п	Наименование мастерских и видов продукции	Кол-во изделий	Кол-во человеко-дней	Оплата в рублях		Накладные расходы	Всего
				За работу	За материал		
Портняжная мастерская							
	Шинели	75 шт.	300	155,62	37,50	39,38	262,50
	Пальто	50 шт.	25	187,50	25,00	37,50	250,00
	Френчи	60 шт.	150	129,00	24,00	27,00	180,00
	Гимнастерки	90 шт.	90	92,75	22,50	19,75	135,00
	Брюки	100 шт.	75	60,00	25,00	15,00	100,00
	Фуражки и шапки	300 шт.	150	105,00	30,00	15,00	150,00
	Нательное белье	1000 комп.	750	390,00	150,00	60,00	600,00

⁵⁰⁴ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 20 (1922). Л. 2-4.

	Верхние рубахи	500 шт.	250	120,00	50,00	30,00	200,00
	Матрацы	1000 шт.	75	35,00	50,00	15,00	100,00
	Простыни, наволочки, фартуки и тп.	1000 шт.	100	33,75	30,00	11,25	75,00
	Разная починка	1500	1500	1050,00	300,00	150,00	1500,00
Итого		—	3720	2388,62	744,00	419,88	5552,50
Сапожная мастерская							
	Мужская обувь	600 пар	1500	900,00	120,00	180,00	1200,00
	Женская обувь	400 пар	700	430,00	80,00	90,00	600,00
	Детская обувь	100 пар	150	75,00	15,00	10,00	100,00
	Туфли	200 пар	300	160,00	30,00	10,00	200,00
	Рукавицы	200 пар	100	26,00	10,00	4,00	40,00
	Уздечка	100 комп.	35	17,00	10,00	3,00	30,00
	Хомуты	50	100	40,00	5,00	5,00	50,00

	Шлеи	50	100	35,00	10,00	5,00	50,00
	Разная починка	2000	2000	1200,00	150,00	150,00	1500,00
Итого		-	4985	2883,00	430,00	457,00	3770,00
Слесарно-кузнечно-жестяное производство							
	Оковка телег	25 шт.	75	45,00	11,25	6,25	62,50
	Оковка колес	10 шт.	200	105,00	30,00	15,00	150,00
	Оковка саней	15 шт.	30	16,00	4,25	2,25	22,50
	Ковка лошадей	600 ног	90	45,00	9,00	6,00	60,00
	Печи жестяные	100 шт.	100	45,00	9,00	6,00	60,00
	Трубы	1000 арш.	150	80,00	10,00	10,00	100,00
	Ведро, лейки	100 шт.	50	22,50	4,50	3,00	30,00
	Тазы, умывальники	50 шт.	25	11,25	2,25	1,50	15,00
	Ковши, котелки	50 шт.	10	4,00	0,50	0,50	5,00

	Топоры	200 шт.	150	70,00	20,00	10,00	100,00
	Молотки	100 шт.	30	13,00	5,00	2,00	20,00
	Разные мелочи	500 шт.	100	60,00	25,00	15,00	100,00
Итого		-	985	516,75	130,75	77,50	725,00
Столярная, плотницкая и бондарная мастерская							
	Стол�ы простые	100 шт.	150	80,00	10,00	10,00	100,00
	Стулья	100 шт.	100	60,00	7,50	7,50	75,00
	Шкафы	20 шт.	100	90,00	18,0	12,00	120,00
	Табуретки	150 шт.	50	36,00	4,50	4,50	45,00
	Скамейки	100 шт.	75	40,00	5,00	5,00	50,00
	Танганы	2000 шт.	1000	750,00	150,00	100,00	1000,00
	Ящики упаковочные	5000 шт.	750	375,00	75,00	50,00	500,00
	Дроги и телеги	25 шт.	75	40,00	5,00	5,00	50,00

	Сани	25 шт.	40	20,00	2,50	2,50	25,00
	Колеса	100 шт.	150	80,00	10,00	10,00	100,00
	Гробы	50 шт.	25	20,00	2,50	2,50	25,00
	Оконные рамы	50 шт.	200	120,00	15,00	15,00	150,00
	Бочки	50 шт.	40	30,00	4,50	3,00	37,50
	Кладки и дежи	50 шт.	25	20,00	2,50	2,50	25,00
	Разные поделки	200	60	35,00	10,00	5,00	50,00
Итого		-	2850	1796	322,00	234,50	2352,50
Лапотная							
	Лапти лыковые	5000 пар	2000	475,00	250,00	25,00	750,00
	Лапти веревочные	1000 пар	500	175,00	150,00	25,00	350,00
Итого		-	2500	650,00	400,00	50,00	1100,00
Прачечная							

	Стирка белья	3600	2500	1690,00	740,00	270,00	2700,00
Хлебопекарня							
	Выпечка хлеба	7000	1000	410,00	850,00	140,00	1400,00
Ассенизационные работы							
	Вывоз нечистот	8000 бочек	2700	4150,00	1250,00	600,00	6000,00
Внешние работы							
	Поденные, земляные, выгрузка, разгрузка при постройки зданий	50 чел.	15000	13500,00	-	1500,00	15000,00
Всего		-	36240	27984,37	4866,00	4748,63	36600

Ведомость о зарботке заключенных за произведенные работы в местах заключения Орловской губернии с 1 января по 1 ноября 1923⁵⁰⁵.

Заработано на внутренних работах	Заработано на внешних работах	Всего заработано	Отчислено на вознаграждение инструкторов	Отчислено на улучшение питания заключенных	Отчислено в лицевые счета заключенных	Отчислено на оборудование мастерских	Отчислено на содержание заключенных	Всего отчислено	Проведено работами дней	Проведено без работами дней
Орловский изолятор специального назначения										
592760 руб.98 коп.	253196 руб. 72 коп.	845957 руб. 70 коп.	126893 руб. 55 коп.	84595 руб. 70 коп.	211489 руб. 25 коп	296380 руб. 49 коп	126598 руб. 71 коп	845957 руб. 70 коп.	90585 руб.	147926 руб.
Елецкий исправдом										
11231 руб.	216500 руб. 48 коп.	227731 руб. 48 коп.	25933 руб. 38 коп.	1433 руб. 70 коп.	66646 руб. 18 коп.	40088 руб. 47 коп.	93629 руб. 75 коп.	227731 руб. 48 коп.	44255 руб.	60632 руб.
Ливенский исправдом										

⁵⁰⁵ ГАРФ Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 23.

775 руб.	84844 руб. 81 коп.	85619 руб. 81 коп.	12843 руб. 01 коп.	8561 руб. 96 коп.	21404 руб. 94 коп.	42809 руб. 90 коп.	-	85619 руб. 81 коп.	14310 руб.	17216 руб.
Итого по местам заключения										
604766 руб. 98 коп.	544542 руб. 01 коп.	1159308 руб. 99 коп.	165669 руб. 94 коп.	94591 руб. 36 коп.	299540 руб 47 коп.	379278 руб. 86 коп.	220228 руб. 46 коп.	115930 8 руб. 99 коп.	149150 руб.	225774 руб.

Док. №9.

Ведомость об ассигновании кредитов для Орловского изолятора с 1 января 1923 года по 1 января 1924 года⁵⁰⁶. В червонном исчислении

Наименование расходов	Суммы полученные до 1 октября 1923 года	Суммы полученные после 1 октября 1923 по 1 января 1924 года
Зарплата служащих и надзора	1189789 руб. 61 коп.	10180 руб. 53 коп.
Освещение, водоснабжение, наем помещений и канализация	126536 руб.	800 руб.

⁵⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 105. Л. 19.

Хозяйственные расходы	129104 руб.	530 руб.
Канцелярские расходы	33404 руб.	260 руб.
Отопление помещений	440784 руб.	2900 руб.
Почтово-телеграфные расходы	39029 руб.	150 руб.
Путевые, командировочные расходы	55913 руб.	210 руб.
Содержание гужевого транспорта	31857 руб.	160 руб.
Продовольствие заключенных	409525 руб.	8750 руб.
Вещевое довольствие заключенных и надзора	203490 руб.	1580 руб.
Хозяйственные расходы санитарно-гигиенического характера	95670 руб.	600 руб.
Оборудование и ремонт мастерских	121900 руб.	600 руб.
Культурно-просветительская работа	66320 руб.	220 руб.
Капитальный ремонт зданий	862000 руб.	700 руб.
Итого*:	3865321 руб. 61 коп.	27640 руб. 53 коп.

* неточности в расчетах

Сведения о средней заработной плате на одного человека по видам производства Смоленского губернского дома заключения за 1924-1925 год⁵⁰⁷.

№ п/п	Наименование мастерских	Служащие ⁵⁰⁸		Работающие заключенные		Общая сумма произведенного
		Кол- во	Среднегодовая зарплата	Среднее количество	Среднегодовая зарплата на человека	
	Слесарно- кузнечная	1	75,00	16	30 руб. 34 коп.	2332 руб. 11 коп.
	Портняжная	1	75,00	12	73 руб. 27 коп.	2604 руб. 53 коп.
	Сапожная	1	75,00	17	54 руб. 11 коп.	3844 руб. 60 коп.
	Слесарно- плотницкая	1	75,00	14	21 руб. 34. коп	1169 руб. 38 коп.
	Переплетная	-	-	4	20 руб. 70 коп.	354 руб. 19 коп.
	Бондарная	-	-	3	24 руб. 70 коп.	175 руб. 75 коп.
	Лапотная	-	-	12	4 руб. 46 коп.	86 руб. 68 коп

⁵⁰⁷ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 38 (1925). Л. 20.

⁵⁰⁸ В данной графе показано инструктора мастерских, которые основной оклад жалования получали из местных средств в размере 210 рублей каждый год.

	Прачечная	-	-	5	33 руб. 67 коп.	432 руб. 07 коп
	Обработка перьев	-	-	5	17 руб. 22 коп.	256 руб. 28 коп.
	Белошвейная	-	-	2	38 руб. 01 коп.	225 руб. 76 коп.
	Чулочная	-	-	2	9 руб. 35 коп.	174 руб. 21 коп.
	Ремонт зданий	-	-	53	30 руб. 36 коп.	1966 руб. 62 коп.
	Разные работы	-	-	4	18 руб. 32 коп.	167 руб. 05 коп.
ИТОГО		-	-	-	-	13788 руб. 25 коп.

Перечень договоров, заключенных на производство различных видов работ Орловским изолятором специального назначения в 1925 году⁵⁰⁹.

Наименование учреждения или лица с кем заключен договор	Род работы	Суммы
Управление МББ ж.д.	Ассенизационный обоз	800 руб.
Орловская товарная биржа		50 руб.
Управление Тердивизии		70 руб.
Лесная школа		35 руб.
16 стр. полк		15 коп.
Орловская п.т. контора	Ремонт весов	
Хозчасть Изолятора	Ремонт здания	6900 руб.
Базарный комитет Воздвиженской площади	Чистка площади	420 руб.
Гр. Бамбукчеев	Изготовление 2 мил. папирос, цена за тысячу.	30 коп.

⁵⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 289. Л. 24.

Губземуправление	Типографские работы	137 руб.
Губсовпартшкола		188,65 руб.
ГУБФО		1689 руб.
Адм.отдел ГИК		2631,85 руб.
Теруправление	Ремонт обоза	104 руб.
Сельхозкредит	Типографские работы	182 руб.
Хозчасть изолятора	Пошивка шинелей	164 руб.
Шпагатно-прядельная фабрика	Пошивка обуви	252 руб.

Сведения об учебно-воспитательной деятельности Смоленского губернского дома заключения в 1922 году⁵¹⁰.

№ п/п	Наименование и виды учебно-воспитательной работы	Декабрь 1923	Январь 1924	Февраль 1924	Март 1924	Апрель 1924
Школа						
1.	Среднее ежегодное число учащихся	20	25	23	29	24
2.	Всего присутствовали на занятиях в течении месяца	185	480	575	662	570
Внешкольная работа						
3.	Лекции по общеполитическому вопросу	—	—	—	2	—
4.	Лекции по прикладным наукам	—	—	—	1	1
5.	Общее число слушателей	—	—	—	200	135
6.	Число концертов, спектаклей, киносансов и	4	3	5	7	5

⁵¹⁰ ГАСО. Ф. Р-161.Оп. 1. Д. 156 (1922). Л. 300.

	тд.					
7.	Число зрителей	530	370	485	810	625
Кружки						
8.	Драматический с числом учащихся на 1 число месяца	15	15	15	16	15
Библиотека						
9.	Общее количество томов на 1 число месяца	1909	1909	1804	1907	1907
а)	Общеполитические науки	1083	1083	1013	1027	1027
б)	История общеполитических наук	156	156	155	155	155
в)	Отделение литературы	351	351	331	414	418
г)	Отделение естествознания	82	82	82	88	84
д)	Отделение прикладных наук	229	229	223	223	223
10.	Количество абонентов на 1 число месяца	90	80	50	82	76
11.	Общее число выданных за месяц книг	680	570	360	613	607
Читальная						

12.	Число получаемых газет и журналов	—	—	—	—	—
13.	Средняя посещаемость	—	—	—	—	—
Общие сведения						
14.	Из всех заключенных на 1 число месяца было:					
а)	Неграмотных	57	53	77	62	83
б)	Малограмотных	198	159	260	318	315
в)	Грамотных:	432	462	431	401	282
	Из них с низшим образованием	394	425	362	375	245
	Средним образованием	33	32	62	38	31
	Высшим образованием	5	5	7	8	6
15.	Общее количество работников на 1 число месяца	6	6	6	8	7

Сведения о количестве неграмотных и прошедших обучение в Смоленском доме общественно-принудительных работ в 1923 году⁵¹¹.

Месяцы	Остается неграмотных 50-летнего возраста на первое число месяца	Из них пробывали в заключении		Поступило неграмотных в течении месяца	Состояло неграмотными	Обучение грамоте, чтению, письму и счету		Остались неграмотными к следующему месяцу
		Менее 6 месяцев в	Более 6 месяцев в			Менее 6 месяцев	Более 6 месяцев	
Январь	18	16	2	10	28	6	2	20
Июнь	20	15	5	8	28	6	3	19
Декабрь	20	18	2	8	28	5	1	22

⁵¹¹ ГАСО. Ф. Р-42. Св. 20. Д. 20 (1923). Л. 11, 121; Д. 24 (1924). Л. 93.

Расписание школьных занятий и культпросвета по учебно-воспитательной части

Орловского изолятора специального назначения в 1923 году⁵¹².

Наименование	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
Библиотека	с 10 до 16 ч.	С 12 до 18 ч.	С 12 до 18 ч.	с 10 до 16 ч.	С 12 до 18 ч.	С 12 до 18 ч.	
Музей	-	-	-	-	-	-	
Юридическое бюро	-	С 12 до 16 ч.	-	С 12 до 13 ч.	-	С 12 до 13 ч.	
Шк. группа не грам.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	
Шк. группа мало грам.	С 8:30 до 11:30 ч.	-	С 8:30 до 11:30 ч.	-	С 8:30 до 11:30 ч.	-	
Шк. группа грам.	-	С 8:30 до 11:30	-	С 8:30 до 11:30	-	С 8:30 до 11:30	
Лекции	Географии С 13 до 15 ч.	Гигиена и сан. С 13 до 15 ч.	Истор. и лит. иск. С 13 до 15 ч.	Сел. хоз. и кооперация С 13 до 15 ч.	Математика С 13 до 15 ч.	Общ. мировед. и Ист.культ. С 13 до 15	Полит. эконом. С 10 до 12 ч.

⁵¹² ГАРФ.Ф.Р – 4042.Оп.2.Д.105.Л.21

						ч.	
Шк. см. типа малолетних	С 14 до 15 ч.	С 14 до 18 ч.	С 14 до 18 ч	С 14 до 18ч.	С 14 до 18 ч	С 14 до 18	С 14 до 16 ч.
Шк. см. типа женщин	С 8:30 до 11:30 ч.	С 8:30 до 11:30 ч.	С 8:30 до 11:30 ч.	С 8:30 до 11:30 ч.	С 8:30 до 11:30 ч.	С 8:30 до 11:30 ч.	
Художест. студия	-	-	-	-	-	-	
Драм. кружок	С 16 до 18:30 ч.	С 16 до 18:30 ч.	С 16 до 18:30 ч.	С 16 до 18:30 ч.	С 16 до 18:30 ч.	С 16 до 18:30 ч.	
Хор. кружок	С 16 до 18:30 ч.	-	С 16 до 18:30 ч.	-	С 16 до 18:30 ч.	-	
Музык. кружок	-	С 16 до 18:30 ч.	-	С 16 до 18:30 ч.	-	С 16 до 18:30 ч.	
Литер. научн. кружок	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 8:30 до 10 ч.	С 10 до 14 ч.
Физ.культ.	С 10 до 11ч.	С 10 до 11 ч.	С 10 до 11 ч.	С 10 до 11 ч.	С 10 до 11 ч.	С 10 до 11ч.	С 10 до 11ч.
Общее собрание культпросвета	-	-	-	-	-	-	С 14 до 17 ч.

Смета расходов по воспитательно-учебной части

Смоленского губернского дома заключения на 1927-1928 годы⁵¹³.

№ п/п	Наименование и перечень расходов	Сумма	
		Руб.	Коп.
1.	Расходы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди заключенных	407	50
а)	Изготовление 5 штук столов (1 стол на 3 человек) стоимостью 10 рублей	50	
б)	Изготовление 10 штук скамеек по 1 р.75 коп. (на данный момент имеется 4 скамьи)	17	50
в)	2 классные доски висячие (одна на женский корпус, другая на мужской)(на данный момент досок не имеется)	20	
г)	Школьные пособия	200	
д)	Изготовление школьных шкафов 3 штуки для пособий (на данный момент нет ни одного)	120	
2.	Расходы на пополнение библиотеки	1160	
а)	Приобретение 4 шкафов для хранения книг	160	

⁵¹³ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 8 (1927). Л. 338.

б)	Приобретение новых книг: в настоящий момент имеется 1100 томов по различным наукам, 50% которых представляли собой устаревшую дореволюционную литературу, которая по своему содержанию для чтения непригодна	1000	
3.	Расходы по выписке газет и журналов	679	10
4.	Расходы по столу юридической помощи заключенным	25	
5.	Расходы по драмкружкам	195	
6.	Расходы по музыкальному кружку	50	
7.	Расходы по шашечно-шахматному кружку	70	
8.	Расходы по канцелярии УВЧ	70	
9.	Расходы по радиокружку	425	
10.	Расходы на кино	170	
Итого		3250	60